

№ 1536^х (47)

ДѢЛА
ДАВНО ЖИВШИХЪ
ДНЕЙ

М.О. фонъ Кубе

МОРСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ПРИ КАЮТЬ-
КОМПАНИИ МОРСКИХЪ ОФИЦЕРОВЪ
ВЪ САНЪ ФРАНЦИСКО

3008 CLAY STR. SAN FRANCISCO CALIF. U.S.A.

М. О. фонъ КУБЕ

Дѣла давно минувшихъ дней

Морское Издательство при Каютъ-Компаніи
Морскихъ Офицеровъ въ Санъ-Франциско
3003 Clay str. San Francisco Calif. U. S. A.

Все права сохранены за авторомъ.
All rights reserved.

Bayerische
Staatsbibliothek
München

Книга отпечатана въ собственной
Типографіи Издательства „СЛОВО“
238, Avenue du Roi Albert
Shanghai.

Оглавление

I. ПРЕДАНЫЯ СТАРИНЫ ГЛУБОКОЙ...	...Стр.
1. ПРОМЫШЛЕННИКЪ ЦАРСКІЙ	7
2. ШЕВАЛЬЕ ЛОМБАРДЪ	35
3. СТАРОЕ КРЕСЛО.	81
4. СМЕРТЬ КОРАБЛЯ.	101
II. ПОДЪ БРАМСЕЛЯМИ И ЛИСЕЛЯМИ.	
5. КОРТИКЪ... ..	125
6. ТРИНАДЦАТЬ... ..	155
III. ВЪ МИРНЫЕ ДНИ.	
7. ПИРАТЪ	175
8. ЭКОНОМІЯ.	197
9. ОХОТА	215
IV. ГАРДЕМАРИНЫ.	
10. АДЪЮТАНТЪ МИНИСТРА	227
11. НЕ СГОВОРИЛИСЬ..	237

I.

**Преданья старины
глубокой.**

Промышленникъ царскій.

Звенить и поетъ весенній вѣтеръ... На мгновенье затихнетъ, какъ бы духъ переводить, а тамъ снова помчится куда-то, торопясь, захлебываясь... Да мало ли ему хлопотъ и дѣла въ это ясное весеннее утро лѣта отъ сотворенія мира семь тысячъ сто шестьдесятъ осмое!

Надо и стряхнуть прошлогоднюю хвою въ рощѣ, на высокоомъ обрывѣ, гдѣ старыя сосны ворчливо скрипятъ въ отвѣтъ на его бурныя, неуклюжія ласки, и заглянуть во всѣ закоулки и расщелины старой, сѣрой башни полуразрушеннаго замка, вздувая перья нахохлившихся филиновъ и сычей, и потрепать развѣшенные на заборахъ сѣти рыбаковъ — бѣлобрысыхъ ливовъ. Надо и подсобить мимолетомъ апрѣльскому солнцу высушить большія лужи на проѣзжей дорогѣ, и покрыть спокойное теченіе широкой Двины-рѣки мелкой рябью, дѣлающей ее схожей съ тѣми шелковыми тканями, что привозятъ въ Москву персидскіе купцы изъ далекаго Индійскаго царства.

Залетѣлъ вѣтеръ и на другой берегъ и такъ закрутилъ въ вихревомъ столбѣ пыль и стружки на корабельной стройкѣ, что плотники и пильщики, вытирая глаза, прервали работу, а ста-

рый мастеръ — тиммерманъ изъ славнаго города Любека разразился всѣми ругательными словами, что узналъ онъ въ долгіе годы трудовой жизни по всѣмъ корабельнымъ пристанищамъ сѣверныхъ морей.

Промчался вѣтеръ и снова застучали топоры, завизжали пилы. Далеко разносится этотъ непривычный стукъ и шумъ по всему маленькому, сонному рыбацкому поселку — Кокенгузену, нынѣ отошедшему подъ высокую руку Московскаго Царя и нареченному, въ память невинно убиеннаго младенца, царевича — Царевичъ - Дмитриевымъ городкомъ.

Любо слышать этотъ шумъ боярину Афанасію Ордыну - Нащокину. Вышелъ на крыльцо, оперся *рукой на перила, другой прикрываетъ глаза отъ яркаго солнышка. Всмотривается. Опустилъ руку, улыбнулся, погладилъ широкую бороду. Ладно работаютъ ребята! Четыре, пять... шесть новыхъ реберъ прибавилось на новой большой шнявѣ. А съ другой, что поменьше, вѣтеръ доноситъ обрывки однообразнаго напѣва: «Эхъ разъ! Да еще разъ!...» Бояринъ прищурилъ одинъ глазъ. Надъ палубой медленно приподнимается прямой стволъ — мачта!

— Молодецъ, ей же ей, старый нѣмчур! — бормочетъ бояринъ:—обѣщаль въ середу мачту ставить, анъ ужъ сегодня поспѣлъ!—Довольная улыбка снова заиграла подъ густыми сѣдѣющими усами. Радуетъ боярина, что спорится его любимое дѣло.

— Доколѣ не будетъ на Варяжскомъ морѣ царскихъ судовъ, — думаетъ онъ свою старую думу. — Не сбить спеси со свейскаго короля, не вернуть Русскому царю вотчинъ дѣдичъ и отчичъ. Вотъ, почитай, два мѣсяца судимъ да рядимъ со свейскими посланцами — а толку нѣтъ! Знаютъ, что по морю путь имъ всегда воленъ — насъ къ нему ни за что подпустить не хотятъ! Нѣтъ! — бояринъ въ сердцахъ ударилъ кулакомъ по периламъ. Не поборотъ врага безъ судовъ морскихъ!

— А что же Андрюши Альскаго до сихъ поръ не видно? — Мелькнула другая мысль: — Сказывалъ я ему далече не отлучаться и по ту сторону «Трехъ сосенъ» не заходить, какъ у насъ со шведами уговорено. Вечоръ еще долженъ былъ вернуться, анъ нѣтъ его да нѣтъ. Неровень часъ — не приключилось ли уже чего съ нимъ? Нѣтъ! Тряхнулъ онъ сѣдѣющей головой: «вѣтеръ не Богъ вѣсть какой крѣпкій, да и кормчій у него бывалый, сызмала къ морю привычный, а на рѣкѣ тѣмъ паче управится! Жаль только, что чужой. Нѣтъ у насъ своихъ, что знали бы морской обычай. Все нѣмцу, либо датчанину кланяйся!

Бояринъ перегнулся черезъ перила.

— Сбѣгай-ка, молодець, на вышку, — крикнулъ онъ, — поспрошай, не видать ли снизовья паруса, либо судна.

Подремывавшій у воротъ стрѣлецъ встрепе-

нулся, приставилъ къ частоколу тяжелую пещаль, подтянулъ неторопливо, одно за другимъ, голенища высокихъ сапогъ и тронулся было по узкой тропкѣ надъ берегомъ, какъ раздался хриплый звукъ рожка съ вышки.

— Ворочается! — проговорилъ бояринъ. Тревожная складка, залегшая между густыми бровями, разгладилась.

За поворотомъ рѣки показались косые паруса бота, поднимавшагося попутнымъ вѣтромъ по широкому руслу.

Шурясь отъ яркаго солнца, бояринъ вглядывался въ очертанія приближавшагося судна: — Что за чудеса! Андрюша вышелъ одинъ, а сейчасъ, кажись, другое судно за собой на привязи ведетъ. Рыбакамъ попутчикамъ что ли пособить взялся? Или... — у боярина даже духъ захватило: — Ужели... На первомъ же походѣ. Встрѣтилъ шведа... и одинъ на одинъ!

Безконечнымъ казалось время, пока оба судна стали подъ берегомъ, у корабельной стройки. Нетерпѣливо шагая назадъ и впередъ по узкому крыльцу, бояринъ не отрывалъ взгляда отъ бота. Вотъ — спустили на воду яль... сѣли гребцы... отвалили... идутъ, пересѣкая широкую гладь рѣки.

Прошло еще нѣсколько томительныхъ минутъ. Въ воротахъ показалась стройная фигура молодого человѣка, быстро направлявшагося къ крыльцу.

— Здравствуй, Андрюша! — крикнулъ бояринъ, спускаясь ему навстрѣчу, — гдѣ пропадалъ? Какой доброй вѣстью порадуешь?

Юноша скинулъ шапку и отвѣсилъ низкій поклонъ, коснувшись правой рукой земли.

— Исполать тебѣ, бояринъ Афанасій Лаврентьевичъ, — проговорилъ онъ, вытаскивая какой-то свертокъ, засунутый между зеленымъ бархатнымъ полукафтаноуъ и надѣтой поверхъ него кожаной рыбацкой курткой, — молодцы царева бота «Соколъ» бьютъ тебѣ челомъ первымъ вражескимъ знаменемъ, взятымъ въ честномъ бою!

Съ этими словами онъ развернулъ и сложилъ къ ногамъ боярина темно-синій флагъ съ пересѣкавшимъ его большимъ желтымъ крестомъ.

Афанасій Лаврентьевичъ положилъ обѣ руки на плечи молодого человѣка.

— Спасибо! Спасибо тебѣ, Андрюша! Утѣшилъ ты меня старика! Сказывай скорѣе, какъ же было дѣло?!

Сѣрые глаза Альскаго радостно сверкнули.

— Вышли мы, значить, поутру, — началъ онъ, — по твоему указу, дозоромъ пройти по Двинѣ-рѣкѣ да заодно и ботъ на ходу попытать. Вѣтеръ крѣпкій, встрѣчный. Шли на веслахъ. Къ полудню вижу — ребята умаялись. Непривычно имъ еще подолгу на веслѣ сидѣть, — вставилъ онъ,

какъ бы извиняясь, — ну, и рѣшилъ я дать имъ передохнуть, пополдничать, да и ворочаться. Къ тому же видно было вдали урочище, что «Тремя соснами» прозывается, и памятовалъ я твой наказъ, дальше него не ходить. Анъ, вдругъ, дозорный вскричалъ, что видитъ судно, къ берегу, у дереvушки, причаленное...

— По сю сторону урочища, значить?! — перебилъ его, нахмуясь, бояринъ.

— Вѣстимо, по сю сторону! До урочища, почитай, еще добрыхъ пять, а то и шесть верстъ оставалось. Вѣдомо мнѣ было, что по уговору твоему со шведами не должно ихъ судамъ по сю сторону ходить, а нашим по ту. Вижу — ратные люди ихніе по берегу рыщутъ, скарбъ всякій изъ домовъ выносятъ, къ берегу скотъ сгоняютъ. Велѣлъ я тутъ кормчему держать къ берегу да окликнуть ихъ по свейски, зачѣмъ де они супротивъ уговору поступаютъ и на царской землѣ народъ обираютъ. Начальникъ ихній отвѣтствовалъ, что онъ де шведскаго военнаго судна капитанъ и окромя своихъ начальниковъ никому отвѣта держать не долженъ, а тѣмъ паче...

Альскій запнулся. Радостно-возбужденное выраженіе исчезло съ его лица. Опустивъ глаза, онъ молча покусывалъ нижнюю губу.

— Въ чемъ же дѣло, Андрюша?!

— Надсмѣхаться зачалъ онъ, — горячо сорвалось у Альскаго, — что тѣмъ паче, молъ, не ста-

нетъ отвѣта держать невѣдомымъ людямъ... бродягамъ! Велѣлъ я отвѣтить, что не невѣдомые мы бродяги, а Царя Московскаго ратные люди! Шведъ еще пуще сталь изыматься, да такія слова про Свѣтлѣйшаго Государя Алексія Михайловича выговорилъ, что мой старикъ-нѣмецъ и повторяетъ не захотѣлъ, потому де больно соромныя рѣчи онъ ведетъ! Не стерпѣлъ я тутъ, бояринъ! Самъ ужъ крикнулъ ему — мой толмачъ и перевестъ не успѣлъ! — что-бы убирался онъ сей же часъ по добру-по здорову, да велѣлъ кормило положить, чтобы сойтись съ нимъ вплотную. Слышу — шведъ что-то крикнулъ по своему. Вижу — люди его, что за нашъ разговоръ по борту стали, пищали на насъ наводятъ... Успѣлъ только крикнуть: «Ложись, ребята!» какъ грохнули всѣ пищали разомъ да пули кругомъ запѣли, что шмели разсерженные. Богъ миловалъ — никого не задѣло, только въ большемъ парусѣ дыръ пять, аль шесть пробило. Старикъ мой какъ навалится на кормило, такъ носъ нашего «Сокола» врѣзался въ ихнюю корму, ажъ доски затрещали! Выхватилъ я саблю: «За мной, ребята, ратники царскіе!» Перескочили на палубу къ нимъ — и пошла потѣха! Шведы пищалей то зарядить не успѣли, побросали ихъ да за пики и сабли схватились... Ну, да гдѣ имъ супротивъ нашихъ топоровъ! — Немало побили, пожалуй, всѣхъ бы положили, да тутъ ихній начальникъ что-то залопоталъ, а мой нѣмецъ кричитъ мнѣ, что сдастся онъ и

милости просить. Вижу, и оружіе они побросали. Ну — остановилъ своихъ... Не легко было — больно ужъ осерчали ребята! Перевязали шведовъ да подъ палубу и заперли ихъ. Вотъ и все, бояринъ, — закончилъ онъ, крутя въ рукахъ свою мѣховую шапку.

Прошло нѣсколько минутъ... Поднявъ взглядъ, Альскій увидѣлъ, что бояринъ, обнаживъ голову, уставился неподвижнымъ взоромъ въ далекое, блѣдно-голубое небо. Губы его беззвучно шевелились. Казалось, что онъ забылъ все окружавшее его?

— Не прикажешь-ли, бояринъ, — тихо заговорилъ Альскій, — привести полоненнаго шведа? Можетъ — самъ допросишь его?

— А? Да! — очнулся бояринъ, и на губахъ его заиграла довольная улыбка: — подай его сюда, своего шведа, Андрюша!

На зовъ Альскаго откликнулись голоса за воротами, и во дворѣ появилось четверо вооруженныхъ пиками и бердышами молодцовъ, окружавшихъ плѣннаго. Руки его были скручены за спиной, голова обмотана тряпкой, на которой проступали темно-бурая пятна запекшейся крови. Позади шагаль развалистой, качающейся походкой старикъ-шхиперъ, попыхивая изъ глиняной голландской трубки «дѣвольскимъ зеліемъ». Завидя боярина, онъ выбилъ ее объ каблукъ и спряталъ въ глубокой карманъ своихъ кожаныхъ штановъ.

— Допроси его, Кришанъ Матвѣичъ, — обратился къ нему бояринъ, — зачѣмъ онъ за рубежъ ходилъ, когда свейскіе посланцы словомъ поручилися, что до сговору ихнїя суда по сю сторону урочища выходить не будутъ.

На вопросъ шхипера раненый бросилъ нѣсколько словъ отрывистымъ, хриплымъ голосомъ.

— Что онъ лопочеть такое? — спросилъ бояринъ.

Злобно сверкнувъ глазами въ сторону Альскаго, шведъ повторилъ тѣ-же слова.

— Говори же, Кришанъ!

— Онъ говоритъ, бояринъ.. Не прсгнѣвайся — его слова повторяю — что не желаетъ знаться съ людьми, что разбойнымъ образомъ нападаютъ.

— Ахъ ты, песъ паршивый! я те!... — вскипѣлъ Альскій и размахнулся.

— Брось, Андрюша! Лежачаго не бьютъ! — остановилъ его бояринъ.

Альскій нехотя повиновался и отошелъ въ сторону, кусая губы и сжимая рукоятку сабли.

— Скажи ему, Кришанъ, — продолжалъ, нахмурясь, бояринъ: — чтобы языку воли не давалъ, а то онъ живо запоетъ у меня по иному! Да спроси — с чего онъ на царскихъ ратныхъ людей поклепъ взводитъ и охульными словами ихъ безчеститъ!

Допросъ возобновился. Кришанъ настойчиво убѣждалъ въ чемъ-то шведа. Наконецъ тотъ заговорилъ — отрывисто, рѣзко, не сводя глазъ съ внимательно вслушивавшагося въ неповятную рѣчь боярина. Кришанъ переводилъ — медленно, ища слова и, видимо, смягчая рѣзкія выраженія плѣнника:

— Говоритъ онъ... что всѣхъ королей и государей военныя суда, идучи въ бой, перво наперво поднимаютъ на мачтахъ своего царства особый прапоръ, сирѣчь знамя, дабы вѣдомо было что то де свейскаго али датскаго, либо иного какого королевства или вольнаго города корабли... Сказываетъ еще, что даже турки, что въ погананаго Махомета вѣрують, — и тѣ свое красное знамя подымаютъ, когда набѣгомъ идутъ на христіанскія земли... Которые же по морямъ бродятъ и скрываютъ, изъ какой они страны родомъ, — тѣ всякимъ добрымъ морякомъ за пиратовъ, сирѣчь разбойниковъ морскихъ, почитаются и съ ними не по воинскому обычаю поступаютъ, а...

Кришанъ замаялся, и только нетерпѣливый окрикъ боярина заставилъ его закончить:

— ...а какъ съ ворами и душегубцами...

Альскій снова рванулъ впередъ, но повелительный знакъ боярина удержалъ его на мѣстѣ. Онъ сжалъ кулаки и отвернулся. Наступило продолжительное молчаніе... Слышно было лишь, какъ кричали чайки надъ рѣкой, да доносился

съ другого берега стукъ топоровъ. Наконецъ бояринъ заговорилъ:

— Прикажи отвести плѣнныхъ въ караульную избу и сдать ихъ подъ надзоръ стрѣльцкому сотнику. А ты, Кришанъ, скажи ему, что будутъ ихъ кормить и поить и по воинскому обычаю съ ними поступать, — подчеркнул онъ, — коли же вздумаетъ бунтовать аль бѣжать попытается — пусть не взыщетъ — у меня съ нимъ тогда расправа будетъ коротка. А ты, Андрюша, прикажи дворецкому выкатить бочку вина для твоихъ молодцовъ!

И бояринъ сталъ медленно, тяжелой поступью, подниматься по ступенямъ крыльца...

Заходящее солнце играло золотомъ и багрецомъ на слюдяныхъ окошкахъ боярскаго терема. Потянуло холодкомъ. На стройкѣ смолкъ стукъ топоровъ. Въ рыбацкихъ хатахъ затеплились тусклые огоньки. Въ тихомъ вечернемъ воздухѣ отчетливо доносилась перекличка дозоровъ.

Бояринъ Афанасій толкнулъ низенькую дверь и, нагнувъ голову, чтобы не задѣть за притолоку, перешагнулъ порогъ небольшой горницы. Изъ-за дубоваго стола, заваленнаго свертками и заставленнаго баночками и площадками съ киноварью, бѣлилами, чернью, поднялся худощавый человекъ съ жиденькой косицей сѣдыхъ волосъ, спускавшейся на воротъ потертой шубенки. Пара острыхъ маленькихъ глазокъ

взглянула на вошедшаго и вокругъ нихъ разошлась сътъ мелкихъ морщинокъ, вызванныхъ привѣтливой улыбкой, заигравшей на безкровныхъ губахъ.

— Боярину Афанасію Лаврентьевичу наше нижайшее, — заговорилъ пѣвучимъ голосомъ человекъ, — указъ твой исполнилъ, какъ могъ, по своему худому умишкѣ. Изволь взглянуть.

Онъ взялъ со стола листъ и поднял его къ свѣту, слабо пробивавшемуся сквозь маленькое оконце.

— Велѣлъ ты мнѣ, бояринъ, сочинить для судовъ морскихъ прапоръ, чтобъ вѣдомо было всѣмъ, что то Его Царскаго Величества корабли суть. Смекнулося мнѣ, что у иноземныхъ кораблей знамена дѣлаются тѣхъ цвѣтовъ, что въ гербѣ, сирѣчь символѣ, той королевской или иной державы обозначены. Такъ, для приклада, свейскій король въ гербѣ своемъ три золотыхъ вѣнца на лазоревомъ полѣ имѣеть — и знамена свейскія суть лазоревыя съ золотымъ али желтымъ крестомъ. Въ гербѣ же царей Московскихъ, — какъ тебѣ вѣдомо, бояринъ, — изображается святой Побѣдоносецъ Георгій. А пишется онъ на червленомъ полѣ, въ серебряныхъ dospѣхахъ и на бѣломъ конѣ. Отсюда и явствуетъ, что Московскаго царства цвѣта суть — червленый и серебряный али бѣлый... Такъ я и написалъ, — закончилъ онъ,

указывая на рисунокъ флага, раздѣленнаго голубымъ крестомъ на четыре поля — два бѣлыхъ и два красныхъ, накрестъ лежащихъ, — крестъ же — лазоревый, какъ море, — я добавилъ, чтобы видно было, что подъ симъ знаменемъ сражаются христіанскіе воины.

— Спасибо, братъ Василій, — произнесъ бояринъ, кладя ему на плечо руку, — сегодня же скажу боярынѣ, чтобы всѣхъ дѣвокъ засадила за шитье, а ужъ для Андрюшина «Сокола» велю шить изъ лучшаго шемаханскаго шелку... Больно обрадовалъ онъ меня старика своимъ лихимъ дѣломъ! Когда же свижусь опять съ канцлеромъ Магнусомъ и Лимоніусомъ и другими свейскими посланцами, объявлю имъ, чтобы отнынѣ сей прапоръ за Его Царскаго Величества знамя почитали... — бояринъ промолчалъ нѣсколько мгновеній: — Не обижайся, братъ, заговорилъ онъ снова, не хочу хаять твоей работы, а все же скажу по совѣсти — пестровать онъ малость, твой прапоръ. Чудится мнѣ, что Россійской державѣ, надо что-то иное — и проще и смиреннѣе, и чтобы въ ту же пору была въ немъ и мощь, и красота... Мерещится мнѣ что-то... а явственно не вижу, что именно...

— Пожалуй, — продолжалъ онъ, — слѣдовало бы для порядку сначала отписать въ Посольскій приказъ, чтобы изъ него грамоту снарядили... Да ждать некогда! — оживился онъ, ударяя кулакомъ по столу, — пока тамъ въ Москвѣ судить

да рядить будутъ, насъ тутъ разбойниками и татями честятъ да царское имя поносятъ! Нѣтъ, самому надо рѣшать, что на пользу, что во вредъ Цареву дѣлу! Перечти-ка мнѣ, братъ Василій, царскую грамоту.

Дьякъ досталъ съ полки обвязанный шелковымъ шнуромъ свертокъ, развернулъ его, откашлялся и началъ. «Боярину нашему...»

— Нѣтъ, не то, перебилъ его Ордынъ-Нащокинъ, — дальше!

— Понимаю, батюшка, что тебя надобно, — отозвался дьякъ, вода, пальцемъ по замысловатой вязи и бормоча вполголоса: — А! Вотъ оно!... «Промышляй всѣми мѣрами, чтобы у шведовъ выговорить въ нашу сторону въ Канцахъ и подъ Ругодивомъ корабельныя пристанища и отъ тѣхъ пристаней для проѣзда въ Корелѣ на Невѣ городъ Орѣшекъ, да на рѣкѣ Двинѣ городъ Кукейнось, что нынѣ Царевичъ-Дмитріевъ, и иныя мѣста, которыя пристойны. А объ уступкѣ городовъ за эту дачу промышляй по своему разсмотрѣнію одинъ, смотря по тамошнему дѣлу, какъ тебя Богъ наставитъ..»

— Оно, оно самое, — проговорилъ бояринъ, — выпрямляя свою могучую фигуру, да, — братъ — одинъ — промышлялъ и буду промышлять Царское дѣло... по чести, по совѣсти... какъ бы ни шипѣли на меня въ Москвѣ въ приказахъ да въ думѣ боярской. Писано есть: кому много дано, съ того много и взыщется. Надо

многимъ поставилъ меня Государь — онъ съ меня и взыщетъ. Совѣсть моя чиста передъ нимъ, какъ чиста передъ Господомъ. Да будетъ святая воля Его!

— Аминь! — отозвался тихимъ голосомъ дьякъ, бережно сворачивая пергаментъ.

Послѣдній косой лучъ солнца задержался на мгновенье на чертѣжѣ флага для молодого царскаго флота и скользнулъ дальше. Яркія краски потухли. Сѣрыя тѣни поползли изъ темныхъ угловъ, обволакивая неподвижныя фигуры двухъ человекъ, думавшихъ каждый сею думою о будущемъ Русской земли; — ближняго боярина Афанасія Ордына - Нащокина и подъячаго Василія Котошихина...

II.

Стоналъ и завывалъ осенній вѣтеръ. Давно уже сорвалъ и унесъ онъ послѣдніе листья тощихъ березокъ и ольхъ и набрасывался сейчасъ со злобою на старыя сосны, нежелавшія разставаться со своимъ вѣчно-зеленымъ нарядомъ. По свинцово-сѣрому небу плзли низкія тучи, раздражавшіяся холоднымъ, мелкимъ дождемъ. Бѣлые гребешки ходили по широкому теченію Двины.

На единственной улицѣ Царевичъ - Дмитриева городка царило необычайное оживленіе, несмотря на погоду, въ которую, какъ говорит-

ся, «добрый хозяинъ пса не выгонитъ». Тяжело нагруженные везы, неистово скрипя плохо смазанными осями, вытягивались за околицу, другіе — еще догружались. Между ними сновали стрѣльцы въ подоткнутыхъ длинныхъ кафтаныхъ, хлопотали бабы, вынося всякій домашній скарбъ. Звонкіе, высокіе голоса перекликались, причитывали. Сыпались затрешины путавшимся подъ ногами, ревающимъ ребяташкамъ, раздавались пинки сбитымъ съ толку и носившимся по лужамъ Шарикамъ и Жучкамъ. Жалобно ревѣлъ, звеня цѣпью, ручной медвѣдь, какъ бы опасаясь, что его забудутъ въ общей суматохѣ. На окраинѣ городка глухо и однозвучно гремѣлъ барабанъ, сзывая стрѣльцовъ, занятыхъ сборомъ имущества и неторопившихся въ строй.

На небольшомъ холмѣ, у самага выѣзда, стояла группа всадниковъ. Впереди — на тяжеломъ сѣромъ, длинногривомъ конѣ — бояринъ Афанасій съ неподвижнымъ, каменнымъ лицомъ. Безучастнымъ взглядомъ проводилъ онъ колымаги, увозившія боярыню и домочадцевъ, и столь же безучастно глядѣлъ онъ сейчасъ на вереницу вытягивавшихся изъ городка, груженыхъ возовъ и шедшихъ вразбродъ около нихъ стрѣльцовъ. Но вдругъ выраженіе его лица рѣзко измѣнилось; брови сдвинулись, въ глазахъ загорѣлся ирачный огонь, а рука бессознательно натянула поводъ, заставивъ богатырскаго коня попятиться назадъ.. Взглядъ боярина упалъ на другую сторону дороги, гдѣ сквозь мелкую сѣтку дож-

дя виднѣлись неподвижныя фигуры шведскихъ драгунъ въ черныхъ плащахъ и надвинутыхъ на лицо широкополыхъ шляпахъ.

— Ждутъ — не дождутся, пока уберемся, — процѣдилъ бояринъ сквозь зубы, — привелось дожить до того, что сызнава исконную русскую землю отдаемъ шведу! Одно утѣшеніе, что уволилъ Государь отъ переговоровъ, что не приложилъ руки... Эхъ! — потрянулъ онъ головой, — да развѣ отъ того легче бросать все, что собиралъ?! А господинъ шведскій комиссаръ еще пытается получить обратно суденышко, что забралъ Андрюша со своими молодцами... Нѣтъ, шутишь! — закончилъ онъ съ мрачной улыбкой, поворачивая голову въ сторону стоявшаго рядомъ стрѣлцаго сотника — Лаврентьевъ! У тебя глаза моложе моихъ — глянь - ка, что дѣется на стройкѣ! — Сотникъ прикрылъ глаза рукою, вглядываясь въ завѣсу дождя:

— На большемъ суднѣ, бояринъ, два чело-
вѣка ходятъ... что-то перетаскиваютъ.

Пронесся сильный порывъ вѣтра. Изъ разорванныхъ тучъ выглянуло блѣдное осеннее солнце, превращая въ серебряные блески послѣднія капли утихавшаго дождя.

На мачтахъ стоявшихъ подъ берегомъ судовъ — недостроенной большой шнявы, двухъ ботовъ и захваченной шведской скампаваи — начали появляться пестрые клубки... Свѣжѣющій вѣтеръ разворачивалъ ихъ въ красно-бѣлыя флаги съ голубымъ крестомъ.

— Прапоры напослѣдокъ подняли на судахъ... Охъ! Взгляни, бояринъ! — перебилъ самъ себя сотникъ, протягивая руку. На носу шнявы поднялось бѣлое облако дыма, донесся звукъ глухого удара... за бѣлымъ дымомъ повалили густые клубы чернаго, въ которомъ заблистѣли желто - красные языки огня.

— И тамъ!... И тамъ!...

Огоньки пробѣжали по смоленому борту бота, вспыхнули на кормѣ скампавеи... Раздалось еще два глухихъ удара. Ярко-желтое пламя взметнулось высоко надъ стройкой, дождь искръ посыпался на городокъ. Тупо глазѣвшіе на уходъ своихъ недолгихъ гостей рыбаки бросились къ своимъ хибаркамъ. Свѣжѣющій вѣтеръ раздувалъ пожарище. Черная пелена дыма затянула гибнувшія въ огнѣ суда и корабельную стройку...

Бояринъ Афанасій низко склонилъ голову. Крупная слеза медленно скатилась по его щекѣ.

— Кончено... Не видать Варяжскому морю царскихъ судовъ. Не суждено...

По улицѣ, обдавая грязью послѣдніе возы, пронесся всадникъ. Альскій рѣзко осадилъ своего горячаго аргамака:

— Кончено, бояринъ, — заговорилъ онъ прерывающимся отъ быстрой скачки голосомъ, — четыре боченка пороху сдѣлали чистую работу. Не видать имъ нашего «Сокола»!... — голосъ его

упалъ: — Такъ и не пришлось ему увидѣть снѣго моря!...

Бояринъ ничего не отвѣтилъ. И когда прошли послѣдніе ряды стрѣльцовъ, медленно шагавшихъ по жидкой грязи дороги, онъ не оглядываясь — тронулъ поводья своего коня.

III

Медленно и осторожно спускается царскій поѣздъ по ухабистой дорогѣ къ бревенчатому мосту на замерзшей рѣчкѣ. Мартовское солнце не въ силахъ еще одолѣть зимы; что растопить оно днемъ, то снова скуетъ ночью морозъ. Прѣзжая дорога вся въ рытвинахъ и ухабахъ и царскій возокъ качается, какъ суденышко, застигнутое бурей. Шлепаютъ въ мокромъ снѣгу копыта коней, увязаютъ по колѣно бредущіе по сторонамъ и позади возка пѣшіе стрѣльцы.

Дородный бояринъ, сидящій супротивъ царя, заснулъ крѣпкимъ сномъ, и голова, съ сѣдой бородой, въ высокой бобровой шапкѣ, мѣрно качается вправо и влево, слѣдуя розмахамъ возка. Забавно глядѣтъ на него восьмилѣтнему царевичу и хочется смѣяться, — да что - то больно задумался братецъ — Государь... И лицо у него такое озабоченное, и отвѣчаетъ онъ на безчисленные вопросы какъ - то нехотя и разсѣянно, а то и совсѣмъ какъ бы не слышитъ

ихъ. А вопросовъ надо разрѣшить не мало. Почему грачи на зиму улетаютъ?... И куда?... И почему стрѣльцы такіе неуклюжіе и смѣшные въ своихъ длиннополыхъ кафтанахъ, подоткнутыхъ, какъ юбки у бабъ, а рейтары иноземныхъ полковъ такіе ловкіе и красивые?... И почему братецъ такъ задумался и не смотритъ на яркое солнышко, на сверкающій снѣгъ, на перелетающихъ съ березы на березу грачей и на золотыя верхушки монастыря, что показались на томъ берегу за сосновымъ лѣсомъ?!

На дорогѣ, по ту сторону моста, показалась фигура всадника, спѣшившаго навстрѣчу поѣзду. Видно было, какъ поднималась и опускалась рука съ нагайкой, подхлестывая усталого коня.

— Братецъ, а братецъ! — задергалъ царевичъ за рукавъ глубоко погруженнаго въ свои думы царя, глянь - ко, конный, что ты утромъ посылалъ, ворочается!

— А... — отозвался царь, поднимая голову и какъ бы стряхивая навязчивыя мысли, — гдѣ онъ?

— Вонъ... на мосту...

Звонко застучали подковы на бревенчатомъ настилѣ.

Поровнявшись съ возкомъ, всадникъ осадилъ окутаннаго облакомъ пара коня въ глубокой снѣгъ у дороги и скинулъ шапку.

— Какія вѣсти?! — крикнулъ царь, припод-

нимая кожаную занавѣску и не дожидаясь, чтобы ближній бояринъ протеръ глаза и допросилъ бы гонца.

Всадникъ низко склонился къ лукъ сѣдла:

— Отецъ игумень велѣлъ доложить, Государь, что отецъ Антоній живъ еще, но плохъ, очень плохъ и ждетъ не дожидется Твоего пріѣзда...

— Въ путь, скорѣе! — обратился царь къ боярину, надо спѣшить, пусть гонять во всю!

Возничій щелкнулъ бичемъ: «Эхъ, родныя!... Выноси!» Дружно налегли кони на постромки и возокъ снова закачался по ухабамъ...

Встрѣтивъ вопросительный взглядъ живыхъ черныхъ дѣтскихъ глазъ, царь Феодоръ Алексѣевичъ мягко и грустно улыбнулся:

— Невеселая для тебя поѣздка, Петруша, — заговорилъ онъ, — да, вѣдь самъ напросился. — возьми да возьми!..

— А почему, братецъ, ѣдемъ мы къ отцу Антонію? Кто онъ такой? Почему ему плохо? — засыпалъ царя вопросами мальчикъ.

— Отецъ Антоній — святой жизни человекъ. — монахъ... Въ міру назывался бояриномъ Ордыномъ - Нащокинымъ и былъ вѣрнымъ слугой покойнаго батюшки. Умудрилъ его Господь великимъ знаніемъ и по ратнымъ, и по посольскимъ дѣламъ. Не разъ ѣзживалъ я къ нему за совѣтомъ.. А сейчасъ — лѣта его преклон-

няя, боленъ онъ и — чаю — кончается... — Царь замолкъ и снова погрузился въ свою думу.

Вопросы тѣснились еще въ дѣтской головкѣ, когда вниманіе царевича было отвлечено вѣздомъ въ монастырскія ворота. Возокъ остановился у высокаго крыльца. Подоспѣвшіе гридни высадили подъ руки царя, легко выпрыгнувъ на утопанный снѣгъ живой и нетерпѣливый царевичъ, кряхтя и покачиваясь, на затекшихъ отъ долгаго сидѣнія ногахъ, вылѣзъ бояринъ.

— Живъ еще отецъ Антоній?! — спросилъ тревожнымъ голосомъ царь, подойдя подъ благословеніе настоятеля.

— Живъ, батюшка Государь, но съ часу на часъ ждемъ кончины его. Слабѣетъ плоть, но силенъ духомъ и борется со смертію... Жаждетъ еще разъ увидѣть тебя, Государь, и побесѣдовать съ тобою, раньше чѣмъ отрѣчься отъ всякаго земнаго помышленія и пріять великую схиму... Потому, — спохватился вдругъ настоятель, — и не звонили въ колокола...

— Благослови, отче, — перебилъ его царь, — провести меня къ отцу Антонію. Время не терпитъ.

Длинными переходами, гулко отзывавшимися на шаги, дошли до закрытой двери... «Во имя Отца и Сына»... «и Святаго Духа — Аминь» отозвался молодой голосъ. Заскрипѣла узкая, низенькая дверь.

Въ маленькой, выбѣленной известью келии,

на жесткомъ, простомъ ложѣ лежалъ больной. Серебряныя пряди порѣдѣвшихъ волосъ и такая-же борода обрамляли исхудалое лицо. Изможденныя желтыя руки скрещены на груди. При звукѣ открывавшейся двери тяжелыя вѣки приподнялись, сѣрые затуманенные глаза ожили. Больной попытался приподняться. Стоявшій у изголовья молодой послушникъ торопливо поддержалъ его за костлявыя плечи.

— Лежи, не тревожь себя, отче! — мягко сказалъ царь, дѣлая знакъ послушнику опустить больного.

— Прости, Государь, что не могу поклониться тебѣ, — заговорилъ больной глухимъ, прерывающимся голосомъ, за великую милость... что исполнилъ просьбу... посѣтилъ меня недостойнаго. Душой болѣлъ я, что умру не простившись... — Онъ закашлялся сухимъ мучительнымъ кашлемъ. Впалыя щеки покрылись лихорадочнымъ румянцемъ, костлявые желтые пальцы протянулись къ горлу, какъ бы стараясь отстранить невидимую, душившую его руку.

Глубокое молчаніе царило въ келии.

Лицо больного приняло болѣе спокойный видъ и онъ снова заговорилъ:

— Братъ Михаилъ... сослужи службу... вынь изъ-подъ изголовья свертокъ...

Послушникъ нагнулся и, пошаривъ, вытянулъ свертокъ какой-то разноцвѣтной ткани.

— Разверни...

Въ рукахъ послушника развернулась смятая, слежавшаяся, мѣстами истлѣвшая ткань. Четыре квадрата — накрестъ, бѣлые и красные, пересѣченные голубымъ крестомъ.

— Хранилъ я его всѣ долгіе годы... Взгляни, Государь, — се прапоръ, что поднять былъ на первыхъ царскихъ судахъ... давно... при батюшкѣ Твоемъ... блаженной памяти Государѣ Алексѣе Михайловичѣ... Не судьба была.. Не выходи царскія суда на вольное Варяжское море...

Больной промолчалъ нѣсколько мгновений. Снова раздался его голос, но болѣе ясный, какъ бы окрѣпшій:

— Называлъ меня батюшка Твой — промышленникомъ Своимъ... за то, что по совѣсти, по святому долгу своему, промыслялъ лишь то, что на пользу Государеву, на величіе Русской земли шло... Не кривилъ душой... Прими, Государь, послѣднюю просьбу, послѣдній завѣтъ отъ недостойнаго холопа Твоего... Повели... сотвори на морѣ Варяжскомъ суда... Не бывать Державѣ Россійской великой и славной, пока не будетъ море Твоимъ, какъ и суша... Пока не будутъ трепетать вороги, завидя знамя царское на морскихъ судахъ... Нѣтъ, не сіе, — кивнулъ онъ глазами на завернутый флагъ: — чуялъ я всегда, что оно не то... Надо другое... лучше... чище... — Глаза его закрылись, голова тяжело опустилась назадъ.

Прижавшись къ брату, маленькій царевичъ

смотрѣлъ широко раскрытыми глазами на этого исхудалаго старца, говорившаго такія чудныя вещи — о морѣ, о судахъ.

И вдругъ больной поднялъ голову, приподнялся. Въ его глазахъ, только что еще потухшихъ и безцвѣтныхъ, загорѣлся какой-то таинственный, нездѣшній огонь. Громко, увѣренно зазвучалъ его голосъ:

— Онъ .. — рука старца протянулась къ удивленному и испуганному внезапной переменой царевичу: — Онъ найдетъ его... Онъ вернетъ Руси исконное наше море!... Вижу... вѣтрила безъ числа, какъ чайки бѣлыя... Пѣнятъ море весла... Пальба .. Огонь, дымъ .. То царскія суда бьются со шведомъ... Рвутся на приступъ ратные люди... А впереди... Онъ!... Словно Архистратигъ Михаилъ со сверкающимъ мечомъ... прекрасный... грозный... великій!...

Голосъ крѣпкъ. Горящіе глаза были устремлены въ какую-то невѣдомую даль, далеко за стѣнами убогой келіи.

— ...Врагъ дрогнулъ!... Въ прахъ свейскія знамена!... А надъ царскими судами трепещеть, рѣветъ въ небѣ прапоръ... настоящій!... Вижу его .. Чистый... бѣлый... какъ ризы свѣтлыя небеснаго воинства... На немъ... крестъ... — Голосъ больного внезапно упалъ опять: — Не могу разобрать... Темнѣеть въ глазахъ...

Голова бессильно упала на изголовье, лицо поблѣднѣло... Подъ закрытыми глазами легли

глубокія, синія тѣни... Наступившую мертвую тишину прерывалъ лишь глухой хрипъ въ порывисто поднимавшейся костлявой груди больного.

Потрясенный словами умирающаго, царь не сводилъ изумленно испытующаго взгляда съ мертвенно блѣднаго лица. Въ широко раскрытыхъ глазахъ мальчика скользили изумленіе и испугъ, а за ними вспыхивала, какъ далекая зарница, какая-то еще неясная, неосознанная, подавляюще громадная, тревожная и радостная виѣсть мысль.

Дыханіе больного стало ровнѣе, медленно приподнялись вѣки. Выраженіе страданія смѣнилось свѣтлой, задушевной улыбкой.

— Подойди, отроче!... — еле слышно прошептали блѣдныя губы.

Безсознательнымъ движеніемъ царь подтолкнулъ мальчика къ ложу умирающаго. Съ трудомъ поднявъ руку, онъ положилъ ее на непокорныя черныя кудри.

— Да благословить тебя Господь Своею неизрѣченной милостью! На подвигъ великій... на царство во славу родной земли... Не я недостойный... Господь благословляетъ Тебя!... Прости, Государь! — Темнѣющій взглядъ обратился въ сторону царя: — простите всѣ!... Слава Тебѣ, Создателю, что въ смертный часъ просвѣтилъ меня, отверзъ грѣшныя очи... — И въ слабомъ

вдохъ присутствующіе еле разслышали послѣд-
нія слова: — Нынѣ отпушаеши, Владыко...

Мѣрно-торжественнымъ звукомъ ворвался въ тишину келіи протяжный звонъ монастырскаго колокола. Въ длинныхъ переходахъ гослышалось заглушенное пѣніе.

Строгое, блѣдное лицо умирающаго отражало теперь только великій, полный покой.

Боярин Ордынъ - Нащокинъ со всѣми тревогами и бурями гордой, сильной души, съ ея горемъ и радостями, — отошелъ въ вѣчность. Оставался лишь смиренный инокъ Антоній, ожидавшій послѣдній, великій шагъ.

Шевалье Ломбардъ.

Жара начинала спадать. Потянулъ легкій вечерній бризъ. Косые лучи солнца, спускавшася на западъ въ гряды сине-лиловыхъ облаковъ съ серебристыми краями, золотили столбы тонкой пыли, поднимавшейся изъ-подъ копытъ тянувшихся на водопой лошадей. Гдѣ-то вдали протяжно запѣла кавалерійская труба. Какъ бы перекликаясь съ ней, отвѣтили слегка хриплые голоса пѣхотныхъ рожковъ.

Берега полувысохшей рѣчки, лѣниво пробиравшейся по каменистому дну, ожили. Нетерпѣливо фыркали кони, стремясь дорваться до долгожданной влаги. Покрикивали, переругивались коноводы. Полуголые пѣхотинцы стирали на песчаной отмели свое незатѣйливое бѣлье. Въ устьѣ рѣчки, у вытащенныхъ на откосъ дубовъ, раскинулось нѣсколько запорожцевъ, лѣниво потягивая свои «люльки». Толпа солдатъ окружила ларьки и стойки бродячихъ торговцевъ, ухитрявшихся вездѣ и всюду пробираться за арміей, — евреевъ въ длинныхъ лапсердакахъ, хохловъ, торговавшихъ арбузами и коржиками, цыганъ, ведущихъ мѣновую торговлю чего угодно на что попало. Сдвинутыя на затылокъ пернатыя гренадерки, полуразстегнутые

мундиры, потныя, раскраснѣвшіяся лица, говоръ, шумъ, крики, шутки, ругань. Рослый карабинеръ отчаянно торгуется съ оборваннымъ цыганомъ изъ-за новой уздечки. Пара Апшеронскихъ гренадеръ, разрубивъ тесаками спѣлый арбузъ, запихиваютъ въ ротъ громадныя куски, и липкій сокъ течетъ по мундирамъ. Молодые гусары, тщетно пытаясь крутить еле пробивающіеся усы, вертятся около воза съ арбузами, на которомъ возсѣдаетъ свирѣпо поглядывающая на нихъ старуха, заслоняя своей грузной фигурой свѣжее, смѣющееся лицо чернобровой «дивчины» съ карими глазами и пестрыми лентами въ длинныхъ черныхъ косахъ. Усѣвшись на крупномъ валунѣ, старый сержантъ Фанагорійскихъ гренадеръ спорить съ сѣдоусымъ вахтмистромъ карабинеровъ. Оба говорятъ, перебивая другъ друга и тыча пальцами вдаль, гдѣ, за мирно дремлющими на неподвижной глади моря галерами и фрегатами, темнѣетъ береговая полоса и смутно угадываются грозныя верки Очаковской крѣпости.

Въ ста шагахъ отъ рѣчки стояла среди группы чахлыхъ деревьевъ брошенная своими обитателями татарская сакля. Ея выгодное положеніе — внѣ черты лагеря и все же въ непосредственной близости къ нему — не ускользнула отъ опытнаго взгляда стараго Янкеля. И одновременно съ первыми ударами заступовъ и лопатъ, намѣчавшихъ линію валовъ и ретран-

шементовъ, застучали топоры и молотки въ старой саклѣ. Откуда онъ ухитрился набрать рабочихъ въ этой пустынѣ, кто они были — эти смуглые оборванцы, — то была тайна Янкеля, не любившаго распространяться ни о своихъ дѣлахъ, ни о своемъ прошломъ.

Съ незапамятныхъ временъ завелось, что гдѣ только Россійская армія станетъ лагеремъ, рядомъ — въ избушкѣ, хатѣ, саклѣ, а то и просто въ палаткѣ — вырастаетъ питейное заведеніе Янкеля. «Енъ еще съ царемъ Петромъ подъ Азовъ ходилъ...» говорилось у лагерныхъ огней. Старики помнили его подъ Кенигсбергомъ и Берлиномъ. Сколько разъ онъ разорялся и снова богатѣлъ. Ходили о немъ всякіе темные слухи, но толкомъ никто ничего не зналъ. «Охъ, Янкель», говаривалъ генеральный кригсъ-профось, опрокидывая большой жбанъ холоднаго квасу и вытирая длинные усы: «нутромъ чую: плачетъ по тебѣ веревка!» — «Хе, хе, хе,... и шутникъ же ясновельможный панъ!» дребезжалъ старческой смѣхъ Янкеля, а острые черные глаза какъ то потухали, прячась подъ нависшія сѣдые брови.

Какъ бы тамъ ни было, а изъ глинобитнаго пола выросли столы и скамейки, появилась стойка съ внушительной батареей разноцвѣтныхъ бутылокъ, флягъ, кувшиновъ, а за ней хлопоталъ самъ хозяинъ въ своей неизмѣнной

облѣзлой шубинкѣ съ высоко поднятымъ воротникомъ, изъ котораго выглядывали только острый крючковатый носъ да сверлящіе черные глаза подъ сѣдыми бровями. Ловко и проворно орудуя, несмотря на кажущуюся дряхлость, своими бутылками и стаканами, Янкель окидывалъ отъ времени до времени быстрымъ взглядомъ свое заведеніе и потиралъ удовлетворенно костлявыя руки. «Гешефтъ опять налаживался!»

Офицерство, скучающее въ заброшенномъ въ чужую, пустынную страну, лагерѣ, устремлялось по вечерамъ въ это единственное мѣсто, общавшее хоть минутное развлеченіе. Всѣ столики были заняты. Темно-зеленые кафтаны гренадеръ и мушкатеровъ чередовались съ яркими долманами гусаръ, попадались здѣсь и тамъ бѣлые мундиры съ зелеными отворотами офицеровъ эскадры адмирала Мордвинова, виднѣлись бѣлыя фустанеллы и красные пояса греческихъ корсаровъ. Кое-гдѣ встрѣчались и отдѣльныя фигуры въ полу-военномъ, полу-гражданскомъ платьѣ — искатели приключеній и славы, стремившіеся изъ всѣхъ государствъ старой Европы въ армію Великой Императрицы: раззорившіеся молодые маркизы, мечтавшіе подправить дѣла, чтобы снова имѣть возможность блистать при Версальскомъ дворѣ, бѣдные младшіе сыновья англійскихъ или шотландскихъ лордовъ, гордые испанцы, не обладавшіе ничѣмъ, кромѣ своей шпаги, итальянцы, венгры, поляки.

За ветхимъ турецкимъ ковромъ, отдѣлявшимъ «особую комнату» отъ общей залы, сидѣло нѣсколько пожилыхъ штабъ-офицеровъ, чинно потягивая длинныя трубки съ черешневыми мундштуками и медленно отпивая, за разговоромъ, глотокъ доброй старой мальвази или золотистаго рейнскаго. За однимъ изъ столовъ рѣзались въ ландскнехтъ молодые корнеты — гусары и карабинеры. Стучали кости, — звенѣли стаканы. Разговоры, возгласы игроковъ, смѣхъ — сливались въ общій нестройный шумъ. Синія облака табачнаго дыма поднимались со всѣхъ сторонъ и плыли подъ низкимъ потолкомъ, — заволакивая тусклый свѣтъ подвѣшеннаго къ закоптѣлой балкѣ стараго корабельнаго фонаря. Было душно и жарко.

— Ску-учно, — протянулъ, зѣвая и крестя ротъ, розовый, безусый сержантъ Фанагорійскихъ гренадеръ.

— Выпей, Петенька: хандру какъ рукой сниметъ! — придвинулъ ему бутылку его спутникъ, рослый, загорѣлый поручикъ.

— Не хочется, — отозвался «Петенька» тономъ капризнаго ребенка: — все то же самое: вино, табачище, кости... А еще старый Янкель зазывалъ и говорилъ, что сегодня будетъ «чего-то особеннаго»...

— Развѣ можно вѣрить questa vecchia canaglia, — виѣшался третій собесѣдникъ — смуглый красивый офицеръ въ морской формѣ: — сов-

ралъ, чтобы заманить молодого птенчика! Онъ насквозь видитъ, что тутъ есть еще добрые червонцы, что маменька презентовала сыночку на дорогу! — И оба офицера расхохотались при видѣ инстинктивнаго жеста, которымъ «Петенька» ощупалъ зашитый на груди новенькаго мундира мѣшочекъ.

— Это что такое?!.. Смотрите! — прервалъ себя морякъ: — Какъ будто не соврала на этотъ разъ жидовская морда!

На небольшое свободное пространство между столами вылетѣлъ какой-то пестрый переливающийъ всѣми цвѣтами радуги, звенящій клубокъ, закружился въ бѣшеномъ вихрѣ — и замеръ... Тусклый фонарь освѣтилъ стройную фигуру молодой цыганки въ фантастическомъ, пестромъ уборѣ, съ сверкающими рядами золотыхъ монетъ на обнаженной шеѣ, густыми косами, переплетенными яркими лентами, и громадными черными глазами. Скрестивъ на груди руки, она отвѣсила на всѣ стороны чинный, восточный поклонъ.

Къ ея ногамъ упалъ туго набитый шелковый кошелекъ.

— Плящи, Марика!... Мою любимую! — крикнулъ гортаннымъ голосомъ бросившій его коренастый грекъ-гидріотъ съ одного изъ корсарскихъ судовъ, причисленныхъ къ эскадрѣ.

Цыганка легко перегнулась, подхватила кошелекъ и бросила его на стойку, гдѣ онъ мгно-

венно исчезъ въ крючковатыхъ пальцахъ Янкеля. Грекъ расправилъ свои длинные усы, облизнулъ толстыя красныя губы и замурлыкалъ какую-то заунывную мелодію. Появившійся вслѣдъ за цыганкой скрипачъ — не то венгръ, не то молдаванинъ — подхватилъ мотивъ.

Высоко поднявъ бубень, плясунья поплыла по кругу. Плавныя, торжественныя движенія, медленные перегибы стройнаго тѣла напоминали совершающую какое-то священнодѣйствіе жрицу древняго, забытаго культа.

Разговоры умолкли. Захваченные странно чарующей мелодіей и дикой граціей танцовщицы, всѣ гости «Янкелева кабачка» покинули кисти, карты и вино и сгрудились плотной стѣной, оцѣпившей небольшой кругъ, по которому двигалась цыганка. Темпъ музыки незамѣтно возрасталъ. Все чаще звенѣлъ бубень, все быстрѣе отбивалъ ладонями и каблуками тактъ покраснѣвшій отъ возбужденія грекъ. Танцовщица уже не походила болѣе на жрицу — ея кошачьи гибкія движенія стали страстными, вызывающе чувственными. Завертѣвшись на одномъ мѣстѣ, она сорвалась и помчалась стрѣлой по кругу... Вдругъ она рѣзко вскрикнула.

Поглощенный цѣликомъ невиданнымъ въ родной деревнѣ зрѣлищемъ, молодой сержантъ разинулъ глаза и ротъ и вытянулъ свои несуразно длинные, какъ у трехмѣсячнаго жеребенка, ноги. Въ своемъ стремительномъ порывѣ

цыганка зацѣпилась за тяжелую ботфарту и съ розмаху полетѣла на полъ, успѣвъ лишь инстинктивно закрыть лицо руками.

Но она не коснулась земли. Не спускавшій съ нея глазъ мичманъ подхватилъ ее сильной рукой, поднялъ и бережно опустилъ на свои колѣни. Порывисто склонившись надъ ею поблѣднѣвшимъ подъ загаромъ лицомъ, онъ впился жаднымъ поцѣлуемъ въ ее полураскрытыя губы. Громъ аплодисментовъ и одобрительные возгласы привѣтствовали этотъ неожиданный финалъ. Расплескивая вино, потянулись къ нему руки со стаканами и чарками.

Рѣзкимъ диссонансомъ ворвался въ общій гулъ одобренія повелительный окрикъ щедраго покровителя цыганки:

— Марика... сюда!

Цыганка попыталась приподняться, но обхватившая ее тѣло рука мягко и настойчиво опустила въ прежнее положеніе. Марика приподняла свои длинныя рѣсницы, взглянула в темные глаза своего безцеремоннаго поклонника, вздохнула... и покорилась.

— Марика! — повторилъ, нахмурясь и краснѣя, грекъ.

Мичманъ бросилъ въ сторону побагровѣвшаго корсара полный мальчишескаго задора и насмѣшливаго вызова взглядъ, нагнулся и сорвалъ второй поцѣлуй съ губъ своей не слишкомъ сопротивлявшейся плѣнницы. Грекъ зарычалъ.

Грузно поднявшись со скамьи, онъ сдѣлалъ шагъ впередъ и опустилъ свою волосатую руку на плечо офицера:

— Брось Марику! Моя платила — моя дѣвка!

Мичманъ вскочилъ, отбросивъ ногой табуретку, и рѣзкимъ движеніемъ стряхнулъ руку грека:

— Прочь лапы!

Соскользнувшая съ его колѣнъ цыганка отскочила въ сторону и переводила взглядъ съ одного на другого, колеблясь между инстинктивнымъ влеченіемъ къ молодому красавцу и голосомъ разсудка, говорившимъ въ пользу испытанной щедрости стараго покровителя. Офицеръ сдѣлалъ шагъ въ ея сторону...

— Оставь, — прохрипѣлъ грекъ, протягивая руку.

Сильнымъ ударомъ мичманъ оттолкнулъ его. Корсаръ отпрянулъ назадъ и схватился за висѣвшій у пояса, на серебряныхъ цѣпочкахъ, ятаганъ. Въ тоже мгновеніе блеснула шпага офицера.

Шумно споря, зрители окружили тѣснымъ кольцомъ обоихъ противниковъ. «Разнять ихъ!... Держите!... Зачѣмъ?!... Не надо!... Не мѣшайте!...» Громкіе крики сливались со звономъ падающихъ стакановъ и трескомъ покривившихся, подъ напоромъ любопытныхъ, столовъ. Не спускаясь гостей зоркаго взгляда своихъ острыхъ

маленькихъ глазокъ, Янкель торопливо приписывалъ къ счетамъ болѣе или менѣе произвольныя цифры.

Шумъ спорящихъ голосовъ и смѣнившее его напряженное молчаніе привлекли вниманіе и «особой комнаты».

— Въ чемъ тамъ дѣло, Михаилъ Илларионовичъ?!

Приподнявшій край ковра, тучный полковникъ прищурилъ свой единственный глазъ, стараясь разобратъ причину общаго возбужденія.

— Кажись, поспорили двое... Да... Ого! Обнажили оружіе!.. Изъ вашихъ, Федоръ Федоровичъ, — моряки!

Крѣпко охвативъ рукоятку ятагана, грекъ весь сжался, какъ тигръ, готовящійся къ прыжку. Слегка перемѣщалось, слѣдя за движеніями противника, остріе шпаги. Зрители, наваливаясь на спины впереди стоящихъ и затаивъ дыханіе, ждали съ нетерпѣніемъ начало поединка.

Плотная стѣна зрителей вдругъ раздалась, пропуская группу штабъ-офицеровъ во главѣ съ худощавымъ, средняго роста морякомъ. Гладко зачесанные, напудренные волосы окаймляли продолговатое, блѣдное лицо съ умными, мягкими глазами.

Не сводившіе другъ съ друга глазъ противники не замѣтили его появленія.

— Шпагу въ ножны, мичманъ! — произнесъ вновь пришедшій спокойнымъ, негромкимъ и въ то же время повелительнымъ голосомъ.

Молодой офицеръ запальчиво повернулъ голову въ сторону говорившаго. Его горящіе возбужденіемъ глаза встрѣтились со спокойнымъ, твердымъ взглядомъ сѣро-голубыхъ глазъ. Хмѣль и задоръ пытались еще бороться съ властной силой этого взгляда... Но вотъ шпага дрогнула, опустилась и скользнула въ ножны. Мичманъ, густо покраснѣвъ, опустилъ голову.

— Стыдно, Кириаки, — обратился адмиралъ къ греку на его родномъ языкѣ: — старый морякъ, одинъ изъ нашихъ лучшихъ капитановъ, — влажные глаза корсара, только что еще злобно вытаращенные, замигали отъ удовольствія — и лѣзешь въ драку, какъ молодой пѣтухъ. Изъ-за чего? Изъ-за дѣвки.

Взглядъ адмирала скользнулъ равнодушно по красивымъ чертамъ и стройной фигурѣ виновницы спора.

— Твоему ятагану — и вашей шпагѣ, мичманъ, — найдется работа тамъ. — Онъ протянулъ руку къ виднѣвшемуся въ открытую дверь, сверкавшему подъ луннымъ свѣтомъ морю. — Помните, что ваша жизнь принадлежитъ не вамъ, а нашей великой Государынѣ. Подайте другъ другу руку! — закончилъ онъ, беря за плечи Кириаки и подталкивая его къ противнику.

Пыхтя и краснѣя, грекъ протянулъ свою жилистую, волосатую лапу. Со свойственной южному темпераменту быстротой перемѣны наст-

роеній мичманъ не колеблясь вложилъ въ нее свою тонкую, холеную руку:

— Забудемъ споръ, сопрагно! Если я нарушилъ твои права, то виновата въ этомъ старая мальвазія Янкеля — да то, что эта шельма ужъ больно хороша! — Онъ бросилъ взглядъ въ сторону цыганки, но та, рѣшивъ конфликтъ въ пользу разсудка и не обращая на него никакого вниманія, тянула уже корсара за рукавъ его бѣлой фустанеллы.

— Аристо, аристо! — поспѣшно потрясъ тотъ протянутую ему руку и исчезъ вслѣдъ за Марикой въ маленькую дверь за стойкой.

Мичманъ оглянулся. Адмиралъ и бывшіе съ нимъ офицеры покидали кабачокъ.

— Кто это? — спросилъ онъ подошедшаго къ нему пріятеля, лейтенанта Веревкина, указывая глазами на уходившихъ.

— Какъ? Ты не знаешь Федора Федоровича Ушакова?!.. Да, я забываю, что ты новичокъ въ Черномъ морѣ, а то... Это, братъ, тотъ, кто сумѣетъ съ турокъ спѣсь посбивать! Помяни мое слово въ храмъ Славы Россійской, имя его будетъ сіять въ одномъ ряду съ именемъ Суворова! Ну, а пока пойдемъ допивать нашу мальвазію и перекинемся что-ли въ кости?

— Нѣтъ... не хочется... спокойной ночи! — И, бросивъ на стойку нѣсколько монетъ, вызвавшихъ подобострастные поклоны стараго Янкеля, мичманъ взялъ свою шляпу и вышелъ.

Свѣжій ночной воздухъ охватилъ мягкой лаской его разгоряченное лицо. Въ затуманенной немного виномъ головѣ тѣснились обрывки мыслей. Мелькнула соблазнительная улыбка Марики, ея горячія губы... Ихъ заслонили пронизательные, умные глаза Ушакова, слышались отчетливо его слова: «Ваша жизнь принадлежитъ не вамъ, а нашей Великой Государынѣ...»

Мичманъ остановился и снялъ шляпу. — Государынѣ... — повторилъ онъ вполголоса.

Кругомъ стояла торжественная тишина южной ночи, нарушавшаяся лишь непрерывнымъ тонкимъ звономъ кузнечиковъ въ сухой травѣ. Луна стояла высоко, заливая своимъ зеленоватымъ свѣтомъ пустынную дорогу, спящій лагерь и неподвижное море.

Такимъ-же широкимъ, серебристымъ путемъ ложился лунный свѣтъ на тихія, спящія воды Днѣпра, когда его «Десна» тихо скользила внизъ по теченію, неся на себѣ Императрицу...

Отчетливо всталъ въ памяти тотъ вечеръ, когда Государыня, окруженная на кормѣ галеры настоящимъ цвѣтникомъ красавиць-фрейлинъ, подозвала молодого командира, долго спрашивала о его далекой родинѣ, съ вниманіемъ выслушивала его восторженные рассказы о залитыхъ солнцемъ долинахъ Тосканы, о спящей подъ тихимъ луннымъ свѣтомъ старинной площади Сіенны о шумныхъ празднествахъ карнавала. Какъ настояла

на томъ, чтобы смущенный и отнѣкивающейся юноша принесъ свою гитару... Онъ видитъ себя у ея ногъ, сначала робко берущимъ тихіе аккорды, расплывшіеся въ неподвижномъ ночномъ воздухѣ, помнитъ, какъ подъ вліяніемъ нахлынувшихъ воспоминаній, этой чарующей ночи и близости этихъ сѣрыхъ глазъ, началъ напѣвать мелодичные стансы родной Тосканы, какъ увлекаясь, спѣлъ ей тѣ жгучія строки, что поютъ подъ обвитыми глициніями каменными балконами кавалеры въ темномъ плащѣ... Какъ очнулся отъ того, что мягкая женская рука тихо погладила его вьющіеся темные волосы, какъ онъ припалъ губами къ этой дивной царственной рукѣ.. Все помнилъ, какъ пробѣжалъ легкой, сдержанный шопоть и смѣхъ среди окружавшихъ ее дамъ, вспомнилъ и недобрый взглядъ, брошенный изподлобья Потемкинымъ, прислонившимся къ борту и мрачно покусывавшимъ ногти на холеной рукѣ со сверкавшимъ въ лунномъ свѣтѣ крупнымъ брилліантовымъ перстнемъ ..

Мичманъ не замѣтилъ, какъ онъ снова зашагалъ по пыльной, бѣлой дорогѣ, разсуждая вполголоса самъ съ собой: «И послѣ этого вдругъ увлечься первой попавшейся смазливой рожицей, лѣзть въ драку... изъ-за кого?! Изъ за какой-то продажной дѣвки!

— Стыдно, шевалье Ломбардъ! — закончилъ онъ вслухъ строгимъ выговоромъ самому себѣ.

— Правъ, тысячу разъ правъ адмиралъ Федоръ Федоровичъ! Ей, только ей — Великой

Императрицѣ... и царицѣ женской красоты — принадлежитъ его сердце, его жизнь до послѣдней капли крови!“

Онъ выхватилъ шпагу, блеснувшую въ лунномъ свѣтѣ, и сдѣлалъ бѣшеный выпадъ противъ невидимаго врага:

— Evviva Catharina!

— Помилуй Богъ!—раздался рядомъ съ нимъ насмѣшливый голосъ: — кто это тутъ, нѣкому неистовому Роланду подобно, бросается на мирныхъ людей среди ночи?! Малости не хватило, посадилъ бы меня на вертелъ, какъ курпатку!

Ломбардъ остановился, какъ бы ударившись объ внезапно выросшую передъ нимъ каменную стѣну. Этотъ голосъ! Широко раскрытыми, непонимающими глазами онъ уставился на, неизвѣстно откуда появившагося худощаваго, невысокаго человѣка въ набрежно накинутаго темномъ плащѣ, подъ которымъ виднѣлся разстегнутый воротъ ночной сорочки.

«Суворовъ!» узналъ онъ вдругъ главнокомандующаго, и рука со шпагой безсознательно опустилась, салютуя по уставу.

А тотъ продолжалъ: — Высокіе сантименты къ нашей милостивой Государынѣ безспорно... экзерциціи шпагой, конечно, восьма полезны... Но зачѣмъ же ночью и на большой дорогѣ!? Суди меня Богъ и военная коллегія, если тутъ не пахнетъ старой мальвазіей плута Янкеля,

а?! — Прищуривъ одинъ глазъ, Суворовъ внимательно разглядывалъ густо покраснѣвшаго офицера.

— Ну ладно... былъ молодцу не въ укоръ, — продолжалъ онъ болѣе мягко, — съ такой прытью да въ баталію!... Помилуй Богъ! — самъ сераскирь безъ оглядки въ Стамбуль улепетнетъ! Гдѣ служишь, сударь, и какъ тебя величать?

— Галернаго флота мичманъ Ломбардъ, — отрапортовалъ офицеръ вытянувшись.

Хмѣль слетѣлъ безслѣдно, и въ головѣ сверлила только одна безпокойная мысль — чѣмъ кончится эта нежданная встрѣча.

Брови Суворова сдвинулись.

— Галернаго флота, — заговорилъ онъ самъ съ собой, — съ эскадры господина адмирала Мордвинова, мужа зѣло благоразумнаго.. въ ожиданіи комплектаціи по регламенту въ мудромъ бездѣйствіи пребывающаго... Комплектаціи, калькуляціи, точные расчеты на 'бумажкѣ... А тутъ не бумажная цыфирь, а живой капуданъ-паша вздохнуть не даетъ! Все по расчету! — Голось его раздраженно повысился: — А случай?! Оказію пуще всего лови! Фортуна имѣетъ голый затылокъ, а на лбу длинные, висящіе волосы. Летъ ея молніинъ; не схвати за волосы — она уже не возвратится! Глазомъръ, — натискъ — вотъ вся военная наука!.. Но что же твердить господину адмиралу?! Заладила сорока Якова — комплектаціи нѣту!...

Суворовъ оборвалъ свой монологъ.. и взглянулъ на почтительно вытянувшагося офицера.

— Задержалъ тебя, сударь, своимъ стариковскимъ ворчаніемъ?! Не взыщи — обидно ужъ больно, что турки глаза мозолятъ, а Россійскій Ея Величества флотъ не дерзнетъ въ батальное съ нимъ дѣйствіе вступить! Вотъ гдѣ, — указалъ онъ на море, гдѣ въ лунномъ свѣтѣ маячили далекіе паруса: тебѣ бы удалъ-прыть показать, Государынѣ-Матушкѣ службу сослужить!

И кивнувъ Ломбарду головой, Суворовъ запахнулъ свой плащъ и зашагалъ по дорогѣ къ лагерю. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, онъ обернулся и окликнулъ не двинувшагося съ мѣста офицера:

— Адмиралу своему не докладывай, какъ мы съ тобой встрѣтились. Его превосходительство, пожалуй, еще пропишетъ тебѣ по регламенту. Ступай, пока, выпишись, Аника-воинъ!... Дай тебѣ Богъ поскорѣе капудана-пашу своей шпагой пощекотать! — И, не дождавшись восторженнаго отвѣта молодого офицера, Суворовъ зашагалъ снова къ лагерю.

Ломбардъ долго стоялъ, не двигаясь, и смотрѣлъ ему вслѣдъ, затѣмъ вдругъ замѣтилъ, что онъ все еще держитъ въ рукѣ обнаженную шпагу, торопливо вложилъ ее въ ножны и началъ спускаться по крутой тропинкѣ къ морскому берегу.

Долго шагаль въ эту ночь Ломбардъ по маленькому полуюту своей «Десны». Возбужденное состояніе духа не покидало его: тѣснились безпорядочныя мысли, вспоминались событія дня — глупая ссора, встрѣча съ главнокомандующимъ. Въ темнотѣ онъ чувствовалъ, какъ приликала къ лицу кровь при вспоминаніи о насмѣшливомъ тонѣ, которымъ говорилъ Суворовъ объ эскадрѣ, «въ мудромъ бездѣйствіи пребывающей».

Но развѣ онъ виноватъ въ этомъ?! И онъ, и его товарищи давно тяготились вынужденнымъ бездѣйствіемъ, но что они могли сдѣлать противъ приказа адмирала, категорически воспрещавшаго попытку къ выходу?! Какъ быть?!...

И вдругъ онъ остановился, хлопнувъ себя по лбу. «Да развѣ Суворовъ не сказалъ ясно, что «тамъ» — въ морѣ онъ можетъ проявить свою удалъ, сослужить службу Государынѣ? «Дай тебѣ Боже поскорѣе капудана-пашу своей шпагой пощекотать», отчетливо послышались ему прощальныя слова. Господи, да какъ же онъ сразу не понялъ, на что ему намекалъ Суворовъ! Конечно, обинякомъ, не желая приказывать помимо адмирала. Но Суворовъ понялъ его «высокіе сентименты» къ обожаемой Императрицѣ, указалъ ему путь!

Подремывавшій вахтенный подскочилъ, какъ ужаленный, отъ внезапнаго оклика и уставился

заспанными глазами на возбужденно шагавшаго
взадъ и передъ командира.

— Боцмана! Разбуди господъ гардемаринъ!
Живо!

Черезъ пять минутъ Ломбардъ горячо толковалъ что-то выскочившимъ полуодѣтыми гардемаринамъ Альскому и Иванцову и старому «дѣду» — боцману, слушавшимъ его, затаивъ дыханіе и боясь пропустить одно слово его быстрого, страстнаго шопота.

— Поняли?!.. За дѣло!

— Наконецъ-то! — чуть не взвизгнулъ отъ восторга Альскій: — въ бой! ур...

— Тише! — оборвалъ его Ломбардъ. — Все надо сдѣлать безъ шума, незамѣтно, а то еще помѣшаютъ.

— Есть, ваша милость, все сробимъ! — отозвался боцманъ, спускаясь на палубу. — Якъ же добре надумалъ нашъ панъ командиръ. Погоди же! — погрозился онъ жилистымъ кулакомъ въ сторону открытаго моря, гдѣ все такъ же неподвижно бѣлѣли непріятельскіе паруса: — Якій гопакъ сыграемъ тебѣ завтра! Щобъ твоему дѣду на томъ свѣтѣ горячими галушками подавиться!

Изъ кубрика начали появляться темныя фигуры, молча расходившіяся по палубѣ. Закипѣла какая-то таинственная, безшумная работа... Носились по трапамъ гардемаринны, то забѣгая на ютъ къ командиру, то спускаясь стремительно въ

трюмы. Низкимъ басомъ, какъ разсерженный шмель, гудѣлъ на полубакѣ старый дѣдъ, разъясняя непонятливымъ свои приказанія не выходящимъ изъ его рукъ линькомъ. Тихонько визжала плотничья пила, изрѣдка раздавалось нѣсколько глухихъ ударовъ топора. Подъ полубакомъ сыпался дождь золотыхъ искръ изъ-подъ безшумно крутившагося точила. Медленно двигались впередъ темныя фигуры съ палашами, тесаками, абордажными топорами...

Огромный кровавый дискъ луны стоялъ уже низко надъ спящимъ моремъ. Потянуло уже утренней прохладой, когда, наконецъ на «Десять» все угомонилось. За нѣсколько часовъ ночной работы содержавшаяся всегда въ образцовомъ порядкѣ галера приняла совершенно иной видъ: на бакѣ выросла беспорядочная гора бревень, досокъ и старыхъ рангоутныхъ деревьевъ, залитыхъ громадными пятнами смолы; за бортомъ торчали обмотанные паклей длинные шести со смоляными бочками на концахъ; наконецъ, въ серединѣ всего этого нагроможденія горючихъ веществъ возвышалась пирамида изъ легко узнаваемыхъ по формѣ и размѣру пороховыхъ боченковъ.

— Якъ пить дать, попадутся турецкіе дурни!
— потираль руки старый дѣдъ.

— Брандеръ готовъ! — должилъ съ подчеркнутой выправкой гардемаринъ Альскій подошедшему командиру.

— Хорошо... очень хорошо, — кивнулъ Ломбардъ, — думаю, что удастся провести турокъ... Огпустите людей, да и вздремните сами... передъ боевымъ крещеніемъ, — ласково потрепалъ онъ по плечу сіяющаго отъ гордости Альскаго.

Обойдя всю галеру, Ломбардъ спутился въ свою каюту и, бросившись одѣтымъ на койку, сразу забылся тяжелымъ, тревожнымъ сномъ.

Въ крохотной каютѣ было жарко и душно. Забравшаяся невѣдомо откуда большая муха, назойливо жужжа, билась объ подволоку. Мичманъ безпокойно ворочался на узкой койкѣ.

Въ возбужденномъ мозгу причудливо переплетались событія дня, воспоминанія, мечты.

...Янкель писалъ какіе-то длинные столбцы цифръ на счетѣ, который затѣмъ оказался приказомъ адмирала, запрещающимъ всякую попытку вступить въ бой... Бумага вдругъ начала шириться и расти, заслоняя собой море и турокъ; мѣшая галерѣ добраться до врага... Грекъ, съ ятаганомъ въ зубахъ, лѣзъ на мостикъ, гдѣ цыганка, прижимаясь къ плечу мичмана, горячимъ шопотомъ звала его куда-то.. Голова кружилась... Волосатая руки грека тянулись къ его горлу... Ломбардъ застоналъ во снѣ...

Открылся вдругъ безконечный просторъ моря... Подъ мѣрными взмахами веселъ галера неслась, какъ птица, туда, гдѣ бѣлѣли вражескіе паруса... «У Фортуны власы на лбу... не схватишь — не вернется...!» у мачты стоялъ Суворовъ и,

прищутивъ насмѣшливо глазъ, съ улыбкой киваль ему. Стало такъ легко и свѣтло на душѣ!..

Исчезло все — и море, и галера, и турки... Громадная зала, блестящая толпа... и тамъ, на сверкающемъ тронѣ — Она! Чарующая улыбка на ея устахъ... Жестомъ она подзываетъ его... Не-вѣрными шагами направляется онъ къ подножію трона... Тяжелая рука ложится на его плечо, не пускаетъ... Потемкинъ! Ломбардъ пытается вырваться, но желѣзные пальцы больно впиваются въ плечо...

— Ваша милость... А, ваша милость!.. Разбудить приказывали, — слышитъ онъ сквозь сонъ хриплый голосъ.

Съ трудомъ поднимаются отяжелѣвшіе вѣки... Старый дідъ усердно трясетъ его за плечо:

— Свѣтаетъ, ваша милость! ...Въ самый разъ теперь выходить!

Ломбардъ вскочилъ. Въ открытую дверь виднѣлось гладкое, спокойное море, переливавшее нѣжно-перламутровыми тонами. Мичманъ вздохнулъ полной грудью. Свѣжій соленый воздухъ развѣялъ остатки сна.

На востокъ алѣла широкая полоса. Надъ нею золотились края легкихъ перистыхъ облаковъ.

— По мѣстамъ! Съ якоря сниматься! — командоваль Ломбардъ, пристегивая шпагу и засовывая за поясъ пару пистолетовъ.

— Крути, хлопцы, крути! — притоптывалъ и подсвистывалъ дідъ.

Скрипя и визжа завертѣлся шпиль, выхаживая, сажень за саженью, мокрый, блестящій канатъ; дружно топая босыми ногами, налегли на вымбовки баковые.

Поднялись и откинулись на носъ тяжелыя весла. Опустились, провели, всколыхнувъ тихую морскую гладь рядомъ мелкихъ, пѣнящихся водоворотовъ. Сверкнули въ первомъ лучѣ солнца поднявшіяся мокрыя лопасти, разсыпая сотни алмазныхъ брызгъ. Галера тяжело тронулась съ мѣста, забирая ходъ.

— Куда такую рань, шевалье?! — окликнулъ Ломбарда Веревкинъ, прогуливавшійся въ стеганомъ шелковомъ халатѣ, съ длинной трубкой въ рукахъ, по полуюту своей галеры.

— Туда! — протянулъ руку Ломбардъ, — въ бой!

Веревкинъ чуть не выронилъ трубки изъ рукъ и уставился недоумѣвающимъ взглядомъ на быстро удалявшуюся «Десну».

— А приказъ? — спохватился онъ, наконецъ, — послушай, дружище! — Въ отвѣтъ донесся лишь звонкій и радостный голосъ Ломбарда:

— Артиллерійскіе служители по пушкамъ! Единороги и фальконеты зарядить!

Веревкинъ покачалъ головой, вытряхнулъ трубку и, взглянувъ еще разъ на переливавшуюся

ся, сверкавшую на солнцѣ, кильватерную струю «Десны», медленно спустился въ каюту.

Мѣрно подымались и опускались, пѣня тихую синеву моря тридцать тяжелыхъ весель... Учащая темпъ, глухо билъ барабанъ, настойчиво повторяла все тѣ же двѣ визгливыхъ ноты флейта...

Подъ дальнимъ берегомъ виднѣлась сгученная масса турецкихъ кораблей. Ближе, противъ лагеря нашихъ войскъ, выдвинулся отрядъ изъ восьми судовъ. Приладивъ тяжелую подозрную трубу, Ломбардъ долго всматривался въ нихъ. За ними, въ легкомъ утреннемъ туманѣ, двигались еще какіе-то неясные силуэты... И вдругъ онъ разобралъ: движущіеся силуэты были низко сидѣвшими фелюгами, перегруженными войсками! Высадка! и стала ясной задача выдвинутаго отряда: его огонь долженъ очистить берегъ, отогнать наши войска отъ мѣста высадки... Безпрепятственно будутъ развертываться турецкія полчища, охватывая со всѣхъ сторонъ нашъ лагерь.

Кровь прилила къ вискамъ. Глаза Ломбарда сверкнули.

«Вотъ гдѣ задача, о которой говорилъ Суворовъ! Не просто удалую штуку выкинуть, какъ взбрело на умъ, а выручить армію — сослужить дѣйствительную службу славному воинству Россійскому, Суворову — и Ей!..»

Изъ портовъ турецкихъ судовъ вылетѣли клубы бѣлаго дыма, сверкнули желтые огоньки.

Гулко прокатились въ утренней тишинѣ первые выстрѣлы. Фелюги приближались къ берегу.

— Нажми! — крикнулъ возбужденно Ломбардъ, опуская трубу. Барабанъ зачастилъ.

Ближе и ближе выросли очертанія турецкихъ судовъ... Три фрегата, бригъ и четыре галеры.

— На флатъ! Флагъ поднять!

Медленно и торжественно развернулся на кормовомъ флагштокѣ галеры флагъ «во образѣ креста Святого Андрея». Заиграла переливавшаяся за кормой струя съ касавшейся ея бѣлой тканью.

На турецкихъ судахъ замѣтили приближавшуюся «Десну». Видъ этого одинокого брандера, бросающагося въ атаку на цѣлый отрядъ, вызвалъ тревогу. Орудія умолкли. Послышались команды, крики. Тревожно гремѣлъ большой барабанъ. Рубились второпяхъ канаты и заведенные было шпринги. Фрегаты и бригъ начали покрываться парусиной.

Двѣ галеры развернулись и медленно, какъ бы нехотя, двинулись навстрѣчу быстро приближавшейся «Деснѣ». На передней вспыхнули огоньки. Грянулъ нестройный залпъ. Прыгая по водѣ, поднимая радужные фонтаны, пронеслись ядра.

— Право руля! Сильнѣе лѣвая!

Четверо дюжихъ «хлопцевъ» навалилось на румпель. «Десна» описала дугу, выходя подъ носъ турецкой галерѣ

— Штирбортъ... Огонь! — возбужденно крикнулъ Ломбардъ, бросая шляпу на палубу.

Грохнули единороги. На близкой дистанціи всѣ ядра пронеслись по палубѣ противника, сметая все на своемъ пути. Затрещала и рухнула мачта. Падающій рангоутъ перебилъ и спуталъ весла лѣваго борта. Съ палубы турка неслись стоны раненыхъ, крики и проклятія.

— Лѣво руля!.. Прямо руль. Нажми! — вопилъ въ неистовствѣ Ломбардъ.

Острый дубовый форштевень «Десны» мѣтилъ въ середину борта противника. На палубѣ турецкой галеры началась паника. Чернобородый капитанъ уложилъ на мѣстѣ двоихъ, попытавшихся броситься за бортъ, и ударами ятагана гналъ на мѣста растерявшихся стрѣлковъ. Затрещали одиночные, беспорядочные выстрѣлы.

— На бакъ... Держись!

Оглушительный трескъ... «Десна» врѣзалась въ бортъ турка. Вопли, стоны... Глухое бульканье воды, вливающейся въ огромную пробоину.

— Табанъ обѣ!

Медленно освобождаясь, отходить «Десна» отъ гибнущаго противника. Галера кренился все

сильнѣе. Съ грохотомъ покатились по палубѣ пушки. Запѣнился водоворотъ... На взбаламученной поверхности моря всплыли обломки, барахтались среди нихъ люди.

Вторая галера, не дожидаясь атаки, выпустила наугадъ нѣсколько ядеръ и поспѣшно направилась къ отряду.

Не безъ нѣкотораго усилія заставилъ себя Ломбардъ отказаться отъ погони. Но надо было беречь всѣ силы для схватки съ болѣе сильнымъ противникомъ и, послѣ минутнаго колебанія, онъ командовалъ:

— Суши весла!

Мокрая, блестящія лопасти поднялись и выравнялись. Медленно стекали по нимъ сверкавшія на солнцѣ тяжелыя капли. Тяжело дыша, гребцы откидывали назадъ слипшіеся, нависшіе на глаза волосы, вытирали паклей струившійся по всему тѣлу потъ. Гардемарины носились по палубѣ, торопя служителей, методично забивавшихъ въ дула единороговъ влажные пыжи. Сдѣлавъ какой-то балетный пируэтъ, Альскій сорвался съ мѣста и взлетѣлъ на полуютъ:

— Неужели уже кончено, шевалье?!..

Ломбардъ, зоряжавшій свои пистолеты, улыбнулся:

— Не безепокойтесь! Сейчасъ идемъ дальше... Побеспокойте этихъ важныхъ синьоровъ;

— указалъ онъ на корабли, покрывшіеся парусиной отъ клотиковъ до самой воды.

— Абордажныя партіи по мѣстамъ!.. Мушкетная пальба на десять шаговъ!.. Гренады — когда сцѣпимся...! — скомандовалъ онъ сухо: — Весла!

Барабанщикъ поднялъ палки, флейтистъ украдкой сплюнулъ въ темный уголь и провелъ обратной стороной руки по губамъ.

— На воду!

На вѣтрѣ море потемнѣло. Пробѣжала рябь. Ближайшій фрегатъ, держа въ полвѣтра, медленно приближался къ «Деснѣ».

— Поджигай! — крикнулъ Ломбардъ дѣду, стоявшему на полубакѣ, съ дымившимся фитилемъ въ рукѣ.

Длинный желтый языкъ пламени лизнулъ выдвинутую на шестѣ бочку. Повалилъ густой черный дымъ. Съ фрегата раздалось нѣсколько нестройныхъ выстрѣловъ, ядра просвистѣли гдѣ-то высоко надъ рангоутомъ «Десны». Послышалась громкая команда, забѣгали люди, завизжали блоки. Фрегатъ спѣшно спускался подъ вѣтеръ.

Бризъ свѣжѣлъ... Бѣлыя пирамиды парусовъ надулись. Турецкая эскадра, неся всѣ паруса, спасалась бѣгствомъ отъ этого одинокаго брандера, съ такимъ дерзкимъ упорствомъ искавшаго боя, вразсыпную между кораблями, поставивъ свои

косые паруса, уходили галеры. Обливаясь потомъ и кровью, бѣшено работали гребцы подъ ударами плетей обезумѣвшихъ отъ страха чаушей.

— Нажми! — револь Ломбардъ.

«Десна» неслась стрѣлой.

Повторяя маневръ фрегата, бригъ привелъ къ вѣтру, пытаясь заслонить собой остальные суда отряда.

— Лѣво руля!

Оставляя за собой бурлящую струю, «Десна» ринулась въ сторону, подъ корму брига. Почти въ упоръ грянули единороги лѣваго борта. На ютъ брига посыпались осколки, гафель съ краснымъ флагомъ рухнулъ на палубу. Бригъ поспѣшно вытравилъ шкоты и спустился на присоединіе къ остальнымъ.

Форштевень «Десны» поравнялся съ кормой отставшей отъ другихъ галеры.

— Кошки!.. На абордажъ!..

Десятка два матросовъ, высоко поднявъ абордажные топоры, перепрыгнули на ютъ галеры. Впереди всѣхъ Альскій, бросившій свои разряженные пистолеты. Завязался короткій, ожесточенный бой. Помня уроки командира, Альскій успѣшно отбивался отъ насѣдавшаго на него турецкаго офицера. Свистящій, сверкающій ятаганъ турка неизмѣнно встрѣчалъ спокойный, увѣренный парадъ тяжелой шпаги. А затѣмъ — вне-

запный, стремительный выпадъ... Ятаганъ отлетѣлъ далеко въ сторону, и турокъ, взмахнувъ руками, грузно повалился на залитую кровью палубу. Его гибель заставила дрогнуть защитниковъ.

— Гони ихъ! — бѣсновался Альскій, вытирая бѣжавшую со лба струйку крови, гренады на палубу!... В топоры!...

Но въ тотъ же моментъ раздался голосъ Ломбарда, отзывавшій абордажную партію назадъ. Съ «Десны» перебросили нѣсколько смоляныхъ бочекъ, и черезъ минуту на ютѣ галеры пылалъ, раздуваемый свѣжимъ бризомъ, костеръ.

Сіявшій отъ счастья Альскій сложилъ къ ногамъ командира сорванный имъ кормовой флагъ, и «Десна», бросивъ горящаго противника, устремилась дальше, за уходящими подъ берегъ судами.

На стоявшихъ подъ крѣпостью корабляхъ вспыхнули огоньки... Съ визгомъ и воемъ пронеслись ядра. Но «Десна» продолжала свой бѣшенный бѣгъ. И только, когда передъ нею сплошной бѣлой стѣной встали огромные фонтаны воды отъ тяжелыхъ бомбъ крѣпостныхъ орудій, Ломбардъ, погрозивъ кулакомъ недосягаемому для него кораблю капуданъ-паши, повернулъ обратно.

— Убратъ весь маскарадъ на бакъ!... На палубѣ прибраться!

Въ крохотной командирской каютѣ гардемарины тормозили стараго слугу Ломбарда, медленно и торжественно откупоривавшаго завѣт-

ную бутылку. Загорѣлось въ тонкихъ венеціанскихъ стаканахъ густое старое венгерское.

Альскій схватилъ бокаль:

— За здоровье нашего героя-командира!

— Нѣтъ! — остановилъ его Ломбардъ и, высоко поднявъ свой бокаль, сверкнувшій рубиновымъ огнемъ, крикнулъ: — За здравіе Великой, Несравненной Екатерины!

— Ур-ра!... — подхватили дружно и восторженно гардемарины, осушая залпомъ свои стаканы.

* * *

— Ломбардъ, дружище! Молодчище! ... ревѣлъ въ избыткѣ восторга Веревкинъ, когда «Десна» рѣжа корму его «Припяти», шла на свое якорное мѣсто.

На всѣхъ судахъ команда высыпала на палубы, громкіе крики неслись навстрѣчу побѣдителямъ. Изящнымъ жестомъ Ломбардъ снялъ свою шляпу, отвѣчая на привѣтствія. Глаза его горѣли. Въ двухъ шагахъ за нимъ держался сіяющій Альскій, «невзначай» поправлявшій окровавленную повязку на лбу. На бакѣ дідъ, ухмыляясь своимъ беззубымъ ртомъ привѣтственному реву, готовился отдать якорь.

На адмиральскомъ фрегатѣ «Марія Магдалина» запестрѣли флажки сигнала. Съ подчеркнутой выправкой Альскій доложилъ:

Адмиралъ требуетъ прибытія командира «Десны»... Прикажете спустить яль?!

— Спускайте... и велите дать командѣ обѣдать. Я доложу адмиралу о взшемъ блестящемъ поведеніи въ бою и раненіи, — ласково добавилъ онъ, угадывая затаенную мысль юноши.

Альскій вспыхнулъ отъ удовольствія, и радужныя мечты зародились подъ почетной повязкой.

Черезъ пять минутъ Ломбардъ поднимался на шканцы фрегата.

— Адмиралъ ждетъ васъ въ своей каютѣ, — торопливо сказалъ ему вахтенный начальникъ, отвѣчая на его рукопожатіе.

Въ тонѣ его слышалось какое-то смущеніе, но Ломбардъ, поглощенный своими мыслями, ничего не замѣтилъ и направился къ дверямъ адмиральскаго помѣщенія подъ полуютомъ.

— Войдите!

Адмиралъ, нервно шагавшій по небольшому помѣщенію, круто остановился и повернулся къ вошедшему:

— Вы атаковали одинъ турецкую флотилію и обратили ее въ бѣгство?

— Такъ точно, ваше превосходительство!

— Какъ боевому подвигу — воздаю должное! Но, — сухое лицо адмирала приняло еще болѣе холодное выраженіе, — основа всего воинскаго дѣла есть дисциплина! Извѣстно ли вамъ, мичманъ Ломбардъ, что такое Уставъ Морскій именуется дисциплиною?! — Точное и непрекословное

исполненіе приказаній, отъ начальника исходящихъ. — Въ голосѣ адмирала зазвенѣла жесткая нога: — Мой приказъ запрещалъ всякую попытку вступить въ бой. Приказъ этотъ подлежалъ точному исполненію, каковы бы ни были на сей предметъ собственныя ваши разсужденія. Вы самовольно нарушили его — и я вижу въ васъ не побѣдителя, а офицера въ инсубординаціи виновнаго... Рапортомъ на имя Свѣтлѣйшаго Главкома командующаго, я ходатайствую о преданіи васъ суду военной коллегіи. Лейтенантъ Радовъ! — обратился онъ къ стоявшему поодаль флагъ-лейтенанту, — примите шпагу арестованнаго мичмана Ломбарда!

III

Адмиралъ круто повернулся и вышелъ. Ломбардъ не слышалъ, какъ хлопнула дверь. Слишкомъ внезапнымъ, слишкомъ жестокимъ былъ этотъ ударъ судьбы, развѣявшій, уничтожившій всѣ радужныя мечты. Послѣдніе часы онъ жилъ опьяненіемъ боя, зарождавшейся надеждой, что сновидѣніе этой ночи сбудется наяву, что онъ побѣдителемъ, героемъ, склонитъ колѣно у подножія ея трона... И вдругъ все рушилось, все пропало! Передъ его глазами встала картина: онъ увидѣлъ Ее за большимъ столомъ, заваленномъ бумагами... Важный, сурового вида сановникъ доставалъ изъ объемистаго портфеля еще и еще новыя бумаги, съ низкимъ поклономъ подкладывая ихъ для подписи. Быстро

пробѣгаютъ ихъ лучистые, сѣрые глаза. Короткій вопросъ, секунда размысленія — и перо скользитъ по бумагѣ, выводя энергичный, размашистый росчеркъ. И вотъ — онъ отчетливо слышитъ безстрастный старческій голосъ: «...Приговоръ суда военной коллегіи...по дѣлу мичмана Ломбарда... осужденнаго за ослушаніе начальника передъ лицомъ непріятеля...» Онъ не слышитъ вопроса, но ясно — похороннымъ звономъ звучитъ тотъ-же безстрастный голосъ: «...Смертная казнь черезъ разстрѣлянiе»... Бѣлая рука, какъ бы съ отвращеніемъ, отодвигаетъ бумагу... Сдвигаются соболиныя брови...Рука протянулась къ перу...

Ломбардъ застоналъ и закрылъ лицо руками.

— Разрѣшите, шевадье, вашу шпагу и извольте слѣдовать за мной, — слышитъ онъ откуда-то издалека смущенный голосъ флагъ лейтенанта.

Ломбардъ очнулся. Машинально отстегнулъ шпагу, передалъ ее...Машинально, какъ во снѣ, прошелъ за своимъ провожатымъ до маленькой каюты, у которой вытянулся часовой съ мушкетомъ. Тихо закрылась дверь.

... Медленно текли минуты. Ломбардъ, опустившійся на край узкой койки, не мѣнялъ положенія. Сжавъ руками виски, онъ въ сотый разъ задавалъ себѣ все тотъ-же вопросъ: Что дѣлать?!...Покончить съ собой?!...Бѣжать?!... Мозгъ отказывался работать.

Вдругъ онъ вздрогнулъ.. Его слухъ уловилъ далекіе раскаты грома. Канонада, бой!.. Онъ бросился къ узкому полупортику, скудно освѣщавшему каюту. Передъ его глазами разстилалась тихая гладь сверкавшаго на солнцѣ моря. Берега не было видно. Вторично прокатился далекій громъ. Ломбардъ зашагалъ по крохотному пространству. Что творилось тамъ?!.. Ясно: войска Суворова схватились съ турками. Чья беретъ?! Мелькнула вдругъ мысль: сейчасъ суда начнутъ сниматься съ якоря! А во время боя никого не оставляютъ подъ арестомъ...должны освободить и его!

— Господи! — возбужденно зашепталъ онъ, сжимая пальцы, — дай, чтобы нашлась милосердная пуля, которая избавила бы меня отъ позора!

Вотъ, вотъ засвистятъ боцманскія дудки! Онъ прислушался. Нѣтъ...кругомъ все та же мертвая тишина. Слышны лишь тяжелые шаги часового да однообразный плескъ мелкой волны, ударяющей въ бортъ. Послѣдняя надежда погасла. Адмиралъ остался вѣрнымъ себѣ — онъ не пойдетъ въ бой!

Нервы не выдержали. Опустивъ голову на скрещенныя руки, Ломбардъ горько зарыдалъ.

* * *

Свѣтлѣйшій съ утра былъ не въ духѣ. Небритый, нечесаный, сидѣлъ онъ на восточной тахтѣ въ глубинѣ своей роскошной палатки, разсѣянно грызя ногти и уставившись неподвижнымъ взглядомъ въ узоръ персидскаго ковра.

— Скверно ... Хандрить — предупреждалъ шопотомъ дежурный адъютантъ прибывавшихъ съ докладами начальниковъ и запыленныхъ ординарцевъ. И черезъ нѣсколько минутъ допущенные къ Свѣтлѣйшему вылетали какъ ошпаренные изъ палатки, а вслѣдъ имъ неслось недовольное ворчаніе.

Дежурный приподнялъ съ опаской полу палатки:

— Ваша Свѣтлость?!...

— А?!.. Что тамъ еще?!.. — полу-простоналъ Потемкинъ.

— Офицеръ со срочными бумагами отъ адмирала Мордвинова.

— Ладно... давай его сюда!

Впущенный дежурнымъ, флагъ - лейтенантъ остановился, придерживая шпагу и тщетно стараясь разглядѣть что либо привыкшими къ яркому свѣту глазами въ полутьмѣ палатки.

— Чего стоишь истуканомъ?! — послышалось изъ угла недовольное ворчаніе, — давай скорѣе свою цидулку!

Офицеръ двинулся на звукъ голоса и протянулъ запечатанный конвертъ. Потемкинъ выхватилъ пакетъ изъ его рукъ и бросилъ за собой на тахту:

— Ладно!... Ступай!

— Адмиралъ просили срочную резолюцію Вашей Свѣтлости ..—началъ Радовъ, но его обор-

валъ разсерженный, слегка визгливый окрикъ Свѣтлѣйшаго:

— Самъ знаю! Я два мѣсяца жду, чтобы твой адмиралъ шевельнулся! Подождеть и его писаніе!.. Убирайся по добру — по здорову!

Радовъ вспыхнулъ, но, промолчавъ, повернулся и вышелъ. Потемкинъ взялся за серебряный колоколчикъ.

— Курьера изъ Петербурга все еще нѣтъ?

— Никакъ нѣтъ, Ваша Свѣтлость!

— А отъ Суворова?!.. Какъ бой? Какъ его раненіе?!

— Ничего нѣтъ, Ваша Свѣтлость!

— Убирайся!

Дежурный поспѣшилъ скрыться.

— Господи! простоналъ Потемкинъ. — Все ничего!.. Десятая сутки!.. Забыла ты матушка своего Гришу! Вертятся тамъ около тебя всякіе... Орловы... Другіе. — Онъ заскрипѣлъ зубами. — Льстятъ... Увиваются... А служить то тебѣ готовы?! Не на словахъ, а на дѣлѣ?! Жизни своей не пожалѣютъ ради твоей славы?!.. — Рѣзко смахнувъ наворачнувшуюся на глазъ слезу, онъ съ глухимъ рычаніемъ уткнулся лицомъ въ подушки тахты.

Прошло нѣсколько минутъ. Потемкинъ тяжело поднялъ голову. «Что же онъ пишетъ тамъ?..» вспомнилъ онъ брошенный пакетъ. Онъ

протянулъ руку, сломалъ печать... Приблизивъ къ глазамъ большой, исписанный старательнымъ канцелярскимъ почеркомъ листъ, онъ принялся за чтеніе. Брови его сдвинулись.

«...Хотя онъ поступилъ противъ непріятеля съ величайшей храбростью...» читалъ онъ вполголоса... «Но какъ онъ ушелъ ночью, безъ всякаго повелѣнія, то я за долгъ почитаю его арестовать и отдать подъ военный судъ...»

— Шевалье Ломбардъ... — пробормоталъ Потемкинъ, опуская руку съ бумагой. — Тотъ смазливый мальчишка-итальянецъ... съ гитарой... пѣвунъ. — Зубы его скрипнули, между бровями легла жесткая складка, — тоже изъ такихъ!... — Свѣтлѣйшій задумался.

Пола палатки порывисто откинулась:

— Ваша Свѣтлость!... Эстафета отъ генераль-аншефа!... Блестящая викторія надъ турками! — докладывалъ возбужденно дежурный.

— Наконецъ-то! Давай скорѣе!

Въ свѣтломъ прямоугольникѣ входа появилась запыленная фигура гусарскаго корнета. Зазвенѣли шпоры.

— Вашей Свѣтлости отъ генераль-аншефа! — доложилъ онъ слегка охрипшимъ отъ дорожной пыли голосомъ, протягивая сложенный листокъ сѣрой бумаги.

Потемкинъ развернулъ ее, быстро пробѣжалъ глазами, разыскивая что-то, и углубился

было въ чтеніе, но вдругъ опустилъ бумагу, вслушиваясь... Приближаясь, звенѣли колокольчики и бубенцы пущенной вскачь тройки, слышался заглушенный густой дорожной пылью стукъ колесъ. Тройка остановилась. Позванивали только бубенчики встряхивавшихся пристяжныхъ.

Снова просунулась голова дежурнаго:

— Курьеръ изъ Санктъ Петербурга!

— Гдѣ онъ?!... Чего ждетъ?! — встрепенулся Свѣтлѣйшій, бросая на тахту недочитанное донесеніе Суворова.

Онъ чуть не вырвалъ изъ рукъ еле державшагося на ногахъ отъ усталости курьера объемистый пакетъ съ крупными печатями, вскрылъ его лихорадочно трясущимися руками; началъ извлекать его содержимое... Бумаги, одна за другой, летѣли на тахту... Наконецъ — небольшой листъ — въ который его пальцы впились такъ, какъ будто кто-то могъ попытаться отнять его.

Глаза Потемкина жадно пробѣгали надписанныя, крупнымъ энергичнымъ почеркомъ, строчки. Лицо его преобразилось.. Крупная слеза медленно скатилась по небритой шекѣ... Губы что-то беззвучно шептали.

Сложивъ бережно листъ и спрятавъ его на груди, Свѣтлѣйшій повернулся къ группѣ отошедшихъ въ сторону офицеровъ:

— Спасибо, голубчикъ! — протянулъ онъ

руку смутившемуся молодому курьеру. — Лярскій! — измѣнившимся, веселымъ голосомъ крикнулъ онъ адъютанту, — позаботься о господахъ офицерахъ! Веди къ себѣ, накорми обѣдомъ... Распоряжайся поваромъ, погребомъ, всѣмъ! — Онъ хлопнулъ въ ладони: — Прощка! Умываться — живо! Тащи этого бездѣльника мусью — бриться!... Позвать Пѣтушкова!... До свиданія, господа!

Оставшись одинъ, Потемкинъ взялся снова за донесеніе Суворова.

«...Если бы мы не ударили въ адъ, клянусь адъ поглотилъ бы насъ...» писалъ Суворовъ... «И все же одинъ Богъ вѣдаетъ, какъ бы кончилась баталія, если бы турки сикурсомъ своего флота пользоваться могли... Но флотъ сей постыдно бѣжалъ передъ доблестью одного не изрядно великаго судна... Шевалье Ломбардъ атаковалъ весь турецкій флотъ до линейныхъ кораблей; бился со всѣми судами изъ пушекъ и ружей два часа съ половиной и по учиненіи варварскому флоту знатнаго вреда сей герой стоитъ нынѣ благополучно подъ кинбурнскими стѣнами...»

Потемкинъ разыскалъ въ грудѣ бумагъ рапортъ адмирала Мордвинова и, взглянувъ поочереды на обѣ бумаги, усмѣхнулся:

— Гдѣ же истина, господа философы!.. Нѣтъ... Александръ Васильевичъ — чудакъ, но о воинской доблести ему болѣе пристало судить!... Пиши, Пѣтушковъ!

Перо секретаря закрипѣло по бумагѣ.

«...Я прощаю вину офицера. Оправдавъ хорошо свой поступокъ, онъ долженъ быть награжденъ. Объяви, мой другъ, ему чинъ, какой заблагоразсудишь...»

— Лярскій! — крикнулъ онъ, закончивъ диктовать — что, офицеръ, присланный отъ адмирала, уѣхалъ?!

— Никакъ нѣтъ, Ваша Свѣтлость, — замялся адъютантъ, — ужъ очень онъ за товарища болѣлъ душой... Такъ осмѣлился посовѣтовать ему обождать...

— Пока, молъ, у Свѣтлѣйшаго пройдетъ хандра?! — разсмѣялся Потемкинъ, — хорошо сдѣлалъ, братъ... Зови его сюда!

— Вотъ письмо адмиралу, — говорилъ онъ черезъ минуту почтительно вытянувшемуся флагъ - лейтенанту, — а какъ по твоему, сударь, — и Потемкинъ положилъ руку на плечо офицера, глядѣвшаго на него съ затаенной тревогой, — виновенъ ли шевалье Ломбардъ, и что бы ты порѣшилъ въ его дѣлѣ на моемъ мѣстѣ.

На мгновеніе Радовъ смутился, но оправившись, твердо взглянулъ въ глаза Потемкину и выпалилъ.

— Донесъ бы Ея Императорскому Величеству, что въ вѣнокъ ея славы вплетена новая, изрядная вѣтка!

Потемкинъ усмѣхнулся:

— Ну... быть по твоему указу! Пока же передай адмиралу, чтобы выпустилъ немедля твоего героя изъ подъ ареста и вернулъ ему командование, коего онъ показалъ себя достойнымъ!

— Ваша Свѣтлость!... — забормоталъ просіявшій Радовъ.

— Ладно, ладно... Ступай скорѣе! Чай, надоѣло ему сидѣть взаперти!... И передай ему отъ меня спасибо за лихое дѣло во славу Матушки - Царицы!

И кивнувъ привѣтливо головой лейтенанту, Свѣтлѣйшій уѣлся за маленькій туалетный столикъ, у котораго хлопоталъ мусью Андрэ - «персональный куаферъ Его Свѣтлости».

IV

Молодой офицеръ въ адъютантскихъ аксельбантахъ остановился на порогѣ «Янкелева кабачка», пытаясь разглядѣть что-то въ густомъ табачномъ дыму, стелившемся надъ столиками. Взглядъ его остановился наконецъ на группѣ офицеровъ въ морской формѣ, сидѣвшихъ за однимъ изъ столовъ, и онъ рѣшительными шагами направился къ нимъ.

— Шевалье Ломбардъ? — обратился онъ къ одному изъ нихъ.

— Онъ самый! — поднялся морякъ, — чѣмъ могу служить?

— Приказаніе генераль-аншефа прибыть не-

медленно къ его Превосходительству! — произнесъ официальнымъ тономъ адъютантъ.

— Къ генераль-аншефу?! Сейчасъ?!

— Такъ точно... Приказали разыскать и немедленно привести!

— Что такое?! Напроказилъ ты что-нибудь, дружище? — спросилъ сосѣдъ Ломбарда, наклоняясь къ его уху.

— Ничего не понимаю!... — пожалъ тотъ плечами, — но разъ приказано — значить надо!... Я къ вашимъ услугамъ, — обратился онъ къ адъютанту, беря шляпу и пристегивая шпагу.

Оба офицера вышли изъ кабачка. Солнце еще не сѣло, и въ косыхъ лучахъ его отчетливо бѣлѣли палатки на другомъ берегу рѣчки. На вопросы Ломбарда адъютантъ отозвался полнымъ незнаніемъ причины вызова, и оба вновь замолчали быстро шагая по пыльной бѣлой дорогѣ.

— Войдите! — пригласилъ вернувшій адъютантъ, откидывая полу палатки.

Сдѣлавъ два шага, Ломбардъ остановился, снявъ шляпу и придерживая шпагу. Передъ нимъ былъ Суворовъ. Сидя на походной кровати, въ рубашкѣ съ разстегнутымъ воротомъ, генераль - аншефъ писалъ что-то при свѣтѣ оплывшей свѣчи, поставленной на опрокинутомъ ящикѣ. Казалось, онъ не замѣтилъ вошедшаго. Прошло нѣсколько минутъ. Скрипѣ-

ло перо и слегка потрескивала нагорѣвшая свѣча...

Наконецъ, Суворовъ поднялъ голову и, прищуривая одинъ глазъ, всмотрѣлся въ замершую у входа фигуру.

— Кто такой будешь?

— Флота мичманъ Ломбардъ — командиръ галеры «Десна», — отчетливо отрапортовалъ офицеръ.

— Точно ли такъ, сударь мой?! Командиромъ «Десны» значитъ кажись, не мичманъ Ломбардъ...

Что-то кольнуло въ сердце... «Неужели», мелькнула мысль: «адмиралъ, недовольный снисходительностью Потемкина, добился теперь своего инымъ путемъ?!»... Неужели его отрѣшили отъ командованія его любимой «Десной»?!

— Ваше Высокопревосходительство.. — началъ онъ слегка дрогнувшимъ голосомъ, но Суворовъ, поднимаясь съ койки, перебилъ его:

— Что то плохо вижу я при этой свѣчѣ... Можетъ и ошибаюсь... придется обезпокоить тебя, сударь, просьбой — прочти самъ, что въ этой цидулькѣ прописано... — Говоря такъ, Суворовъ протянулъ Ломбарду развернутый большой листъ. — Читай вслухъ!

подавивъ волненіе, Ломбардъ приблизилъ бумагу къ мерцавшему пламени свѣчи и началъ прерывающимся голосомъ:

— Лѣта отъ Рождества Христова 1781-го, сентября 29го дня, въ ставкѣ подъ крѣпостью Очаковымъ... Приказъ по Россійскимъ Арміи и Флоту... За отмѣнно доблестныя дѣйствія противъ всего оттоманскаго флота, подъ крѣпостью Очаковымъ пребывающаго, и полный, во благовременіи оказанный сикурсъ арміи генераль аншефа - Суворова въ баталіи на кинбурнской косѣ съ высадившимися турецкими войсками, именемъ Ея Императорскаго Величества Всемилостивѣйшей Государыни нашей и властью мнѣ отъ Нея данной — произвожу командира галеры «Десна», флота мичмана Шевалье Ломбарда въ флота лейтенанты. О такомъ приказѣ кому надлежитъ увѣдомленіе препроводить, приказъ же сей передъ собраніемъ господъ офицеровъ всѣхъ полковъ равно какъ и на всѣхъ судахъ эскадры во всеуслышаніе прочесть...

— Ну, что же? — хитро подмигнулъ глазомъ Суворовъ, и сѣтъ мелкихъ морщинокъ собралась около его глазъ: «правъ я оказался, господинъ лейтенантъ, что не мичманъ Ломбардъ значитъ командиромъ галеры «Десна»?! Упрямя твой адмиралъ, не въ укоръ ему будь сказано, да мы со Свѣтлѣйшимъ все же его переупрямили.

— Какъ благодарить мнѣ ваше... — началъ горячо Ломбардъ.

— Погоди, сударь!... — Лицо Суворова при-

няло какое-то строго торжественное выражение и вмѣстѣ с тѣмъ озарилось какимъ-то внутреннимъ свѣтомъ, — это ты заслужилъ по регламенту, и Свѣтлѣйшій по моей просьбишкѣ воздалъ должное воинской доблести въ баталіи проявленной... Но вотъ за это, — Суворовъ протянулъ руку и взялъ съ ящика небольшой кожаный футляръ, — благодари душой и сердцемъ и всей своей жизнью!

Вспыхнувшее пламя свѣчи освѣтило на груди молодого офицера бѣлый крестикъ на черно - оранжевой лентѣ.

— Носи его съ честью, — продолжалъ Суворовъ, кладя руку на плечо Ломбардъ, — и помни, что за Богомъ молитва, за Матушкой - Царицей служба не пропадаетъ... Ступай съ Богомъ! — перекрестилъ онъ его быстрымъ движеніемъ руки и откинулъ полу палатки.

Въ вечернемъ воздухѣ звонко пропѣла труба.

СТАРОЕ КРЕСЛО

Въ комнатѣ не было никого... Брошенное на ручкѣ кресла рукодѣлье показывало, что жена вышла не надолго, гдѣ-то по близости. Повѣсивъ шляпу и сбросивъ пиджакъ, я вытянулся съ наслажденіемъ на низкомъ диванѣ. Ушли куда-то въ даль часы, проведенные за нудной, нелюбимой работой... Охватила уютная атмосфера «своего» угла.

Я люблю нашу «мансарду» съ ея тремя окнами въ скошенной передней стѣнѣ, напоминающими мнѣ почему-то полупортики стараго фрегата. «Портретная галерея» адмираловъ — отъ Адриана Михаила ванъ-Рюйтера до «дѣдушки» Макарова — фотографіи «своихъ» кораблей, старая сабля съ выцвѣтшимъ темлякомъ, — все напоминаетъ здѣсь прежнюю, «настоящую» жизнь.

Лѣтній вечеръ былъ жаркимъ и душнымъ. Собиралась гроза. Косые лучи солнца пробивались золотыми стрѣлками сквозь густую листву стараго платана, заслоняющаго своими вѣтвями наши окна отъ внѣшняго міра. Было тихо, тихо... Только пара воробьевъ, облюбовавшихъ для ночлега одну и ту же вѣтку, переругивалась сонными голосами.

Взглядъ, скользнувъ по комнатѣ, остановился на глубокомъ, уютномъ креслѣ. «Подлинный Louis-Philippe», удостовѣрилъ подарившій мнѣ его старый пріятель — бывший юристъ, бывший мастеровой и нашедшій, наконецъ, свое призваніе въ антикварномъ дѣлѣ.

«Чего только не перевидало оно за свой вѣкъ?» мелькнула мысль: Louis Philippe... Тридцатые, сороковые годы... Кто знаетъ, — можетъ быть, въ немъ сидѣлъ — уже старенькій — Викторъ Гюго, задремавшій надъ неоконченной страницей «Искусство быть дѣдушкой»... Можетъ быть, оно стояло въ кабинетѣ Ламартина и слышало страстныя рѣчи своего хозяина и его друзей, готовившихся осчастливить Францію еще одной революціей, которая на этотъ разъ должна была уже безошибочно привести ее къ золотому вѣку... А можетъ быть, въ жаркій и душный, какъ сегодня, іюльскій вечеръ, когда на улицахъ Парижа пахло порохомъ и кровью, оно летѣло изъ окна многоэтажнаго стараго дома, гдѣ-нибудь въ предмѣстьѣ Сентъ Антуанъ, на головы утомленныхъ трехдневнымъ боемъ королевскихъ войскъ, штурмовавшихъ вновь выросшую баррикаду»... Вставали и исчезали быстро смѣнявшіяся картины... Глаза начинали слипаться.

Не безъ нѣкотораго усилія я заставилъ ихъ раскрыться.

Странно! Только что еще все окно было заслонено вѣтками платана, почти что касавшимся его, а теперь?!... Немного выше подоконника виднѣлись голыя верхушки ряда деревьевъ, а за ними — на довольно большомъ разстояніи — типичныя, крутыя крыши старыхъ парижскихъ домовъ, четко вырисовывавшіяся на блѣдно-голубомъ небѣ. А тамъ, влѣво, — это двѣ готическія башни?... Ихъ нельзя не узнать — Notre Dame de Paris... Подъ такимъ угломъ ихъ видно гдѣ-нибудь съ лѣваго берега, съ Quai de la Bournelle, или изъ одного изъ крайнихъ домовъ острова Сенъ-Луи.

Я перевелъ взглядъ на комнату — все изменилось!

Чинныя, раздвоенныя, тюлевыя занавѣски на окнахъ, на стѣнахъ старинныя миниатюры въ овальныхъ черныхъ рамахъ. Прямо передо мной, надъ большимъ бюро краснаго дерева, — портретъ въ потускнѣвшей золотой рамѣ, изображающій мужчину среднихъ лѣтъ съ энергичнымъ бритымъ лицомъ, напоминающимъ портреты маршаловъ первой Имперіи, въ синемъ мундирѣ съ эполетами и въ лосинахъ. Большая подзорная труба въ лѣвой рукѣ и фонъ картины — ванты и часть борта стариннаго корабля — говорили о томъ, что оригиналъ портрета былъ морякомъ.

Взглянулъ на кресло — оно стояло на старомъ мѣстѣ, но не было болѣе пустымъ!

Откинувъ голову на его спинку, устремивъ взглядъ куда-то вдаль, въ немъ сидѣла старушка... Серебристо-бѣлые волосы, полускрытые большимъ кружевнымъ чепцомъ съ лиловыми лентами. Правильныя черты лица со слѣдами былой красоты. Тонкія, исхудалыя руки, скрещенныя на колѣняхъ. Губы ея что-то беззвучно шептали.

Раздался легкій стукъ въ дверь.

— Entrez... Я такъ и знала, что это ты, моя дѣтка!

Вошедшая — стройная, красивая дѣвушка лѣтъ двадцати распустила ленты своего капора, сбросила его вмѣстѣ въ шубкой на стулъ и, поцѣловавъ руку старушки, опустилась на низкій пуфъ рядомъ съ кресломъ.

— Ничего!.. — отвѣтила она на вопросительный взглядъ старушки: — опять ничего!.. Я сейчасъ изъ министерства... Какъ всегда, меня очень любезно принялъ капитанъ Дюбретонъ...

— Старый товарищъ мужа... — перебила старушка, поднимая глаза къ портрету.

Онъ всегда вспоминаетъ своего собрата по оружію, — продолжала дѣвушка, — *se brave entre les braves*. И не устаетъ рассказывать объ ихъ совмѣстныхъ плаваніяхъ и бояхъ. Всю эту долготннюю дружбу онъ перенесъ на его сына,

и съ тѣхъ поръ, какъ онъ знаетъ, что я невѣста Ипполита, онъ принимаетъ меня раньше всѣхъ другихъ посѣтителей и обѣщаль мнѣ, при первомъ извѣстїи, прислать своего адъютанта... Но сейчасъ они ничего не знаютъ. Ипполитъ плаваетъ отдѣльно отъ эскадры... гдѣ-то далеко... у этихъ страшныхъ турецкихъ береговъ одинъ. — Въ голосѣ дѣвушки задрожали слезы, темная головка опустилась на ручку кресла.

— Не надо такъ отчаиваться, Кларисса, дѣточка, — худая рука старушки погладила ея волнистые, мягкіе волосы, — будущей женѣ мсряка надо привыкать къ этимъ долгимъ отлучкамъ.. безъ писемъ, безъ вѣстей... Я мѣсяцами не знала ничего.

» Старушка умолкла. Послѣ паузы она заговорила вновь, про себя, какъ бы забывъ подъ вліяніемъ нахлынувшихъ воспоминаній о присутствіи своей собесѣдницы.

— А въ послѣдній разъ... послѣ двухъ мѣсяцевъ молчанія и ужасной тревоги, первое извѣстіе было — о его смерти... въ бою, какъ онъ мечталъ всегда. Трафальгаръ!.. до сихъ поръ это имя звучитъ для меня какимъ-то похороннымъ звономъ. Глупая я, старая!; — прервала она сама себя, возвращенная къ дѣйствительности дрожью, пробѣжавшей по тѣлу прижавшейся къ ней дѣвушки. — вмѣсто того, чтобы ободрить тебя, навела тебя своими воспоминаніями на ненужныя, мрачныя мысли... Да,

да — ненужныя! — горячо настаивала она, обнимая вздрагивающія плечи Клариссы и стараясь говорить бодрымъ, увѣреннымъ тономъ. — Ты уже сразу и вообразила, Богъ знаетъ, что!... Ты очень любишь его, я знаю — но развѣ я — его мать — не должна бы такъ же дрожать за него?! А ты видишь — я спокойна!

— Подумай только... Тогда... да, тогда это была страшная, неравная борьба съ могущественнымъ англійскимъ флотомъ, съ такимъ вождемъ, какъ этотъ однорукий, одноглазый — и все же страшный, непобѣдимый Нельсонъ. А теперь?!. Какіе-то тамъ турки-дикари, о которыхъ покойный всегда говорилъ, что они ничего не смыслятъ въ морскомъ дѣлѣ. Къ тому же — флота у нихъ болѣе нѣтъ. Онъ погибъ два мѣсяца тому назадъ въ этомъ большомъ бою у Наварина, въ Греціи. И теперь союзныя эскадры — наша, англійская и русская — господствуютъ на всемъ просторѣ Средиземнаго моря. Адмиралъ де-Риньи — старый другъ нашей семьи. Это онъ взялъ къ себѣ Ипполита и далъ ему, несмотря на его молодость, самостоятельное командованіе... Командиръ! Какъ онъ гордится этимъ, мой мальчикъ. Съ какой любовью пишетъ онъ о своемъ суденышкѣ!... Нѣтъ, я спокойна.. де Риньи опытный, серьезный начальникъ, съ нимъ Ипполиту не грозитъ ничего. Успокойся, дѣтка, не плачь! Онъ вернется бодрымъ и здоровымъ! Дай мнѣ толь-

ко Богъ дожить до того дня, когда вы устроите свое гнѣздышко... Ну вотъ, улыбнись! Будь опять моей храброй маленькой невѣстой моряка! — Старушка нѣжно поцѣловала ее въ лобъ.

Дѣвушка улынулась сквозь блестящія на рѣсницахъ слезы.

Въ комнатѣ стало тихо. Старые камни Нотрѣ-Дамъ засвѣтились розовымъ отблескомъ заходящаго зимняго солнца. Обѣ женщины — молодая и старая — молча слѣдили взглядомъ за одинокимъ облачкомъ, плывшимъ въ чистой синевѣ вечерняго неба. А мысль искала такой же маленькій, бѣлый парусъ, затерянный среди голубого простора далекаго, невѣдомаго Эгейскаго моря... Темнѣло...

II

И я его увидѣлъ — этотъ парусъ!

...Луна то пряталась въ тучи, то, выглядывая изъ-за нихъ, заливала своимъ зеленоватымъ свѣтомъ ровную гладь моря. Смутно вырисовывалась справа какая-то горная цѣпь, мрачная и мертвая въ этомъ холодномъ свѣтѣ. Слева темнѣлъ силуэтъ большого острова. Слабый, временами совсѣмъ затихавшій, ночной бризъ еле надувалъ паруса стройной бригантинны, державшей курсъ въ Хіосскій проливъ. Группы матросовъ сидѣли и лежали на палубѣ, около шкотовъ и брасовъ, разговаривая вполголоса.

Командиръ — молодой еще лейтенантъ — нервно шагаль по мостику.

«Не везеть, рѣшительно не везеть!» бормоталъ онъ про себя: «надо же было адмиралу угнать меня куда-то за сутки до боя! И вотъ кампанія кончилась... Кончилась фактически — за отсутствіемъ противника! А когда потомъ будутъ спрашивать: «Вы были при Наваринѣ?» придется отвѣчать: «Нѣтъ, я въ это время развозилъ депеши!» И когда-то еще снова представится случай попасть въ бой?! Нашъ вѣкъ не слишкомъ богатъ событіями. То ли дѣло отецъ! Вся жизнь въ походахъ, въ бояхъ!»...

Недовольное выраженіе его лица уступило мѣсто мягкой улыбкѣ: «Знаю, кто будетъ доволенъ, что война кончилась, — это моя бѣдная мама, вѣчно дрожащая за своего «мальчика», и Кларисса!»

Отвернувшись отъ рулевого, молодой офицеръ вынулъ маленькій медальонъ, раскрылъ его и быстро, тайкомъ поцѣловавъ миниатюрный портретъ, окруженный прядью темныхъ волосъ, снова спряталъ его на груди.

— На бакъ, впередъ смотрѣть! — крикнулъ онъ громко, какъ бы желая удвоеннымъ рвеніемъ къ службѣ искупить мгновенную «слабость».

— Есть, впередъ смотрѣть! — донеслись отчетливо въ мертвой тишинѣ ночи два голоса съ бушпрута. И снова тишина...

Лейтенантъ возобновилъ свою прогулку по мостику — шесть шаговъ направо, шесть — налево... «А теперь, при этомъ вѣтрѣ», вернулся онъ къ прерванной нити размышлений: «и въ три дня не дойти до русской эскадры... А у меня срочныя бумаги къ графу Гейдену. Впрочемъ, недурно будетъ провести опять вечеръ съ русскими.

Славные ребята, гостепріимные хозяева и — прекрасные моряки. Вѣдь мы почти ничего о нихъ не знали... А ихъ вѣковая борьба съ этими самыми турками — цѣлая эпопея, полная интереснѣйшихъ эпизодовъ! Вотъ здѣсь — въ этомъ самомъ проливѣ — они разбили турецкій флотъ и заставили его бѣжать подъ берегъ... А тамъ ночью — лихая атака брандеровъ — и вся гордость османлисовъ взлетаетъ на воздухъ невиданнымъ фейерверкомъ!.. Много еще интереснаго пришлось слышать за этими дружескими бесѣдами.. Какъ его звали, того офицера, который, окруженный турками, схватился съ ними на abordажъ и, когда они облѣпили со всѣхъ сторонъ его судно, взорвался вмѣстѣ съ ними?!.. Какъ его звали?!..»

Онъ рѣзко остановился и вскинулъ тяжелую подзорную трубу. Какъ будто тамъ, на правую крамболу, что-то шевельнулось въ тѣни береговыхъ утесовъ.

— Керволекъ! — крикнулъ онъ на палубу.
— Поднимись на мостикъ, живо!

Черезъ минту боцманъ, коренастый старый бретонецъ, стоялъ рядомъ съ командиромъ.

— Посмотри туда, вотъ, гдѣ берегъ понижается... Ты ничего не видишь?

Прикрывъ ладонью глаза, старикъ пристально всмотрѣлся въ неясныя очертанія берега:

— Нѣтъ... ничего...

— Значить, мнѣ показалось. Намъ придется проходить подъ самымъ берегомъ. Течение прижимаетъ... А поворотъ при этомъ слабымъ вѣтрѣ... — Офицеръ снова умолкъ, пристально вглядываясь въ темныя скалы, мѣнявшія свой обликъ въ обманчивой игрѣ луннаго свѣта.

Бригантина была уже въ нѣсколькихъ кабельтовыхъ отъ мыса. Все тихо.

На луну набѣжала тучка.

Бризъ спалъ совсѣмъ. Глухо хлопнули обезвѣтренные паруса...

— Не нравится мнѣ что-то этотъ берегъ, — заговорилъ вполголоса боцманъ, — не прикажете-ли, на всякій случай, приготовиться къ бою?

— Да, Керволекъ, — отозвался командиръ, стряхивая какое-то оцѣпенѣніе, навѣянное этой мертвой тишиной, — прикажи разбудить прислугу праваго борта.

— Шлюпки по носу! — прорѣзалъ ночной воздухъ тревожный окрикъ съ бака.

— По орудіямъ!... Боевая тревога!

— ...Алла!...Алла!... — отвѣтилъ многоголосьй ревъ.

Рѣзкими, фальшивыми нотами прозвучалъ рожокъ внезапно разбуженного горниста. Лихорадочно возились у орудій комендоры. Вспыхивали огоньки раздуваемыхъ фитилей. Разсыпались по борту полуодѣтые стрѣлки.

Въ полумракѣ скользили по водѣ какія-то длинныя тѣни... Слышался мѣрный всплескъ весель, глухой гулъ голосовъ. Вспыхивали здѣсь и тамъ желтые огоньки, затрещали одиночные выстрѣлы.

— Правый бортъ... Огоны!

Нестройнымъ залпомъ грянули пушки праваго борта, заволакивая весь корабль густыми клубами бѣлаго дыма. Обманчивый лунный свѣтъ сбилъ наводчиковъ — большинство ядеръ легло позади быстро приближавшихся судовъ. Только головная фелюга, съ рухнувшей мачтой, осѣла носомъ и медленно погружалась въ темную воду. Остальныя, вспѣнивая сверкавшую подъ ударами длинныхъ весель воду, торопливо раздѣлились на двѣ колонны, охватывая бригантину съ носа и съ кормы — въ мертвомъ углу ея бортовыхъ орудій.

— Право руля!

— Не слушаетъ больше руля! — мрачно отозвался рулевой.

— Цѣлься хорошенько!... Не торопись!... Подпусти ближе! Залпы!... — звенѣлъ на бакѣ зазорный голосъ молодого мичмана.

Выглянувшая изъ-за тучъ луна ярко освѣтила море. Видно было, какъ падали люди, какъ сцѣплялись и ломались брошенные весла. Но все ближе, тѣснѣе смыкались два полукольца... Снова, подъ самымъ носомъ, раздалось глухое: «Алла!». Полетѣли крючки и кошки... Карабкаясь по востеръ-штагамъ и форъ-русленямъ, появились фантастическія, оборванные фигуры съ обмотанными чалмами головами, съ ятаганами въ оскаленныхъ, бѣлыхъ зубахъ.

— Къ чорту мушкеты!... Въ топоры! — крикнулъ мичманъ, разряжая въ упоръ свой пистолетъ. Грузно шлепнулось въ воду тѣло убитаго. Но за нимъ появлялись все новыя и новыя головы. Выстрѣлы прекратились. Слышался лишь лягъ клинковъ, глухіе крики, тяжелые удары абордажныхъ топоровъ.

На ютѣ, около гротъ-мачты, группа матросовъ удерживала напоръ появлявшихся стовсюду изъ-за борта враговъ. Свистѣлъ, дробя турецкіе черепа, въ мускулистыхъ рукахъ Керволека тяжелый гандшпугъ.

Лихорадочно работая веслами, выходили изъ за мыса все новыя и новыя фелюги.

Впившись руками въ поручни мостика, командиръ слѣдилъ, какъ во снѣ, за ходомъ боя... Окончательно вышедшая изъ за тучъ луна за-

ливала своимъ яркимъ свѣтомъ бригантину и облѣпившія ее со всѣхъ сторонъ фелюги, кочермы и каики, посылавшія на абордажъ все свѣжія толпы фанатическихъ бойцовъ... Двѣ кучки бѣлыхъ, матросскихъ рубахъ рѣзко выдѣлялись среди разноцвѣтной толпы нападавшихъ. Подаваясь шагъ за шагомъ назадъ, онѣ медленно таяли... Борьба кипѣла теперь у люка въ командный кубрикъ и около траповъ, ведущихъ съ полуяута на шканцы.

Лейтенантъ тряхнулъ головой, какъ бы пытаясь проснуться отъ давящаго кошмара.

На поручнѣ мостика появилась мускулистая, коричневая рука... другая... За ними показалось загорѣлое лицо со сверкавшими изъ-подъ грязной, размотавшейся чалмы бѣлками. Полубезосознательно лейтенантъ поднялъ и опустил тяжелую трубу. Глухой, гортанный крикъ и всплескъ воды отъ паденія тѣла вывели офицера изъ охватившаго его оцѣпенѣнія. Мысль заработала ярко и больно.

...Черезъ полчаса все будетъ кончено... Силы противника непрерывно возрастаютъ... Помощи ждать неоткуда... Его корабль, его гордость, будетъ во власти этой ревущей орды... грязныя руки сорвутъ, втопчутъ въ грязь и кровь бѣлый флагъ съ королевскими лиліями такъ гордо развѣвавшійся на гафелѣ... Его замѣнить полумѣсяцъ на кровавомъ полѣ...

Съ бака донесся новый, торжествующій ревъ

нападавшихъ. Надъ ихъ густой толпой заколебалось древно пики съ какимъ-то круглымъ предметомъ на ней... При яркомъ свѣтѣ луны лейтенантъ узналъ искаженные черты жизнерадостнаго мичмана... Онъ вздрогнулъ. Рука нащупала заткнутый за поясъ пистолетъ. Нѣтъ! Живымъ онъ не дается этимъ звѣрямъ! Но — корабль?!...

Лейтенантъ выпрямился. Еще взглядъ на палубу... Бѣлая кучка на шкафутѣ почти исчезла въ бѣснующейся толпѣ побѣдителей. На ютѣ пять — шесть человѣкъ, съ Керволекомъ во главѣ, держались еще изъ послѣднихъ силъ у трапа. Нѣсколько минутъ еще — и они будутъ смятены растущей толпой враговъ... Но сейчасъ — путь внизъ еще свободенъ!

Двумя прыжками онъ спустился съ мостика, быстро распахнулъ и захлопнулъ за собой дверь кормового помѣщенія. Шумъ боя доносился сюда слабѣе. Только надъ головой, на ютѣ, слышался топотъ ногъ борющихся, прерываемый иногда глухимъ паденіемъ тѣла.

Совершенно машинально лейтенантъ направился къ своей каютѣ. Но на полпути — остановился... Зачѣмъ?!.. Взявъ со стѣны тускло горѣвшій масляный фонарь, онъ началъ спускаться по крутому трапу.

«Надо завтра сказать Керволеку, чтобы онъ приказалъ перемѣнить фалрепа...» мелькнула заботливая, «хозяйская» мысль... На нее сейчасъ же отвѣтила другая:

«Не надо... Ни Керволека, ни тебя — уже нѣтъ!!...»

Второй трапъ... Сырой, спертый воздухъ трюма... Запахъ ржавой воды.. Колеблющееся пламя фонаря отбрасываетъ на стѣну гигантскую, причудливо движущуюся, тѣнь.

Маленькая дверь... Рядомъ съ ней фигура матроса, вытянувагося при видѣ командира.

— Уходи, Кадильянкъ... Тамъ наверху, можетъ быть...

— Тамъ, значитъ .. кончено, капитанъ...

— Кончено...

— Въ такомъ случаѣ, — съ вашего разрѣшенія, капитанъ, — я останусь здѣсь — на своемъ посту по расписанію... Турки еще успѣютъ полюбоваться мною, мимолетомъ, — по дорогѣ въ рай!... — заканчиваетъ типичной «гасконской» Кадильянкъ.

Лейтенантъ молча протягиваетъ ему руку. Гасконецъ торопливо и смущенно сжимаетъ ее своими здоровыми лапами, затѣмъ. — взявъ «по артикулу» абордажную саблю «на караулъ», — замираетъ въ уставной позѣ.

Офицеръ толкаетъ ногой дверь. Входитъ. Свѣтъ фонаря падаетъ на ряды аккуратно установленныхъ боченковъ. Рѣшительнымъ движениемъ онъ выдергиваетъ пробку ближайшаго. Струйка черныхъ, поблескивающихъ крупинокъ льется изъ отверстія и разсыпается по палубѣ.

Въ мозгу проносится вихрь мыслей... Дѣтство, школа, друзья... Уютная комнатка — тамъ, далеко — на набережной Сены... И вдругъ... вспомнилось!... «Его звали Рейнгольдъ фонъ Сакенъ... того русскаго офицера...»

Сверху яснѣе доносится новый, торжествующій крикъ. «...Алла!... Алла!...»

Онъ закрылъ на секунду глаза... «Мама... Кларисса...» шепчуть его губы... Затѣмъ громко:

— Vive le Roi!...

Лейтенантъ нажалъ собачку пистолета...

.....

.....

.....

«Кирие элейсонъ!...» забормотали, торопливо крестясь, вышедшіе на ночной промыселъ греческіе рыбаки, увидѣвъ въ серединѣ пролива ослѣпительный снопъ пламени, высоко взметнувшійся въ блѣднѣющее, предразсвѣтное небо. Тяжелымъ молотомъ ухнуло по гигантской наковальнѣ и долгимъ, переливающимся рокомъ отвѣтили береговыя скалы и далекія горныя ушеля. Прокатилось... замолкло... И снова задремало безмятежнымъ утреннимъ сномъ тихое, неподвижное море.

III

...Снова комната, старое кресло, старушка и .

дѣвушка. На столѣ горитъ маленькая масляная лампа, бросая рѣзко очерченный кругъ на вязаную скатерть. Въ окно смотрятъ холодныя зимнія звѣзды. Неровными рядами огоньковъ свѣтятся вдали старые дома.

Въ пріоткрытую дверь просовывается раскраснѣвшееся лицо пожилой женщины въ съѣхавшемъ на бокъ чепцѣ:

— Васъ спрашиваютъ... офицеръ!... взволнованно шепчетъ сбитая съ толку позднимъ и необычнымъ посѣщеніемъ консьержка.

— Просите...

«Онъ?!... Нѣтъ, не можетъ быть... Но вѣсти о немъ?!»... вспыхиваютъ и погасаютъ мысли въ широко раскрытыхъ глазахъ обѣихъ женщинъ.

Въ дверяхъ появляется фигура офицера. Отблескъ лампы играетъ на пуговицахъ мундира, на золотомъ аксельбантѣ. Выраженія лица, скрытаго тѣнью абажура, не видно.

— Я имѣю честь говорить съ мадамъ Биссонъ?

— Это я... Вы принесли вѣсти отъ сына?... Говорите!

— Мадамъ... капитанъ Дюбретонъ приказалъ мнѣ... Въ министерствѣ получены нѣкоторыя свѣдѣнія...

Въ незаконченныхъ фразахъ, въ голосѣ чувствуется смущеніе.

Старушка перегнулась впередъ, стараясь разглядѣть его лицо. Поблѣднѣвшая Кларисса дѣлаетъ шагъ впередъ и переставляетъ лампу на бюро. Яркій свѣтъ падаетъ на молодое лицо офицера, опустившаго и нервно теребящаго свою треуголку... Съ глухимъ стономъ Кларисса опускается на колѣни и прячетъ лицо въ складкахъ платья старушки... Томительная секунда молчанія. Онѣ поняли...

Тихій голосъ матери нарушаетъ тяжелую тишину:

— Онъ умеръ?

Офицеръ молча склоняетъ голову.

Старушка поднялась съ кресла, опираясь на руку Клариссы. Но на самомъ дѣлѣ — это она поддерживаетъ ошеломленную неожиданнымъ, ударомъ, обезумѣвшую отъ горя дѣвушку.

— Говорите, — раздается снова ея тихій, спокойный голосъ: — мать и невѣста офицера сумѣютъ выслушать правду — всю правду.

Офицеръ поднялъ голову. Лѣвая рука съ треуголкой вытянулась по шву.

— На разсвѣтѣ шестого ноября, — зазвенѣлъ молодой голосъ, — бригантина подъ командой лейтенанта Биссона была окружена въ Хіосскомъ проливѣ превосходными силами турокъ... Лишен-

ный возможности уйти, не допуская мысли о сда-
чѣ и цѣня выше жизни честь своего флага, — ко-
мандиръ собственноручно взорвалъ свой корабль...
Товарищи, флотъ, Франція — навѣки сохранятьъ
въ памяти имя героя!...

... ..

Скрипнула дверь... Я открылъ глаза... Снова
наша тихая комната.

Послѣдній лучъ солнца задержался на спинкѣ
старого кресла, и мнѣ кажется, — спросонья, вѣ-
роятно, — что отъ его поблекшей позолоты ис-
ходитъ какой-то особый, таинственный свѣтъ...

СМЕРТЬ КОРАБЛЯ

Восьмой ударъ склянокъ замеръ въ тихомъ, неподвижномъ воздухѣ августовской ночи. Спитъ Севастопольскій рейдъ, но не тѣмъ глубокимъ сномъ прежнихъ лѣтъ, когда казалось, что разбросанные по склонамъ холма бѣлые домики города, остановившись въ своемъ порывѣ вверхъ къ высящемуся надъ ними собору Св. Владиміра, — заснули на томъ мѣстѣ, гдѣ застала ихъ внезапно спустившаяся южная ночь. Рѣдко, рѣдко блеснетъ въ одномъ изъ нихъ — какъ пріоткрытый спрсоназя глазъ, — мерцающій, слабый огонекъ. Какъ бы скованные той же лѣнливой дремотой, спятъ на неподвижной, серебрящейся глади рейда стройные силуэты кораблей. Еле мерцаютъ — не въ силахъ бороться съ яркимъ луннымъ свѣтомъ — тусклые штаговые огни. Долетающій иногда съ берега, легкій ночной бризъ приноситъ съ собой запахъ земли, зелени и цвѣтовъ, дурманя головы вахтенныхъ мичмановъ, а подчасъ — и самого-правлящаго вахтой лейтенанта, — какими-то неясными мечтаніями, не предусмотрѣнными ни статьями Морского Устава, ни Приказами отъ Господина Главнаго Командира Флота и Портовъ Чернаго Моря.

Спитъ рейдъ, — но инымъ, тревожнымъ сномъ истекающаго кровью раненаго...

Попрежнему тѣснятся по склону бѣлые домики, но кажется не дремлютъ они, а, — тѣсно обступивъ свою святыню, — припали къ землѣ въ безмолвной мольбѣ о чудѣ ... Съ тихимъ луннымъ свѣтомъ борется темно-красное зарево подъ клубами черного дыма, поднимающагося надъ окраиной города.

Корабли, со спущенными стеньгами, какъ бы пригнулись, насторожились въ ожиданіи грозового шквала.

— Кто гребетъ?

Окликъ часового прервалъ размышленія вахтеннаго начальника, нетерпѣливыми шагами мѣрившаго мостикъ 84-хъ пушечнаго линейнаго корабля «Императрица Марія». Въ свѣтѣ маслянаго фонаря, высоко поднятаго спустившимся фалрепнымъ, показался яликъ съ двумя гребцами. На площадку выскочилъ офицеръ въ солдатской шинели и быстро взбѣжалъ наверхъ. Офицеры обмѣнялись крѣпкимъ рукопожатіемъ.

— Ну какъ у васъ тамъ?! — порывисто спросилъ мичманъ и перебилъ самъ себя, замѣтивъ на головѣ прибывшаго повязку съ проступившими на ней темными пятнами — вы ранены, князь!?

— Пустяки... царапина... Задѣла шальная штуцерная пуля. Не въ этомъ дѣло, Петенька! Вызовите подвахтенныхъ... Надо человѣкъ десять съ лопатами, топорами... Углубить траншею, построить закрытіе...

«Петенька» нахмурилъ лобъ:

— Люди работали весь день, устали...

— Что же дѣлать, голубчикъ, надо! — И, понизивъ голосъ, лейтенантъ добавилъ: — недолго осталось имъ работать...—Онъ рѣзко махнулъ рукой — конецъ!

— Какъ?... Почему?! — недоумѣвающе уставился на него мичманъ.

— Вамъ здѣсь не такъ видно, какъ намъ. Съ потерей Малахова кургана мы у нихъ, какъ на ладони, въ нашихъ траншеяхъ... бей на выборъ!... Конечно, держимся... Конечно, — ляжемъ, коли прикажутъ. Но-у-дер-жать-ся, — отчеканилъ лейтенантъ отдѣльные слога, — нельзя!

Наступило тягостное молчаніе.

На шкафутѣ выстраивалась отобранная боцманомъ рабочая партія. Уставшіе, невыспавшіеся люди поеживались отъ прохладнаго, сыроватаго вѣтерка, потянувшаго изъ Инкерманской долины.

— Скажите, князь... — началъ мичманъ голосом, которому онъ старался придать твердый и спокойныи тонъ.

— А?.. Что?!.. — очнулся глубоко задумавшійся лейтенантъ

— Такъ, значитъ... все кончено?!.. Какъ же это?.. Отдать Севастополь?!..

— Немного они получаютъ, — процѣдилъ сквозь зубы лейтенантъ — адъютантъ Штаба говорилъ вчера, что склады подожгутъ, все взорвутъ...

— А... корабли?!..

— Туда же, что и «Три Святителя», и другіе... на дно!..

— И... нашу «Марію»?!.. — голосъ мичмана звучалъ какъ-то глухо и сдавленно.

— Конечно! Не отдавать же ее!... Эхъ, Петенька, будь еще живъ Павелъ Степановичъ, или Владиміръ Алексѣевичъ... Вѣрю, горячо вѣрю — не стерпѣла бы ихъ душа... настояли бы на томъ, чтобы въ послѣдній моментъ — расчистивъ ночью проходъ — выйти въ море, схватиться смертнымъ боемъ... и умереть на палубахъ, моряками, а не въ траншейной грязи! А теперь...

Въ восточной части горизонта взвились и разорвались три голубоватыхъ ракеты.

— Атака!.. Скорѣе людей на шлюпку! — заторопилъ лейтенантъ.

Въ ночной тишинѣ тяжело ухнулъ пушечный выстрѣлъ... другой, третій... Далекимъ рокотомъ прокатились ружейные залпы.

Торопясь и толкаясь, спускались по трапу отобранные боцманомъ люди.

— Ты куда, пострѣлъ?! — задержалъ вахтенный худощаваго, небольшого роста парня въ суконномъ кафтанѣ и матросской фуражкѣ, изъ подъ которой выбивались вихры свѣтлыхъ волосъ.

— Къ барину... Сказываютъ, боёбой ихнюю трубку разбило... такъ я другую...

— Что тамъ еще? Не задерживайся! — крикнулъ лейтенантъ, — а, это Сашка Абакумовъ-казачокъ Николая Федоровича? Пропусти его ... Парень шустрый, пригодится тамъ. Подъ Синопомъ онъ былъ у меня въ батареѣ, — обратился онъ къ мичману, — и молодцомъ таскалъ ядра ... Ну, всѣ на шлюпкѣ, — пора! Всего лучшаго, Петька! — И лейтенантъ, крѣпко пожавъ руку товарища, бѣгомъ спустился по трапу.

Долго прислушивался мичманъ къ всплескамъ весель удалявшейся шлюпки, заглушаемымъ нараставшимъ гуломъ канонады и ружейной трескотней.

Что творилось тамъ? Мичманъ пытался представить себѣ узкую, наспѣхъ вырытую траншею, пересѣкающую пыльную улицу «Корабушки». Тамъ товарищи, команда... Сейчасъ, въ эту минуту, — они отбиваютъ бѣшеную атаку опьяненныхъ недавнимъ успѣхомъ зуавовъ Боске. Счастливыцы! Они дерутся, а тутъ сиди сложа руки!.. Хоть бы однимъ глазомъ взглянуть! Но за крутымъ подъемомъ и первыми домиками слободки лѣпившимися по самому обрыву, ничего не видно! Только зарево вспышекъ да, изрѣдка, ярко-желтое пламя перелетной бомбы, легкой въ крошечный, съ такой любовью взрощенный, садикъ какого-нибудь отставного боцмана.

Безконечно тянулись ночные часы... Казалось,

уже цѣлую вѣчность грохочутъ орудія, переливается, то усиливаясь, то затихая, ружейная пальба вспыхиваютъ надъ притихшими бѣлыми домиками кровавыя зарницы.

Опершись на поручни мостика, *мичманъ впился неподвижнымъ взглядомъ въ знакомую картину города. И въ первый разъ за всѣ долгіе мѣсяцы осады такъ отчетливо, такъ до боли ощутительно, всгала мысль о концѣ.

«Подождутъ... взорвутъ... корабли на дню...» Мелькали въ мозгу обрывки фразъ лейтенанта.

Отдать Севастополь!.. два слова... Но это значитъ-уйти навсегда съ палубы своего корабля... Видѣть его медленную агонію... Вспомнилось, какъ не хотѣлъ погибать «Три Святителя», пошедшій ко дну только подъ залпами своего же корабля.

Проносились, смѣшиваясь и переплетаясь, воспоминанія недолгой еще мичманскѣй жизни. Дѣтство въ деревнѣ... Разказы дядюшки, отставного капитанъ-лейтенанта, побывавшаго съ Ушаковымъ на Корфу, прошедшаго съ десантомъ Белли чудный италійскій край... Дальній путь въ Петербургъ, въ Морской Корпусъ... Темныя, зимнія утра, когда неумолимый барабанъ прерывалъ самый сладкій сонъ, и такъ не хотѣлось вылѣзть изъ-подъ теплаго одѣяла... Классы, плаванія... Выпускъ... Снова въ дорогѣ-черезъ всю необъятную матушку-Россію... Ставшій сразу роднымъ бѣлый городъ надъ голубымъ, какъ бы ласкающимъ къ нему

моремъ ... Бурный приливъ гордости и счастья при чтеніи приказа: «... мичманы (и его имя)... опредѣляются во вторую дивизію контръ-адмирала Нахимова»...!

Беззаботные, счастливые дни... Славные товарищи... Веселыя поѣздки на линейкахъ въ Балаклаву, въ Георгіевскій монастырь... Первыя увлеченія...

И, вдругъ, — другая картина: низко нахмурившіяся тучи, холодный, свистящій нордъ-остъ... Надутые паруса, въ струну вытянувшіеся шкоты и брасы. Сзади — бѣлыя пирамиды парусовъ безукоризненной, какъ на смотре, кильватерной колонны. Впереди — въ дымкѣ, городокъ на склонѣ горы, рангоугы кораблей... Вотъ они — турки!

На бакѣ холодно. Пронизывающій вѣтеръ забирается повсюду, вздымая смѣшными пузырями рабочее платье столпившихся около шпринга людей, срываетъ фуражки. Пальцы коченѣютъ.

На мостикѣ-слегка сутуловатая фигура, съ подозрительной трубой въ рукѣ, въ сдвинутой назадъ фуражкѣ.

По берегу и бортамъ стоящихъ кораблей пробѣжали желтые огоньки. Съ визгомъ пронеслось надъ бакомъ нѣсколько ядеръ. «Знакомая, чай, что кланяешься?!» слышится язвительный, хрипловатый шопогъ боцмана по адресу инстинктивно нагнувшихъ головы молодыхъ матросовъ.

Затаивъ дыханіе, всѣ впились глазами въ одинокую фигуру на мостикѣ. Господи, чего же «онъ»

ждетъ?!... Вотъ... снялъ фуражку... перекрестился... махнулъ рукой. Глухо зарокотали барабаны. Тяжело — однимъ ударомъ — ухнули всѣ три батарейныя палубы...

— Кто гребетъ?! — Окликъ часового снова оборвалъ нить мыслей замечтавашагося мичмана. Онъ спустился съ мостика и подошелъ къ трапу.

Канонада смолкла. Изрѣдка вспыхивала еще здѣсь и тамъ неровная ружейная перестрѣлка. Темное ночное небо поблѣднѣло, края легкихъ облачковъ, начинавшихъ вырисовываться на восточномъ горизонтѣ, слегка порозовѣли.

Въ поднимавшейся медленно по трапу фигурѣ мичманъ съ изумленіемъ узналъ старшаго офицера корабля. «Что такое случилось, что бы онъ покинулъ позиціи?!»... мелькнула тревожная мысль.

— Здравствуйте, Петенька... Позовите боцмана... — Голосъ старшаго офицера звучалъ устало. Воспаленные отъ бессонницы глаза въ почернѣвшемъ отъ порохового дыма лицѣ, нервно подергивающіяся губы.

— Петръ Николаевичъ... что случилось?! — не вытерпѣлъ мичманъ, поддавшись какому-то внезапно нахлынувшему чувству смертельной тоски.

— Случилось... Что все кончено... Поди сюда, Парфенычъ, — подозвалъ старшій офицеръ боцмана, почтительно остановившагося въ нѣсколькихъ шагахъ, — сколько у тебя людей?

— Человѣкъ тридцать осталось, Ваш-бродіе.

— Ну, вотъ ... за мной возвращается еще человекъ двадцать пять. Спустить все шлюпки, сорокъ человекъ въ распоряженіе шхипера — грузить все, что осталось. Я съ ними сейчасъ поговорю — что брать, что бросать... — И, какъ бы отвѣчая на тревожный вопросъ, вспыхнувшій въ глазахъ мичмана и старика боцмана, онъ продолжалъ: — Остальные съ топорами в трюмъ... Къ десяти часамъ все должно быть кончено.

— Уже?!... — сорвалось съ побѣлѣвшихъ губъ мичмана.

— Вашъ бродіе, — заговорилъ боцманъ глухимъ и невнятнымъ голосомъ: — дозволейте... какъ же это такъ!.. Съ топорами? Топить нашу «Марію»?!...

— Да, братъ, конецъ... Да, неужели вы не видите?! — нервно крикнулъ старшій офицеръ, протягивая руку, вотъ... и вотъ!

Первые лучи солнца скользнули по рейду. Въ легкой утреней дымкѣ обрисовался плавучій мостъ на Сѣверную сторону. Во всю длину его катилась какая-то сплошная сѣрая масса, надъ которой временами вспыхивала стальная щетина штыковъ. Изъ южной бухты поднимались въ тихій утреній воздухъ густые клубы черного дыма.

«Петенька» отвернулся.

— Господи, — пробормоталъ боцманъ, — кабы видѣлъ это Палъ Степанычъ!.. Чай, и сейчасъ въ гробу перевернулся!

— Вызовите команду во фронтъ! Вы—займетесь

со шхиперомъ погрузкой на шлюпки, а я — съ Парфенычемъ — прокомандую авраломъ... Губы старшаго офицера искривились въ какой-то горькой усмѣшкѣ:— ... послѣднимъ... — И, стиснувъ зубы, онъ круто повернулся и вышелъ на трапъ.

II.

Солнце стояло уже высоко. По мосту непрерывно двигалась безконечная сѣрая масса. Многочисленнѣе и гуще стали клубы чернаго дыма, поднимавшіеся въ разныхъ мѣстахъ города къ ясному, спокойному небу.

Старшій офицеръ взглянулъ на часы и вышелъ на трапъ. Подъ открытыми портами нижней батареи стояли катеръ и двѣ шестерки, нагруженные до верху самыми разнообразными предметами.

— Ну какъ, Петенька? кончили?

— Послѣдній рейсъ, Петръ Николаевичъ! — отозвался мичманъ, стоявшій на рулѣ катера.

— Разгрузите шлюпки, оставьте шестерки у присгани и пришлите катеръ въ мое распоряженіе! Готово? Отваливайте!

— Шхипера нѣтъ, Петръ Николаевичъ!

— Ничего! Онъ вернется со мной... Отваливайте скорѣе!

— Есть! Отваливай! Правая — на воду, лѣвая — табать! — скомандовалъ мичманъ.

Старшій офицеръ прослѣдилъ взглядомъ за

шлюпками и вернулся на палубу. Плечи его передернуло, какъ бы отъ внезапно пробѣжавшаго по спинѣ холодка. Въ мертвой тишинѣ, охватившей корабль, отчетливо доносились снизу удары топоровъ.

Изъ шкафутнаго люка показалась одинокая фигура.

— Кубышкинъ! — крикнулъ старшій офицеръ, узнавъ шхипера, — что же ты задержался?! шлюпки отвалили... Кончено все?

— Никакъ нѣтъ, ваше высокоблагородіе. Въ тросовой ямѣ еще десятка два бухтъ, въ парусной — цѣлый комплектъ, — въ кубрикѣ...

— Ну, уже теперь некогда забирать все это, — перебилъ его старшій офицеръ, — сейчасъ вернется катеръ и ...мы съѣдемъ всѣ.

— Какъ же, ваше высокоблагородіе, такъ и бросать все добро?!

— Брось, голубчикъ... Время ли жалѣть о какихъ то бухтахъ и парусинѣ, когда все пропало... все, понимаешь?! — началъ горячиться старшій офицеръ, — пропалъ корабль, пропалъ Севастополь... все, все!... — Помолчавъ, онъ продолжалъ болѣе спокойнымъ тономъ: — я понимаю тебя, что тебѣ больно бросать все, что собиралъ для корабля. Мнѣ и самому не легко... А вотъ приходится теперь не только бросить свой корабль, а еще и своими руками топить его!

— Такъ точно, ваше высокоблагородіе, — тихо отозвался шхиперъ, — оно словно гробъ зако-

лачиваютъ... — кивнулъ онъ въ сторону люка, —
дозвольте еще разъ обойти палубы... можетъ еще
чего не досмотрѣли... на катерѣ захватить...

— Ладно... только скорѣе, Кубышкинъ... време-
ни уже осталось немного...

Шхиперъ спустился по трапу. Навстрѣчу ему
поднимался боцманъ.

— Ну какъ, Парфенычъ?!

— Что-же... готово.. — проворчалъ тотъ въ
отвѣтъ, — только клинья выбить... душу воро-
титъ, какъ подумаешь. Все ей было нипочемъ, на-
шей «Маріи» — и турецкія бомбы, и штормы, а тутъ
самимъ, своими руками пришлось загубить... — И
боцманъ, махнувъ рукой, двинулся дальше.

Въ палубахъ было тихо и пусто... Въ широко
раскрытые порта, изъ которыхъ не выглядывали
уже больше безукоризненно выравненныя жерла
пушекъ, врывались цѣлые потоки солнечнаго свѣта.
Свѣтлыми пятнами на пожелтѣвшей краскѣ бортовъ
выдѣлялись очертанія снятаго абордажнаго оружія.

Заслышавъ шаги, двѣ громадныя рыжія крысы
метнулись съ визгомъ въ сторону и исчезли гдѣ
то въ темномъ углу.

— Чуютъ, проклятыя, конецъ... — вспомнилъ
Кубышкинъ старое повѣрье.

Шхиперъ дошелъ до самага носа, заглянулъ
въ малярную, постоялъ минуту въ раздумьи у люка
въ парусную, махнулъ рукой и повернулъ обратно.

Засвѣжѣвшій вѣтерокъ медленно разворачи-
валъ корабль. Косые столбики солнечныхъ лучей

стали двигаться по борту, на подволоках началась путаная игра „зайчиковъ“ — отблеска легкой ряби. На переборкахъ, въ углу, загорѣлось какое-то золотостое пятно.

— Господи Иисусе! — вырвалось у шхипера, — да можетъ ли быть! Батюшка то второпяхъ забылъ образъ снять!...

Снявъ фуражку и перекрестившись, онъ подошелъ ближе. На матовомъ золотѣ фона четко выдѣлялся знакомый, уставнаго письма, образъ Мирликійскаго чудотворца. Въ обычно строгомъ взглядѣ святителя чудилось какое-то выраженіе глубокой грусти и даже мягкаго упрека.

— Грѣхъ-то какой! Забыли... Нельзя же такъ! — бормоталъ шхиперъ, шаря въ своихъ глубокихъ карманахъ, — ну, батюшка старенекъ уже да и непривычно ему... вотъ и запомятовалъ... А Арефьевъ-то чего смотрѣлъ?... церковникъ тоже называется!

Наконецъ онъ извлекъ и развернулъ аккуратно сложенный кусокъ бѣлаго флагдука. Бережно снялъ съ переборки образъ, сдулъ пыль и завернулъ его.

— Довезу домой, повѣшу въ углу... Серебряную лампадку закажу... — Кубышкинъ направился къ трапу, занесъ ногу и остановился.. — Нѣтъ, братъ, — вполголоса возразилъ онъ самъ себѣ, — неладное ты говоришь! Лукавый тебя путаетъ! Не на то привелъ тебя сюда Господь, чтобы ты для себя утаилъ образъ святителя — заступника за Матушку-Россію. На грѣхъ тебя толкаетъ речи-

стый!... Господи помилуй! — истово перекрестился шхиперъ, — и избави насъ отъ лукаваго!... И какъ это я сразу не смекнулъ, что мнѣ по долгу — совѣсти слѣдуетъ! Батюшку теперь не разыскать... такъ буду свято хранить благословіе родного корабля. Самому не придется увидѣть — дѣти доживутъ до того дня, что вспомнятъ Синопъ и Павла Степаныча... будетъ опять и «Императрица Марія». Вотъ тогда накажу я имъ, снимутъ они образъ со стѣнки и поднесутъ благословіе стараго корабль новому!

И успокоенный найденнымъ рѣшеніемъ смутившаго его вопроса, Кубышкинъ крѣпко запахнулъ свой бушлатъ и быстро поднялся на палубу, гдѣ его поджидалъ, нетерпѣливо шагавшій отъ борта къ борту, старшій офицеръ.

— Готово, Кубышкинъ?

— Такъ точно, Ваш-бродіе!

— Катеръ у трапа... садись... Парфенычъ! По мѣстамъ... рубли!

Въ облакахъ мелкой бѣлой пыли поднимался на Сѣверную сторону потокъ людей. Сомкнутые ряды сѣрыхъ шинелей смѣнялись пестрыми группами женщинъ, тащившихъ на себѣ узелки и тюки съ наспѣхъ захваченнымъ добромъ; тяжело опираясь на палки и мрачно посасывая потухшую трубку, шли старики; бѣжали ребятишки. Двое малышей возились съ ошалѣвшей и упирившейся всѣми четырьмя ногами козой: одинъ, постарше, тянулъ во всю мочь за привязанную къ рогамъ веревку, другой —

съ невозмутимо серьезнымъ выраженіемъ на своей чумазой фізіономіи — подталкивалъ ее сзади. Нѣсколько спѣшившихся казаковъ вели въ поводу пугливо фыркзвшихъ, маленькихъ степныхъ коней.

Дальше — группа плѣнныхъ подъ охраною четырехъ пластуновъ въ сдвинутыхъ на затылокъ папахъ, съ кинжалами въ серебряной оправѣ на оборванных черкескахъ. Четверо дюжихъ шоталандцевъ, флегматично попыхивавшихъ короткими трубками, пять-шесть безучастныхъ ко всему окружающему турокъ, съ полдюжины безъ умолку болтавшихъ зуавовъ.

— Равняйся! — гаркнулъ бравый урядникъ, завидя въ сторонѣ группу штабныхъ офицеровъ, — легче шагай, милорда долговязая! Не отставай, Махмудка! Эй, вы... стрекочугъ, какъ сороки! Ногу перемѣни, мусью! Лѣвой! Энь-де, энь-де...

За ними потянулись длинные ряды носилокъ, сворачивавшихъ въ сторону, къ поджидавшимъ ихъ повозкамъ, около которыхъ хлопоталъ молодой докторъ въ разстегнутомъ сюртукѣ и съѣхавшей на затылокъ фуражкѣ.

— Лекше, шерти!, — покрикивалъ онъ слегка охрипшимъ баскомъ съ отчаяннымъ остзейскимъ акцентомъ. — Эго ранени, а не какой нибудь Sack mit Kartoffeln! Осторошнѣй!..

— И не поймешь его, а видно, что здорово ругается, — пробурчалъ старый санитаръ, — слышь, ребята, полегче съ носилками!.. Молодецъ — нашъ докторъ Кабинетъ! — закончилъ онъ про себя,

немилосердно коверкая на свой ладъ имя доктора Гюббенета, ученика великаго Пирогова.

А тамъ, съ моста, сходили все новые ряды сѣрыхъ шинелей... Роты... батальоны... Волынцы, Камчатцы, Селенгинцы...

Въ сторонѣ отъ людского потока, у самаго обрыва, толпились темно-сѣрыя матросскія шинели. Составивъ ружья въ козлы, вся эта плотная, масса подалась инстинктивно впередъ, къ самому берегу, и замерла тамъ—молчаливая и неподвижная—на отрывая глазъ отъ своего корабля. На крыльцѣ покинутаго домика стояла группа офицеровъ, перекидываясь отрывистыми замѣчаніями.

— Катеръ отваливаетъ, Ваш-бродіе!—крикнулъ сигнальщикъ, примостившійся на каменной стѣнкѣ двора.

— Кончено!.. — проговорилъ одинъ ихъ офицеровъ.

— Въ жизни не думалъ, что придется смотреть, сложа руки, на гибель своего корабля! — отозвался другой, — и не нашлось же ни одной пули, которая избавила бы отъ злого!

— Намъ всѣмъ тяжело, господа, спору нѣтъ, вмѣшался молчавшій до того лейтенантъ, — но каково старшому?!

— Вѣрно...что говорить!...Ему горше всѣхъ пришлось! — откликнулось нѣсколько голосовъ.

Катеръ присталъ къ берегу. Черезъ минуту

старшій офицеръ подошелъ къ разговаривавшимъ, пожалъ молча руки товарищей и, огойдя въ сторону, прислонился къ стѣнкѣ. Ввалившіеся глаза горѣли лихорадочнымъ блескомъ на осунувшемся, блѣдномъ лицѣ.

Команда тѣсно обступила боцмана Парфеныча, мрачно отмахивавшагося отъ распросовъ.

— Что говорить-то?.. Небось сами понимаете, каково на душѣ! Точно на убийство шли... — тихо вставилъ одинъ изъ вернувшихся съ нимъ.

— Правильно говоришь, Захарченко, — угрюмо кивнулъ боцманъ, — вотъ оно самое!

— Ну, такъ вотъ, — заговорилъ онъ послѣ минуты молчанія, съ утра, значитъ, мы все приготовили. Прорубили по нижнимъ трюмамъ дно, забили клиньями. Потомъ свезли со шхиперомъ послѣднее добро. Много чего и побросали... Когда всѣ съѣхали, старшой и скомандовалъ: «рубите». Пошли внизъ. Начали съ носового трюма. Хватили топорами, хлынула вода. Пошли дальше... — Боцманъ остановился, — и все!..

— Михайло Парфенычъ, а что потомъ было! — робко вставилъ младшій плотникъ.

— Что было?!.. А?!.. Что такое?!.. — низкимъ гуломъ отозвалась тѣсно сомкнувшаяся толпа.

— Какъ вамъ сказать, ребята?!.. — Боцманъ снялъ фуражку и провелъ рукой по коротко остриженной, сѣдѣющей головѣ. — Было вотъ что. Какъ перешли мы во второй трюмъ, начали было

клинья выбивать... только, значитъ, Захарченко поднялъ топоръ... какъ за переборкой что-то глубоко такъ вздохнетъ, точно застонетъ... второй, третій разъ. И тяжело так, и жалобно... Небось слышали ночью въ траншеяхъ, когда раненымъ гдѣнибудь за линіей застонетъ — Богу душу отдаетъ.—

— Слыхали...знаемъ... — сдержанно загудѣли голоса.

— Вотъ точно такъ и застонало «оно» — только куда громче. У ребятъ ажъ руки опустились, поблѣднѣли. Да что грѣхъ таить — у самого у меня морозъ по спинѣ пробѣжалъ, и въ ногахъ какъ бы дрожь какая... Оглянулся я, значитъ, на старшого. Стоитъ, какъ ни въ чемъ не бывало, и говоритъ спокойно эдакъ: «что остановились, ребята? Шума испугались?.. Оло очинно просто: вода поднимается, сжимаетъ, значитъ, воздухъ и онъ рвется наверхъ, черезъ люкъ, аккуратно, какъ порохъ изъ пушки... «Все это ладно такъ и толково у него выходитъ, и ребята приободрились да опять за топоры...Только взглянулъ я ему тутъ въ глаза и вижу: понялъ онъ, какъ и я, — слава Богу, тоже не первый годъ плаваетъ, — да не хочетъ при ребятахъ говорить. Кивнулъ мнѣ головой и палецъ къ губамъ приложилъ: «не говори, молъ, сейчасъ...» Боцманъ сдѣлалъ многозначительную паузу.

Ропотъ нетерпѣнія пробѣжалъ по толпѣ. Пслышались сдержанные голоса: «Ну говори же... что же это было?!»

— Молоды вы всё, значить, что не знаете. А старикамъ это давно извѣстно. У cadaго корабля есть своя душа... И какъ пришелъ смертный часъ, такъ и застонала она, голубушка, какъ стонетъ человѣкъ, когда душа съ тѣломъ прощается. Вотъ оно что было.

Глубокое молчаніе легло на толпу.

— Ребята, нижней батареи уже не видно!... — раздались голоса.

Вся людская масса, всколыхнувшись, подалась къ берегу, всё головы повернулись въ сторону бухты.

Корабль сталъ какимъ-то странно низкимъ: надъ самой водой виднѣлась теперь бѣлая полоса верхней батареи съ темными отверстиями портовъ. Полоса эта суживалась...исчезла. Разоруженныя мачты казались какими-то искалѣченными обрубками, протянувшимися съ нѣмой жалобой къ небу. Мелкая рябь набѣгала уже на руслея, подходила къ портамъ верхней палубы...

Офицеры, покинувъ крыльцо, смѣшались съ командой и слѣдили съ тѣмъ же болѣзненно напряженнымъ вниманіемъ за послѣдними минутами агоніи корабля.

Мачты начали медленно раскачиваться...Первая волна вкатилась на палубу...

— Смирно! Фуражки снягъ! — прозвенѣлъ металлической ногой голосъ старшаго офицера. Сотни головъ обнажились. Замелькали въ крестномъ знаменіи закорузлыя руки.

Бѣлый буртикъ коечныхъ сѣтокъ скрылся подъ водой. Еще мгновение тянулись къ небу мачты... Запѣнился водоворот...

Штурманъ, поручикъ Плонскій, вынулъ большіе часы — «луковицу», — взглянулъ на нихъ, бережно уложилъ обратно въ карманъ и медленно, прихрамывая на неоправившуюся еще отъ Синопскаго раненія ногу, направился къ дому.

На столѣ лежалъ принесенный имъ съ собой вахтенный журналъ, аккуратно обернутый въ плотную синюю бумагу. Плонскій придвинулъ къ себѣ пыльную чернильницу, попробовалъ на ногтѣ старое гусиное перо, раскрылъ журналъ. Медленно перечелъ сдѣланныя имъ записи: «28 августа 1854 года, на Севастопольскомъ рейдѣ... Съ полуночи случаи...» Обмакнулъ перо. Мелкимъ, четкимъ почеркомъ вывелъ; «9 ч. 15 м. Команду свезли на берегъ»... Остановился.

Снова заскрипѣло перо:

«10 ч. 20 м. Корабль пошелъ ко дну»...

Перо покатилося по столу. Голова штурмана низко склонилась надъ журналомъ... Послѣднія буквы почему-то расплылись.

На крыльцѣ слышались шаги. Въ дверяхъ показался старшій офицеръ. Плонскій поднялся, протягивая перо:

— Подпишите вашу... послѣднюю... вахту... — и отвернулся къ стѣнѣ, впившись зубами въ обшлагъ рукава.

Старшій офицеръ склонился надъ журналомъ и твердымъ росчеркомъ подисалъ послѣднюю строчку.

Рука его легла на плечо Плонскаго:

— Нечего стыдиться, дружище! — и подойдя жъ открытому окну, скомандовалъ:

— Въ ружье! Становись!

II

**Подъ брамселями
и лиселями**

КОРТИКЪ

Оркестръ бравурно закончилъ послѣдніе такты польки-мазурки. Пары остановились. Шумные разговоры, смѣхъ и восклицанія почти что заглушали нѣжный, жалобный напѣвъ гавайскихъ гитаръ, смѣнившій рѣзкіе по сравненію съ нимъ звуки европейской музыки. Танцующіе устремились къ устроенному на широкой верандѣ буфету. Другіе спускались въ залитый луннымъ свѣтомъ паркъ, гдѣ чувствовался легкій ночной бризъ, доносившійся со сверкавшаго вдали серебряной гладью океана. Среди темной зелени магнолій, рододендроновъ и камелій мелькали свѣтлыя платья, бѣлые тропическіе костюмы мужчинъ. Смѣшиваясь съ мягкимъ тѣземнымъ говоромъ, звучала англійская, французская и русская рѣчь.

Его Величество, Камеха-меха IV, король и повелитель Сандвичевыхъ острововъ, принималъ въ этотъ дивный лѣтній вечеръ въ своемъ дворцѣ, мало чѣмъ огличавшемся отъ любой богатой европейской плантаціи, все высшее общество, дипломатическій корпусъ и европейскую колонію Гонулулу, усиленную офицерами русскаго фрегата «Добрыня» и американскаго корвета «Тускарора».

— Мы неприлично долго танцевали съ вами! Я уже уловилъ нѣсколько уничтожающихъ взгля-

довъ «Священнаго Ареопага, — говорила высокая, стройная дѣвушка, обмахиваясь большимъ вѣромъ изъ тонкихъ пластинокъ черепахи и указывая глазами на группу оживленно бесѣдовавшихъ и явно занятыхъ «перемываніемъ косточекъ» пожилыхъ дамъ — благочестивѣйшая миссисъ Форстеръ и не менѣе строгія лэди Румбольдъ и фрау фонъ-ундъ-цу Доннерштейнъ — безспорныя главы дипломатическаго корпуса — уже построили мнѣ самую скверную отмѣтку по поведенію... Shoking indeed... — закончила она, звонко разсмѣявшись.

Ея кавалеръ, молодой русскій лейтенантъ, улыбнулся полу-виновато, полу-счастливо, молча любуясь своей спутницей. Бѣлое бальное платье обрисовывало классическія линіи молодого, гибкаго, тѣла. Красивая, гордая головка, обвитая двумя густыми, изсиня-черными косами, въ которыхъ бѣлѣлъ громадный цвѣтокъ магноліи, очаровывала еще больше своей улыбкой и мягкимъ свѣтомъ большихъ черныхъ глазъ. Смуглая, слегка бронзовая окраска нѣжной кожи обнаженныхъ плечъ и рукъ говорила о томъ, что въ ея жилахъ течетъ, смѣшанная съ европейской — кровь старой-туземной расы.

— Мы такъ завертѣлись съ вами, — продолжала она, — что я даже не успѣла перекинуться словомъ съ моимъ главнымъ флиртомъ. — Лукавый огонекъ мелькнулъ въ ея глазахъ при видѣ недо-вольно-недоумѣвающаго выраженія, появившагося

на лицѣ ея кавалера. — Вы развѣ не знаете, что я безъ ума... — жестокая маленькая пауза, — отъ вашего милѣйшаго доктора?! Мы оба такъ увлекаемся... ботаникой! Жаль только, что съ разговорами дѣло не ладится! Докторъ въ самыхъ непріязненныхъ отношеніяхъ съ англійскимъ языкомъ, по латыни я не сильна, а русскаго — къ моему глубокому сожалѣнію — я не знаю... — Она промолчала и, задумчиво улыбнувшись, добавила: — Вогъ, если бы осуществилось въ свое время желаніе прадѣда, и я была бы русской подданной...

— Вы?!... Ваше Высочество — русской подданной?!..

— Да, я, — Лиліокани — принцесса и наслѣдница Гавайскаго королевства!.. вы не знаете?! Плохая отмѣтка по исторіи! Придется прочесть вамъ лекцію, мой другъ! Идемте!... — и, положивъ свою смуглую руку на рукавъ бѣлоснѣжнаго кителя, онъ потянула своего спутника къ одной изъ дверей.

На мгновенье она прервала свою веселую болтовню. Красивыя брови сдвинулись, бѣлые зубы впились въ нижнюю губу. Ея тонкій слухъ уловилъ обрывокъ фразы, произнесенной шопотомъ въ группѣ дамъ: Что же вы хотите, милэди?! Какъ ни какъ — она дикарка — а coloured girl... — шипѣла миссисъ Форстеръ, сжимая свои тонкія, безкровныя губы.

Убѣдившись брошеннымъ украдкой взглядомъ, что спутникъ ея ничего не слышалъ, принцесса заставила себя вернуться къ непринужденному тону свѣтской болтовни. Обращая вниманіе офицера на художественную работу туземныхъ мастеровъ — мозаику изъ рѣдчайшихъ породъ тропическихъ деревьевъ, украшавшую стѣны и потолки, — она быстро провела его черезъ нѣсколько комнатъ и отворила тяжелую дверь массивнаго краснаго дерева. Мягкій свѣтъ рабочей лампы на большомъ письменномъ столѣ позволялъ разглядѣть обстановку просторной, квадратной, комнаты. Нѣсколько удобныхъ кожаныхъ кресель американскаго типа, большой кожаный диванъ, библиотечные шкафы краснаго дерева съ бронзовыми рѣшетками и зелеными шелковыми занавѣсками. На стѣнахъ — коллекція туземнаго оружія, чучела птицъ, нѣсколько гравюръ.

— Рабочій кабинетъ отца, — отвѣтила принцесса на вопросительный взглядъ офицера, — сюда входятъ только для докладовъ и торжественныхъ аудіенцій... Но для васъ — какъ русскаго, — вставила она быстро, — я дѣлаю исключеніе... Подойдите... сюда и взгляните на эту витрину!

Естественно-граціознымъ жестомъ она высоко подняла лампу, освѣщая висѣвшій на стѣнѣ небольшой стеклянный шкафчикъ, и — инстинктивно почувствовавъ на себѣ восхищенный взглядъ своего спутника — полу-смущенно, полу-нетерпѣливо добавила:

— Вы не туда смотрите! Вотъ здѣсь!

Лейтенантъ нехотя перевелъ взглядъ на стѣну и не могъ удержать удивленнаго восклицанія:

— Кортикъ!.. Нашъ русскій кортикъ! Правда... нѣсколько страннаго образца. Золотыя ножны, золотыя украшенія на рукояткѣ... Прекрасная чеканная работа. Но все же — нашъ кортикъ! Какими судьбами занесло его сюда, въ кабинетъ его Величества, и на почетное, повидимому, мѣсто?!

— Сейчасъ узнаете. Я вамъ обѣщала лекцію по исторіи. Садитесь... вотъ туда! — И, поставивъ лампу обратно на столъ, она указала на стоявшее противъ письменнаго стола глубокое кресло: — Это — мѣсто министровъ и посланниковъ... Не смущайтесь, садитесь!.. Безъ комплиментовъ — куда пріятнѣе видѣть на этомъ мѣстѣ русскаго офицера, чѣмъ ханжески-смиренную фізіономію достопочтеннаго мистера Форстера — резидента столь дружественно расположеннаго къ намъ «Дяди Сама»!

Шутливый тонъ ея словъ странно противорѣчилъ глубокой складкѣ, залегшей между тонкими, сдвинутыми бровями.

— Ну, а я сяду здѣсь — продолжала она, легко усаживаясь на ручку кресла у письменнаго стола — когда-нибудь — ... она глубоко вздохнула — дай Богъ, чтобы это было очень, очень далеко... —

— придется сѣсть въ него и бесѣдовать съ какимъ-нибудь мистеромъ Форстеромъ...

Плечи ея слегка вздрогнули, но, энергично тряхнувъ красивой головкой, она нашла снова беззаботно-веселый тонъ:

— Итакъ, мы начинаемъ! Извѣстно ли вамъ, по крайней мѣрѣ, имя Баранова?

— Баранова? — ... переспросилъ лейтенантъ, — командира «Весты», который...

— Out! — разсмѣялась она, — вы говорите, повидому, объ одномъ изъ героевъ вашей послѣдней войны съ турками... Нѣтъ, тотъ Барановъ, о которомъ говорю я, жилъ гораздо раньше — во времена Наполеона и вашего императора Александра I-го.

— Барановъ — ... повторилъ еще разъ офицеръ.

— Не ищите по всѣмъ закоулкамъ своей памяти, naughty boy! Сознайгесь, что никогда не слышали!.. Единственно, что можетъ послужить для васъ смягчающимъ обстоятельствомъ, — тонъ ея голоса сталъ снова серьезнымъ, — это то, что васъ никогда не нашли нужнымъ учить этому... Игакъ: Барановъ, — насколько мнѣ извѣстно, никогда не бывший ни офицеромъ, ни дипломатомъ, — стоялъ во главѣ крупнаго промышленнаго предприятия — Россійско-Американской Компаніи...

— А — а ... — протянулъ офицеръ, — это — колоніи на Аляскѣ!

— That is the matter, — перебила Лилиокани, — вы оказываетесь не совсѣмъ еще безнадежнымъ! Да, это тотъ человѣкъ, который создалъ эти колоніи, проданныя потомъ за безцѣнокъ Соединеннымъ Штатамъ... Этотъ человѣкъ принадлежалъ къ той породѣ людей, изъ которыхъ вышли когда-то испанскіе конквистадоры, къ типу, когда то существовавшему у французовъ, всегда — у англичанъ и, кажется, начинающему появляться среди нѣмцевъ, но... рѣдкому и совершенно отсутствующему въ наше время среди васъ — русскихихъ... Движимые жаждой приключеній и наживы, обладавшіе желѣзной волей, подчасъ неразборчивые въ своихъ средствахъ, — эти люди — смѣсь дѣльцовъ съ авантюристами — въ большинствѣ случаевъ сохраняли глубокую внутреннюю связь со своимъ народомъ... Это они, строя своими силами, на свой страхъ и рискъ, собственное благополучіе, дарили своимъ метрополіямъ громадныя государства, иногда — цѣлыя материки... и при этомъ — они проявляли зачастую большій государственный умъ, большее провидѣніе, чѣмъ казенные дипломаты!.. Вотъ изъ этой породы былъ и Барановъ.

Извѣстно ли вамъ, что, создавъ богатыя колоніи на дальнемъ сѣверѣ, онъ основался въ Калифорніи? Что эта страна золога должна была

быть русской?! Вы не знаете, конечно, и то, что олъ пошелъ дальше, охватывая побережье Тихаго Океана этапами будущаго господства Россійской имперій! Вы никогда не подозрѣвали, что въ 1815 году на мысу у входа въ бухту, надъ построекнымъ имъ фортомъ, развѣвался вашъ трехцвѣтный флагъ. Да, — тамъ, гдѣ мы расположились во время нашего послѣдняго пикника! ... Вы, стояли, сами того не подозрѣвая, на нѣкогда русской территоріи!..

Этотъ «авантюристъ» такъ сумѣлъ заставить не только уважать, но и полюбить Россію, что мой прадѣдъ Томари — въ полномъ согласіи съ совѣтомъ старѣйшинъ и жрецовъ... Не улыбайтесь! Они стоили вашихъ напыщенныхъ европейскихъ дипломатовъ!... просилъ вашего Императора Александра I-го принять его народъ и подвластные ему острова въ руссійское подданство!..

Послѣ нѣсколькихъ секундъ молчанія она возобновила свой рассказъ, но въ молодомъ, свѣжемъ, голосѣ звучала теперь какая-то непривычная нотка грустной ироніи:

— Въ далекомъ Петербургѣ не сумѣли понять, какой даръ подносилъ Имперіи этотъ «безпокойный выскочка»... Принятіе въ подданство какихъ-то «дикихъ», затерянныхъ гдѣ-то въ океанѣ, не только не прельщало, но скорѣе даже пугало канцеляріи, которымъ уже мерещились не-

пріятности и осложненія съ Лондонскимъ кабинетомъ. И не нашлось человѣка, который смогъ бы предствитъ Иператору все значеніе будущей опоры на перекресткѣ всѣхъ путей Тихаго Океана.

И на искренній жестъ Томари было отвѣчено — «достаточнымъ для дикаря» — казеннымъ подаркомъ... Золотой кортикъ, золотая медаль и театральнй плащъ съ золотыми кистями — вотъ какъ оцѣнила Россія эту «безполезную затѣю»...

Дѣвушка оборвала свою горячую рѣчь. Охвативъ руками колѣно, она замерла въ неподвижной позѣ.

— Вотъ почему, — заговорила она вновь тихимъ голосомъ, опуская глаза, — мы видимъ въ васъ русскихъ что-то родное... не такихъ чужихъ, какъ въ англичанахъ, французахъ, или моихъ дорогихъ сородичахъ — американцахъ.

Ея собесѣдникъ молчалъ, взволнованный и самимъ разговоромъ, и — еще больше — все растущимъ обаяніемъ этой странной дѣвушки. Двѣ недѣли прошло всего со дня первой официальной аудіенціи, и за это время офицеры фрегата стали чуть ли не ежедневными гостями королевскаго дворца. Партіи въ теннисъ, прогулки, поѣздки на маленькихъ гавайскихъ лошадакахъ въ горы, къ огненному озеру, веселые пикники — все это способствовало быстрому сближенію. Простое естественное поведеніе принцессы, привыкшей, благо-

даря матери-американкѣ, къ полной свободѣ, не заставляло вспоминать о разницѣ положеній и придворномъ этикетѣ, и между нею и ея сестрами, съ одной стороны, и офицерской молодежью — съ другой, установились простыя, дружескія отношенія.

Дружескія ли только?!.. Лейтенанту было не до самоанализа. Но, любуясь возбужденнымъ, красивымъ лицомъ своей собесѣдницы, онъ смѣтно ощущалъ что — то другое — еще неясное, не осознанное... Не было ли и въ ея послѣдней фразѣ, въ этомъ объясненіи симпатіи къ русскимъ вообще, — скрытаго, столь же бессознательнаго, признанія въ волновавшемъ ея чувствѣ?

— Лилиокани! — низкій мужской голосъ внезапно оборвалъ спутанную нить мыслей.

На порогѣ стоялъ крупный, широкоплечій мужчина во фракѣ со звѣздой. Въ бронзовомъ, окаймленномъ курчавой, черной бородой, лицѣ свѣтились умые, темные глаза, напоминавшіе взгядъ Лилиокани. При звукѣ его голоса принцесса порывисто поднялась.

— Что ты здѣсь дѣлаешь?! — спросилъ король, подходя къ столу.

Густая краска залила лицо, шею и плечи дѣвушки.

— Я... пригласила лейтенанта взглянуть на наши русскія реликвіи, — заговорила она, стараясь

придать своему голосу безпечный, спокойный тонъ, — и освѣжить его слабыя познанія по исторіи...

— Надѣюсь, что ты не была неделикатной по отношенію къ гостю, — произнесъ отецъ, протягивая руку почтительно вытянувшемуся офицеру, — вызывая воспоминанія, которыя до сихъ поръ не утратили для насъ извѣстной доли горечи... За своей лекціей ты, однако, забыла остальныхъ нашихъ гостей... Пора опять показаться.

— Вальсъ!.. — воскликнула Лиліокани, прислушиваясь къ доносившейся издали музыкѣ, — который я вамъ обѣщала! Идемте!

— Ступай пока одна... Я задержу немного нашего молодого друга... Ему будетъ интересно взглянуть на рескриптъ Императора Александра, бережно сохраненный отцомъ и дѣдомъ. Ступай, дѣтка!

Лиліокани уловила въ мягкомъ и спокойномъ голосѣ отца какую-то не допускавшую возраженія нотку и, кивнувъ головой своему спутнику, молча вышла изъ кабинета.

— ... Вотъ и все, что осталось отъ попытки дѣда связать судьбу своего народа съ Россійской Имперіей... — закончилъ король, бережно укладывая въ папку пожелтѣвшія бумаги, — мы потеряли очень много, но — потеряла и Россія... А сейчасъ уже поздно... Новые народы вышли на міро-

вую арену. Америка начинаетъ осторожно протягивать шупальцы черезъ океанъ въ поискахъ новыхъ рынковъ для своей растущей со сказочной быстротой промышленности. Растетъ и крѣпнетъ невѣдомая еще вчера Японія. На океанскомъ просторѣ становится тѣсно.

— Вамъ, навѣрное, не приходилось слышать, — добавилъ онъ послѣ паузы, — старинное преданіе нашего народа, считающее Тихій Океанъ мѣстомъ зарожденія человѣчества и предсказывающее, что здѣсь же рѣшатся его послѣднія судьбы? И старики увѣряютъ, что въ тихія лунныя ночи въ глубинѣ океана слышится порою глухой шумъ — это начинаетъ пробуждаться древній Великій Змѣй, чующій будущую обильную добычу... Но вамъ едва ли интересны эти старыя суевѣрія... Нѣтъ, нѣтъ, — прервалъ онъ почтительный протестъ офицера, — вы молоды, вамъ хочется жить настоящимъ... Ступайте, веселитесь... Лилиокани навѣрное уже дуется на меня, что я лишилъ ее кавалера!

Когда дверь закрылась за лейтенантомъ, любезная улыбка на лицѣ короля смѣнилась грустно-забоченымъ выраженіемъ:

— Дай Богъ, — проговорилъ онъ вполголоса, убирая папку съ документами, — чтобы второй разъ встрѣча съ русскими не принесла намъ горя...

II

Рослый, широкоплечій, американскій офицеръ, съ нашивками старшаго лейтенанта на темно-синихъ суконныхъ погонахъ, пробирался между валь-

сирующими парами, ища кого-то глазами. Выбравшись изъ толпы, онъ прошелъ было мимо буфетной стойки, но затѣмъ круто повернулся и опрокинулъ залпомъ, одинъ за другимъ, два стакана виски съ содой. Продолжая свои поиски, онъ заглядывалъ по-очереди въ приспособленные для отдыха танцующихъ маленькіе салоны. Наконецъ онъ остановился на порогѣ одного изъ нихъ съ подавленнымъ восклицаніемъ.

Лунный свѣтъ, задерживаемый широкой крышей веранды, создавалъ пріятный, слегка таинственный полумракъ. Смутно вырисовывались силуэты мебели. Глаза офицера впились въ плетеное кресло-качалку, въ которомъ полулежала дѣвушка въ бѣломъ платьѣ. Нѣсколько секундъ американецъ задержался на порогѣ, не сводя съ нея взгляда. Затѣмъ, какъ бы повинувшись внезапному рѣшенію, онъ переступилъ пороги, швырнулъ свою фуражку на низкій диванъ и, придвинувъ къ креслу низкую рѣзную табуретку, усѣлся на нее верхомъ, не замѣчая ни выраженія неудовольствія, мелькнувшаго въ глазахъ дѣвушки, ни инстинктивнаго движенія, которымъ она отодвинулась отъ него. Ближе склонившись къ ней, онъ заговорилъ прерывающимся, слегка хриплымъ отъ волненія голосомъ:

— Наконецъ то я васъ нашелъ! Вы избѣгаете разговора со мной, я это вижу... Но я больше не могу... Я хочу добиться отвѣта! — Нетерпѣливымъ жестомъ онъ остановилъ попытку дѣвушки заговорить, — нѣтъ, выслушайте меня сначала!... Лилиокани... еще разъ... я прошу васъ стать моей

женой! Я — единственный наследникъ миллионвѣ моего отца... Они — ваши... васъ ждетъ самая роскошная, самая блестящая жизнь... въ Америкѣ, въ Европѣ,... гдѣ вы пожелаете... Клянусь, не будетъ такого вашего каприза, который бы не осуществился мгновенно!. Вы скажете, что я забываю разницу въ положеніи, что вы — принцесса. Но мой отецъ тоже король — неограниченный властелинъ милостью всемогущаго доллара! Согни тысячь людей зависятъ отъ одного росчерка его пера. Онъ можетъ все купить... понимаете, все!.

Рванувъ нетерпѣливо воротникъ кителя, сжимавшаго его покраснѣвшую шею, онъ продолжалъ, не сводя съ нея своего затуманеннаго взгляда:

— И не вамъ, Лиліокани, съ вашей изумительной красотой оставаться на всю жизнь въ этомъ смѣхотворномъ королевствѣ, среди дикарей...

— Довольно! — рѣзко оборвала дѣвушка, выпрямляясь. Брови ея сдвинулись, глаза сверкали. — Вы забываете, мистеръ Гарднеръ, что этимъ смѣхотворнымъ королевствомъ правитъ мой отецъ, и что въ моихъ жилахъ течетъ кровь этихъ презираемыхъ вами дикарей!.

Она поднялась и направилась къ двери. Офицеръ вскочилъ и загородилъ ей дорогу:

— Не уходите!.. Простите!.. Я не знаю, что говорю... Вы такъ безумно хороши, Лиліокани!.. — бормоталъ онъ, стараясь схватить ея руку.

Она рѣзко отодвинулась.

— Пропустите меня!

Въ повелительномъ тонѣ ея словъ, въ гордо-

закинутой головкѣ чувствовалось оскорбленное королевское величіе.

Американецъ не двигался съ мѣста, пожирая глазами ея стройную фигуру, вырисовывавшуюся теперь въ лучѣ луннаго свѣта. Близость ея дурманила разгоряченный мозгъ. Полубезсознательно онъ протянулъ къ ней руки...

Съ сухимъ трескомъ сломался черепаховый вѣеръ. На лицѣ офицера вспыхнула красная полоса.

Бѣшено застучало въ вискахъ. Глаза налились кровью. Горячая волна, прокатившаяся по мозгу, смыла все — всѣ привитыя воспитаніемъ мысли и чувства — оставивъ лишь одно — жгучей обиды и бѣшенства получившаго отпоръ самонадѣяннаго самца... Глухо застонавъ, онъ охватилъ талію дѣвушки и жадными губами впился въ обнаженное плечо...

Сильная рука заставила его отшатнуться на нѣсколько шаговъ. Заслоняя собою отпрянувшую назадъ дѣвушку, передъ нимъ стоялъ русскій офицеръ... Еормоча какія-то проклятія, американецъ тщетно искалъ не оказавшійся на обычномъ мѣстѣ револьверъ. Онъ взглянулъ исподлобья на неожиданнаго противника. Тотъ — тоже безоружный — стоялъ неподвижно, но во взглядѣ его сѣрыхъ глазъ, во всей позѣ, читалась спокойная рѣшимость. Гарднеръ почувствовалъ внезапно, что сейчасъ онъ не можетъ вступить въ какую либо борьбу... Реакція послѣ нервнаго возбужденія и дѣйствіе выпитаго алкоголя сказывались въ ка-

кой-то тяжести и неуверенности движений. Потерпѣть второе пораженіе на ея глазахъ?!.. Нѣтъ И въ то же время въ затуманенномъ мозгу пробуждалось сознаніе далеко не благодарной роли въ могущемъ произойти скандалѣ. И, сжимая кулаки, онъ беззвучно выскользнулъ въ открытую дверь.

Проводивъ его взглядомъ, лейтенантъ обернулся. Лилиокани стояла прислонившись къ двери. Глаза ея были широко раскрыты, грудь порывисто дышала. Пальцы перебирали машинально обломки вѣра...

— Вы... — пробормотала она, — это вы должны были спасти меня!...

Офицеръ почтительно поцѣловалъ протянутую ему, дрожащую руку.

— Успокойтесь, Ваше Высочество!...

— Звѣрь!... — продолжала она, вздрагивая и не замѣчая, что оставила свою руку въ рукѣ офицера, — быть его женой!.. — Она нервно разсмѣялась, — его игрушкой!... Дикарка... Темнокожая Къ несчастью ее нельзя купить дешевыми побрякушками, которыми они соблазняютъ нашихъ бѣдныхъ дѣвушекъ... Приходится повысить ставку... разсыпать передъ ней милліоны и даже — какая честь!... предложить ей имя вчерашняго мясника съ Чикагской бойни!.. — Голосъ ея прерывался сдавленными рыданіями.

— Ваше Высочество, ради Бога, успокойтесь!..

Она не слушала.

— Всѣ они одинаковы... Англичане, американцы... всѣ... кромѣ васъ — русскихъ — продолжала

она, все болѣе возбуждаясь, — я молода, — можетъ быть, недурна собой, — и низшее существо... Coloured girl...

— Ваше Высочество!..

— ...А они бѣлые... господа!.. И со всѣхъ сторонъ тянутся грязные взгляды, грязныя желанія, еле прикрытыя внѣшней корректностью... Только вы... — Сдерживаемыя рыданія прорвались. Вздрагивая всѣмъ тѣломъ, она опустила голову на плечо офицера...

— Ваше Высочество... Принцесса... — его рука безсознательно обняла вздрагивающія плечи, — не плачьте... Лиліокани... дорогая...

Глубокая жалость къ этому безутѣшному, почти дѣтскому горю смѣшивалась со страннымъ, волнующимъ чувствомъ, вызываемымъ прикосновеніемъ этого гибкаго молодого тѣла, прильнувшаго къ нему, какъ бы ища защиты... Голова слегка кружилась отъ запаха магноліи въ ея густыхъ черныхъ косахъ.

— Бѣдная дѣтка! — прошепталъ онъ, самъ того не замѣчая, по-русски. Рука его осторожно погладила склонившуюся головку...

... Возстановливая позже въ памяти событія этого вечера, онъ никакъ не могъ вспомнить, какъ это случилось... Прелестная головка откинулась назадъ, пара огромныхъ, лучезарныхъ глазъ заглянула, какъ ему показалось, въ самую глубину души... гибкія, теплыя руки обвились вокругъ его шеи и горячія губы прильнули къ его губамъ...

На верандѣ слышался какой то шумъ...Лейтенантъ вздрогнулъ...Если ихъ увидятъ вмѣстѣ?!.. Онъ почти что оттолкнулъ ничего не слышавшую дѣвушку.

— ... Нѣтъ, нѣтъ, Гарднеръ, — слышался знакомый, рѣзкій голосъ миссисъ Форстеръ, — я не войду туда... Вдругъ тамъ есть кто нибудь... Нѣтъ ничего хуже, какъ нарушить нѣжное тѣтѣ-а-тѣтѣ... Вы помните нашу пословицу?.. «Двое — это компанія, а трое — уже толпа!» — И миссисъ Форстеръ преувеличенно громко разсмѣялась, увлекая своего спутника дальше.

«Негодяй!.. Онъ нарочно привелъ ее сюда!.. Давно ли они стояли тамъ?!.. Что видѣла эта старая сплетница?!..» мелькало въ умѣ лейтенанта. Кулаки его сжались.

— Я его проучу, мерзавца!.. — устремился онъ къ двери.

Лилиокани схватила его за руку:

— Нѣтъ, нѣтъ, не надо!.. Дорогой другъ... Не надо создавать скандала...изъ за меня!.. Бѣдному отцу приходится считаться съ Форстеромъ...Всякій инцидентъ — только желанный предлогъ для Америки, чтобы наложить на насъ свою тяжелую руку. Не надо! — настаивала она, видя, что онъ не отказывается отъ своего порыва. — Ради отца! Ради...меня!.. — И не давая ему вставить слова, она продолжала лихорадочно-взволнованнымъ шологомъ: — Ихъ нѣтъ...Уходите...Покажитесь въ

саду... на верандѣ... Пригласите кого-нибудь на вальсъ. Ухаживайте... И не ищите ссоры съ Гарднеромъ!.. Вы сдѣлаете это? Ради меня...ради нашей... дружбы?!...

Влажные отъ слезъ глаза умоляюще смотрѣли на него. Онъ поцѣловаль крѣпко сжавшую его пальцы ручку и вышелъ...

Какъ онъ сумѣлъ еще протанцовать два тура вальса съ какой-то миссъ и о чемъ-то разговаривать съ ней подъ пронизывающими взглядами «священнаго ареопага», выдержать скучнѣйшую болтовню у буфета и, наконецъ, огдѣлаться отъ душевныхъ изліяній развеселившихся французовъ, — онъ и самъ не зналъ.

Очнулся онъ на бѣлой отъ луннаго свѣта дорогѣ, ведущей въ портъ. Издали еще доносились обрывки музыки. Безконечно раскинулся, сверкая тихою гладью, океанъ. Отчетливо вырисовывались силуэты кораблей на спящемъ рейдѣ.

Лейтенантъ остановился, снялъ фуражку, провелъ рукой по лбу. Мысли неслись въ какомъ-то беспорядочномъ вихрѣ... Ему казалось, что онъ еще ощущаетъ тепло обвившихъ его шею рукъ, видитъ большіе черные глаза, заглянувшіе ему въ душу...

А за ними вставало другое — безконечно дорогое лицо съ тихими, сѣрыми глазами. Тамъ... далеко...въ Россій...Его невѣста. Подруга дѣтскихъ игръ, съ которой такъ просто, такъ естественно

неразрывно связана мысль о всей дальнѣйшей жизни. Существовать безъ нея — эта мысль была такъ же дика, невозможна, — какъ не думать, не дышать, — словомъ, не жить! «Дорогая, любимая»... бессознательно шептали его губы. Мягко свѣтились сѣрые глаза... И вдругъ, заслоня ихъ, раскрывались другіе — бархатно-черные, лучистые, бездонные...

... ..

Снова прозвучали въ ночной тишинѣ звонкіе удары склянокъ. Шесть?...Восемь?...Онъ не слышалъ...Сидя передъ раскрытой шифоньеркой своей каюты и охвативъ обѣими руками горящую голову, онъ впился неподвижнымъ взглядомъ въ стоявшую передъ нимъ фотографическую карточку, какъ бы ища въ ней спасенія... отъ самого себя. До боли сжимали кулаки стучавшіе виски...Лихорадочно мелькали мысли.

«...Банальный, избитый конфликтъ! Самый послѣдній газетный фельетонистъ постѣснялся бы такой задержанной темы!.. Старо... избито... Зѣвнешь, пожмешь плечами и отбросишь скучную книжку... Отбросишь!..» повторилъ онъ, внезапно озлобясь противъ какого-то невидимаго собесѣдника: «...Нѣтъ!...Не отбросишь и не уйдешь никуда, когда самой жизни вздумается поставить тебя передъ такимъ банальнымъ конфликтомъ!... Рѣшай, отвѣчай!... А какъ рѣшить, что отвѣтить...?!»

Онъ стиснулъ еще крѣпче виски, какъ бы стараясь остановить, сдержать мечущуюся мысль...

Дверь каюты растворилась. Онъ не замѣтилъ, что машинально отозвался на стукъ. Только прикосновеніе руки къ плечу заставило его вздрогнуть и обернуться. Передъ нимъ стоялъ старшій офицеръ.

— Я знаю, — что вы не спите... У меня есть къ вамъ порученіе отъ командира, но пришелъ я какъ старшій товарищъ, какъ человѣкъ, который много пережилъ и — многое понимаетъ...

Лейтенантъ съ изумленіемъ посмотрѣлъ на обычно молчаливаго и жившаго гдѣ-то внѣ обыденной жизни старшаго офицера, въ глазахъ котораго читалось какое-то теплое чувство, успокаивающе дѣйствовавшее на взвинченные нервы.

— Можете ли вы, — продолжалъ старшій офицеръ, не снимая руки съ его плеча и пристально глядя ему въ глаза, — дать слово, что до нашего ухода — послѣзавтра — вы не съѣдете больше на берегъ?

— Почему?! — взволнованно поднялся лейтенантъ.

— То, что произошло с вами сегодня на балу, не осталось неизвѣстнымъ, послужило темой для разговоръ и сплетенъ... И командира просили — лицо, которому невозможно отказать — помочь прекращенію этихъ разговоръ тѣмъ, что вы больше не встрѣтитесь ни со своимъ противникомъ,

ни...съ другимъ лицомъ... Командиръ, онъ не только не осуждаетъ васъ, но находитъ что вы поступили такъ, какъ подобало офицеру, — поручилъ мнѣ просить васъ, дать ему ваше слово... Вы знаете его характеръ — не будь такихъ чрезвычайныхъ обстоятельствъ, онъ никогда не вмѣшался бы въ вопросъ такого чисто личного свойства...Что же ему отвѣтить?..

Руки молодого офицера судорожно сжали спинку стула. Взглядъ скользнулъ по оставшейся на столѣ карточкѣ.

— Нѣтъ... не могу! — сорвалось, наконецъ, со сжатыхъ, какъ отъ физической боли, губъ.

Старшій офицеръ одобрительно покачалъ головой:

— Я такъ и думалъ... и не ожидалъ отъ васъ другого отвѣта. Или мнѣ пришлось бы совершенно разочароваться въ своемъ психологическомъ чутьѣ. Но нѣтъ...вы не могли иначе отвѣтить — я слишкомъ хорошо васъ знаю. — И, какъ бы отвѣчая на удивленный взглядъ лейтенанта, онъ добавилъ: — Вы думаете, что «океанскій схимникъ» — не удивляйтесь, я прекрасно знаю, какъ меня окрестилъ баковый конецъ, — потому что не принимаетъ участія въ вашихъ разговорах, не могъ — именно со стороны, — гораздо лучше изучить и понять васъ?!.. Доказательство-что я зналъ заранѣе вашъ отвѣтъ. Вы не можете допустить и тѣни подозрѣнія, что вы уклоняетесь отъ послѣдствій столкновенія...

Онъ остановилъ жестомъ порывавшагося заговорить молодого офицера. — Я знаю больше... Вашъ отвѣтъ не измѣнится даже, если васъ завѣрю, что вашъ противникъ хотя и является съ формальной стороны оскорбленнымъ, не посмѣетъ искать удовлетворенія... Можете-ли вы теперь дать прозимое у васъ слово?

— Не могу... — беззвучно повторилъ, лейтенантъ.

— Я не ошибся и въ этомъ, — удовлетворенно кивнулъ головой старшій офицеръ, — характеръ, воспитаніе, — традиции — не позволяютъ вамъ огнестись слегка, какъ къ мимолетной забавѣ, къ вспыхнувшему, хога бы даже и безъ вашей вины, искреннему чувству... — Онъ промолчалъ нѣскольکو секундъ. — Я доложу командиру... Онъ, очевидно, такъ же мало сомнѣвался въ вашемъ отвѣтѣ, какъ и я, потому что приказалъ мнѣ въ такомъ случаѣ — арестовать васъ при каютѣ — безъ часового — на двое сутокъ за...за небрежное отношеніе къ завѣдуемой шлюпкѣ...

Угадывая то чувство незаслуженной обиды, которое, несмотря ни на что, должно было кольнуть самолюбіе исправнаго до мелочей офицера, онъ добавилъ:

— У перваго вельбога ободрана вся краска лѣваго борта... — и, какъ бы про себя, — сегодня ночью прочертили по коралловому рифу ... — а затѣмъ сухо, официально: — Вашу саблю, лейтенантъ!..

Вернувшись через нѣскольго минутъ, онъ засталъ молодого офицера въ той же позѣ.

— А теперь сядемъ, поговоримъ. Когда то... давно...я пережилъ то же, что сейчасъ переживаете вы. Только рядомъ со мной не оказалось друга, который помогъ мнѣ разобраться въ самомъ себѣ, и я...не разобрался... — закончилъ онъ глухимъ голосомъ,

— Не надо! — остановилъ онъ лейтенанта, протянувшего руку, чтобы убрать фотографію, — оставьте! Она намъ поможетъ!..

III.

... Десять лѣтъ... Ясное сентябрьское утро 1893 года. Столпившееся на набережной населеніе Гонулулу въ хмуромъ молчаніи наблюдаетъ за высадкой десанта съ двухъ крейсеровъ, подъ звѣзднымъ флагомъ, развернувшихъ бортомъ къ городу. Свистки паровыхъ катеровъ, рѣзкія команды, звуки рожковъ. Высадившіеся отряды морской пѣхоты направляются къ правительственнымъ зданіямъ, почтѣ, таможнѣ. На перекресткахъ патрули матросовъ въ широкополыхъ соломенныхъ шляпахъ. Вдоль улицъ смотрятъ дула маленькихъ десантныхъ орудій.

Небольшой отрядъ проникаетъ въ ограду дворца. Въ паркѣ пустынно и тихо...Солнечные лучи, пробираясь между стволами вѣковыхъ пальмъ, бросаютъ яркія пятна на зеленыя лужайки и группы цвѣтущихъ кустовъ. Съ легкимъ шорохомъ

разбѣгаются въ травѣ вспугнутыя тяжелыми шагами большія зеленыя ящерицы...

Отрывистая команда. Цѣпь матросовъ охватываетъ зданіе, становясь парными часовыми у всѣхъ выходовъ.

Бросивъ нѣсколько словъ младшему офицеру, начальникъ отряда, — высокій, широкоплечій Commander, — останавливается на верандѣ, какъ бы оріентируясь и стараясь что-то вспомнить. Затѣмъ онъ толкаетъ ногой одну изъ дверей и входитъ, сопровождаемый десяткомъ своихъ людей. Правая рука лежитъ на рукояткѣ тяжелого кольта, бритыя губы сжаты, глаза смотрятъ холодно и жестко.

Одна, другая комната... Пусто... Въ глубинѣ третьей — у закрытой двери — группа туземныхъ слугъ, мужчинъ и женщинъ.

— Дорогу! Прочь отъ двери! — бросаетъ американецъ.

Молчаніе. Группа тѣснѣе смыкается вокругъ высокаго старика, въ рукѣ котораго сверкнулъ малайскій крисъ...

— Что?! Сопротивляться?!.. Убрать этихъ обезьянъ!

Короткая, неравная борьба... Избитые, ошеломленные ударами прикладовъ, защитники завѣтной двери загнаны въ уголъ, подъ наблюденіемъ четырехъ человѣкъ. Здавленные стоны раненыхъ, истерическій плачь женщинъ...

Начальникъ нажимаетъ ручку двери.

— Я васъ не звалъ, Дженкинсъ! — обрываетъ онъ пытавшагося послѣдовать за нимъ сержанта.

Дверь захлопывается.

В большой комнатѣ, съ опущенными на окнахъ шторами, царить полумракъ. Глаза офицера, остановившагося на порогѣ, не разбираюгъ ничего послѣ яркаго дневнаго свѣта...

— Кто вы? По какому праву врываетесь вы сюда?!.. — раздается вдругъ голосъ — знакомый... незабытый...ея голосъ!..

Глаза привыкли къ полутъмѣ. В пяти шагахъ отъ него стоитъ, прислонившись къ большому письменному столу, молодая женщина въ бѣломъ. Голова ея гордо закинута назадъ, глаза горятъ негодованіемъ.

«Какъ она хороша!» невольно мелькаетъ мысль: «...какъ тогда!..»

Нестерпимо ярко встала въ памяти сцена того далекаго вечера...Онъ машинально поднялъ руку къ лѣвой щекѣ...Скрипнули стиснутые зубы...Офицеръ сдѣлалъ два шага впередъ...

— Не подходите! Не смѣйте касаться меня!.. — Въ ея рукѣ блеснула сталь...

— А — а, — хрипло разсмѣялся офицеръ, — на этогъ разъ серьезнѣе, — вмѣсто вѣера кинжалъ!..

Быстрымъ движеніемъ его пальцы схватили

и сжали дрогнувшую отъ боли руку, заставивъ ее выронить клинокъ, со звономъ упавшій на полъ.

— И тутъ онъ!.. — процѣдилъ сквозь зубы американецъ, отбрасывая клинокъ ногой: — русскій кортикъ!.. Память о рыцарѣ безъ страха и упрека!..

Она молчала, гордо и спокойно выдерживая его торжествующій взглядъ.

— По какому праву я ворвался?...Это вамъ разъяснить подробно — и со всѣми дипломатическими тонкостями — достопочтенный мистеръ Реджинальдъ К. Форстеръ, резидентъ ... виновать!.. ганераль - губернаторъ Сандвичевыхъ острововъ. Что же касается меня, — не скрою, что я просилъ, добивался этого назначенія...чтобы быть первымъ, кто броситъ вамъ въ лицо вѣсть, что вашему королевскому величію пришелъ конецъ — и навсегда! ... Это — скромное вознаграженіе за десять лѣтъ ожиданія! И никто, никакой странствующій рыцарь, не встанетъ теперь на вашу защиту!...Вы оскорбили американца, и Америка мститъ вамъ сейчасъ за него, — голосъ его дошелъ до хриплаго шопота.

Она продолжала молчать.

Взглядъ офицера впился въ ея черты съ какой-то смутной тревогой. Сколько разъ въ теченіе этихъ долгихъ лѣтъ вызывалъ онъ въ своемъ воображеніи эту картину, когда онъ однимъ словомъ свергнетъ ее съ пьедестала...Вотъ-вотъ долж-

но рухнуть это гордое спокойствіе и онъ увидить ее наконецъ сломленной, уничтоженной, жалкой!

Но нѣтъ...Слегка дрожала рука, опиравшаяся на столъ, чуть порывистѣе поднималась полная грудь, но черные глаза все такъ же холодно и безстрастно выдерживали его горящій взглядъ. Гарднеръ стиснулъ зубы...Побѣда, которою онъ такъ наслаждался заранѣе, ускользала отъ него въ послѣдній моментъ! Еще минута — и побѣжденнымъ окажется онъ!

Офицеръ круто повернулся:

— До прибытія генераль-губернатора вы не покинете дворца...У дверей часовые, — бросилъ онъ черезъ плечо сдавленнымъ голосомъ и крупными шагами направился къ двери. Что то хрустнуло подъ тяжелымъ десантнымъ сапогомъ... Хлопнула дверь.

Пробравшійся сквозь щель шторы солнечный лучъ скользнулъ по темному ковру и заигралъ на какихъ-то блестящихъ обломкахъ.

Смолкли голоса за дверью.

И только тогда стройная фигура въ бѣломъ, сдѣлавъ два шага, упала въ кресло, опустивъ голову на скрещенныя руки, и беззвучныя горькія рыданія потрясли все тѣло преданной, одинокой королевы...

IV.

Полутемная комната скромной кронштадтской квартиры. Мертвая тишина прерывается лишь отъ

времени до времени слабымъ бредовымъ шопотомъ. У постели больного молодой врачъ слѣдитъ, съ часами въ рукѣ, за слабѣющимъ пульсомъ, отмѣчая мысленно странные, таинственные пути человѣческой души, бродящей на границѣ невѣдомаго.

Послѣ ласковыхъ, полныхъ глубокой нѣжности словъ, переплетавшихся съ именами жены и дѣтей, странствующая память вернулась къ родной обстановкѣ — кораблю. Отрывисто падали непонятные для слушателя слова! «...На грота-брасы на правую...На фока - и контръ-брасы на лѣвую...Пошелъ брасы!...» И послѣ паузы: «Булина выравниять...»

Безшумно отворилась дверь. Молодой врачъ поднялся навстрѣчу входившему старшему коллегѣ:

— Пульсъ быстро слабѣетъ... Бредъ не прекращается...Бредитъ плаваніями, кораблемъ... Командуетъ...

Больной застоналъ. Докторъ вернулся на свое мѣсто, взялъ снова исхудалую руку и вынулъ часы.

Слабый, еле внятный шопотъ:

...Не могъ...Командиръ... арестъ...— и снова тишина.

Докторъ, сосредоточенно нахмурясь, слѣдилъ за секундной стрѣлкой. Больной снова заговорилъ. Въ голосѣ слышалась нотка глубокаго волненія.

— Не судьба... разные пути... Нѣтъ, нѣтъ, — не забылъ!..

Докторъ поднялъ голову и бросилъ быстрый взглядъ на коллегу. Тотъ подошелъ ближе.

Какъ слабый, еле уловимый стонъ, сорвалось съ безкровныхъ губъ одно слово:

— ... Лиліокани...

— Непонятные, безсвязные звуки, лишенные какого либо смысла...Управляющіе мозговые центры перестали дѣйствовать...Пульсъ останавливается... — заключилъ молодой врачъ, поднимаясь и пряча часы въ карманъ...

ТРИНАДЦАТЬ

Раздавъ долгожданную почту — два мѣсяца лежала она въ Санъ-Франциско, пока корветъ бродилъ по разнымъ, Богомъ и людьми забытымъ островамъ Тихаго океана, — старшій офицеръ погребовалъ свѣжій стаканъ чаю и погрузился въ изученіе толстой пачки «Приказовъ по Флоту и Морскому Вѣдомству», прерывая лишь изрѣдка чтеніе неопредѣленнымъ ворчаніемъ, когда взгляды его встрѣчалъ фамилію какого нибудь «высочки», произведеннаго «черезъ головы старшихъ товарищей» и въ томъ числѣ... и его самого!

Въ каютъ-компаніи водворилась полная тишина. Слышался лишь легкій трескъ разрываемыхъ конвертовъ и шелестъ переворачиваемыхъ листовъ, да, изрѣдка, недовольный окрикъ по адресу четырехъ мичмановъ, взгромоздившихся на большой диванъ и выхватывавшихъ другъ у друга старые номера «Нивы».

Молодой лейтенантъ — высокій блондинъ съ сѣро-голубыми глазами и кругло-подстриженной бородкой — закончилъ чтеніе розоваго листка, исписаннаго крупными, неувѣренными буквами, взглянулъ еще разъ на приложенную карточку сестренки съ туго заплетенными косичками, — улыбнулся и, аккуратно сложивъ все въ конвертъ,

принялся за второе, объемистое письмо, написанное мелкимъ, но четкимъ женскимъ почеркомъ.

Съ первыхъ же строкъ улыбка исчезла съ его губъ, глаза удивленно расширились, и взглядъ съ удвоеннымъ вниманіемъ впился въ мелкій бисеръ ровныхъ строчекъ...

Дорогой мой мальчикъ!

Никогда я не говорила тебѣ о странномъ происшествіи, случившемся давно. Тебѣ было тогда всего восемь лѣтъ и ты, навѣрное, забылъ его... Это было лѣтомъ, на дачѣ. Я сидѣла съ работой на верандѣ, а вы трое — мои славные мальчуганы! — играли въ саду. Вдругъ я услышала твой голосъ, настойчиво и въ то же время испуганно повторявшій: «Пустите!.. Не хочу!.. Отпустите!».. Сбѣжавъ въ садъ, я увидѣла у рѣшетки старую цыганку, которая держала тебя за руку и что-то бормотала, разглядывая ее... «Отпустите ребенка!» крикнула я ей, подбѣгая. Старуха отвѣтила нѣсколько словъ, изъ которыхъ я только поняла, что она хотѣла погадать о твоёмъ будущемъ по линіямъ руки. «Нѣтъ, не надо!» отрѣзала я, повинувшись какому-то странному чувству тревоги, почти что страха: «отпустите его сейчасъ!» Въ то же время я обняла тебя и пыталась отнять твою руку. Но старуха вцѣпилась еще крѣпче.

Взволнованная, не отдавая себѣ вполнѣ отчета, я ударила ее по рукѣ и, воспользовав-

шись тѣмъ, что ея пальцы разжались, быстро отдернулая тебя отъ рѣшетки. Старуха отшатнулась. Черные глаза въ морщинистомъ, коричневомъ лицѣ загорѣлись злобнымъ огнемъ... Я его вижу еще сейчасъ, этотъ взглядъ!

«Ты ударила старую Зару!» прошипѣла она: «Ты будешь наказана! Ты переживешь всѣхъ своихъ дѣтей — всѣ они умрутъ на твоихъ глазахъ! И первымъ...» она протянула свой костлявый палецъ къ тебѣ: «будетъ онъ! Запомни... ему грозитъ число тринадцать... Береги его, какъ хочешь,» разсмѣялась она хрипло: «Тринадцать найдетъ его все равно!»

И круто повернувшись, старуха заковыляла по пустынной, пыльной улицѣ. Я какъ бы окаменѣла, не могла ни крикнуть, ни шевельнуться съ мѣста.

Прошло много лѣтъ, и никогда, никому я не говорила объ этомъ. Не говорила и тебѣ... Но сейчасъ, — уже нѣкоторое время — меня не покидаетъ какія-то глухая тревога за тебя! Дорогой мой, любимый! Не смѣйся надъ суевѣрными страхами твоей старой мамы! Успокой меня, обѣщай — какъ бы это тебѣ ни казалось страннымъ и дикимъ! — беречь себя, беречься тринадцати! Днемъ и ночью молю Бога, чтобы...

Лейтенантъ прервалъ чтеніе и поднялъ голову. Изъ коридора донесся шумъ голосовъ. Кто-то возбужденно и торопливо докладывалъ старшему офицеру, изрѣдка вставлявшему своимъ густымъ басомъ отрывистые вопросы... Затѣмъ «старшой» показался въ дверяхъ каютъ-компаніи:

— Кто подвахтенный, господа?;

— Есть! — отозвался лейтенантъ, вставая и направляясь къ двери.

— ... значить, — заканчивалъ старшій офицеръ свои распоряженія вахтенному квартирмейстеру, — десять человѣкъ съ боцманомъ Бѣловымъ. По двѣ пачки патроновъ... Когда соберутся у трапа, доложить!

— Эрнестъ Федоровичъ, — обратился онъ къ лейтенанту, — скверная исторія! Наши «пѣтухи» отличились! — сердито кивнулъ онъ въ сторону стоявшаго передъ нимъ, краснаго какъ ракъ, шкипера — коллежскаго регистратора Тюфякова, — мало того, что забрались въ какой-то кабакъ и выпили больше, чѣмъ слѣдуетъ, но еще — младенцы невинные! — ввязались въ карточную игру съ какими-то мошенниками! Конечно, тѣ ихъ обчистили въ два счета и — что хуже всего — баталеръ продулъ тысячу казенныхъ денегъ!... Потомъ, когда уже поздно было, протрезвился и вздумалъ требовать деньги обратно! Тутъ ихъ партнеры, заодно съ хозяиномъ притона, насѣли на нихъ, и вотъ — ему удалось проскочить, а

остальные отбиваются, какъ могутъ, отъ этой шайки... Вы знаете, что здѣсь фактически нѣтъ ни полиціи, ни властей, дѣйствуетъ только право сильного... Такъ вотъ: вы съѣдете съ патрулемъ, выручите нашихъ и отберете проигранныя казенныя деньги. Постарайтесь обойтись безъ стрѣльбы и прочаго, — но, если найдете нужнымъ, не стѣсняйтесь! Вы, Тюфяковъ, поѣдете съ лейтенантомъ — показать дорогу... У насъ будетъ потомъ съ вами особый разговоръ... — закончилъ онъ многозначительнымъ тономъ, окончательно добившимъ несчастнаго «пѣтуха».

Съ трапа «скатился» вахтенный.

— Люди готовы? Шлюпка у трапа?

— Такъ точно, ваше высокоблагородіе!

— Ну, съ Богомъ, Эрнестъ Федоровичъ! —

обратился старшій офицеръ къ лейтенанту, застегивавшему портупею, — я не лягу и буду ждать вашего возвращенія.

... ..

— Бѣгомъ, маршъ! — скомандовалъ лейтенантъ своему маленькому отряду, направляясь къ первымъ, разбросаннымъ по берегу домамъ города. Рядомъ съ нимъ сѣменилъ коротконогій, толстый Тюфяковъ, вслухъ возстановливавшій свои воспоминанія:

— ... Кажись, здѣсь, шли... да, мимо этой кучи... и тамъ — три дерева... А потомъ налѣво, подъ гору... Вотъ сюда, ваше благородіе...

Но, какъ только они завернули въ круто спускающуюся улочку, всякія сомнѣнія относительно правильности избраннаго направленія отпали сами собой: впереди, шагахъ въ ста, виднѣлся большой деревянный баракъ, изъ котораго несся адскій шумъ — ругань, вопли, трескъ ломаемой мебели, звонъ разбиваемой посуды.

Лейтенантъ толкнулъ тяжелую дверь — заперта! Онъ подошелъ къ низкому, маленькому окну. Въ углу довольно просторной «залы», за опрокинутымъ столомъ, кучка людей — человекъ восемь матросовъ, батвлеръ и артиллерійскій содержатель — отбивались чѣмъ попало отъ насѣдавшей на нихъ толпы ковбоевъ, золотоискателей и прочихъ завсегдатаевъ «салона». Въ рукахъ у нѣкоторыхъ изъ нападавшихъ сверкали широкіе американскіе «bowie-knives» или длинныя мексиканскія навахи; дѣйствовать револьверами въ этой свалкѣ было немыслимо.

— Бѣловъ, пять человекъ къ тому окну, пятеро со мной, сюда, — распорядился вполголоса лейтенантъ, — по командѣ выбивай стекла и влѣзай! Безъ приказанія не стрѣлять!.. Разъ, два — три! — и высадивъ ударомъ ноги жидкую раму, лейтенантъ, съ револьверомъ въ рукѣ, вскочилъ въ комнату:

— Hands up!

Десять черныхъ дулъ направилось на опѣшившую отъ неожиданности толпу... Соблюдая «правила игры», покорно поднялись вверхъ бѣлые, чер-

ныя, коричневыя руки. По указанію баталера, вытиравашаго кровь, струившуюся съ разсѣченнаго бутылкой лба, оттѣснили къ стойкѣ группу его «счастливыхъ» партнеровъ во главѣ съ хозяиномъ «салона,» широкоплечимъ рыжимъ ирландцемъ. Остальные, не дожидаясь повторнаго приглашенія, толпой устремились къ двери и исчезли въ ночной темнотѣ.

Обратившись къ хозяину, лейтенантъ категорически потребовалъ возврата проигранныхъ казенныхъ денегъ. Ирландецъ, призывая въ свидѣтели всѣхъ святыхъ, начиная со Св. Патрика, клялся и божился, что «бѣдный, честный Падди» ни при чемъ во всѣй этой исторіи и не вмѣшивается въ частныя дѣла своихъ гостей. Остальные игроки подняли страшный вопль, крича на перебой, что онъ обобралъ, припряталъ весь выигрышъ.. Посылалась отборная ругань, замелькали сжатые кулаки. Больше всѣхъ бѣсновался маленькій, оливково-желтый метисъ со слѣдами оспы на хищномъ и зломъ лицѣ.

Лейтенантъ началъ терять терпѣніе.

— Свои счета можете сводить потомъ, а сейчасъ...

Онъ не закончилъ фразы — рядомъ съ нимъ раздался какой-то глухой ударъ и нѣсколько бутылокъ со звономъ полетѣло со стойки. Онъ обернулся. Рябой метисъ грузно осѣлъ на полъ. Изъ раздробленнаго черепа лилась струйка крови, смѣшиваясь съ чѣм-то сѣрымъ и лицимъ... Въ

двухъ шагахъ отъ него стоялъ боцманъ съ перевернутой винтовкой въ рукахъ.

— Бѣловъ!.. Обалдѣлъ ты?!..

— Никакъ нѣтъ, Вашбродіе! Извольте посмотрѣть, что у него въ рукѣ, у этого сукинаго сына!

Лейтенантъ нагнулся. На посѣрѣвшемъ лицѣ метиса застыло злобное выраженіе собаки, готовившейся укусить исподтишка... Между крѣпко сжатыми пальцами убитаго еле выглядывало дуло миниатюрнаго нарѣзного пистолета.

— Спасибо, Бѣловъ! Безъ тебя — лежать бы мнѣ на его мѣстѣ!

Поблѣднѣвшій ирландецъ выстраивалъ тѣмъ временемъ дрожащими руками столбики золотыхъ монетъ на залитой виномъ стойкѣ.

Внушивъ хозяину, что при малѣйшемъ враждебномъ дѣйствіи отвѣтитъ онъ, и что его заведеніе будетъ сметено съ лица земли, — лейтенантъ собралъ свой отрядъ и вывелъ его на улицу.

Высоко поднявшаяся въ безоблачномъ небѣ луна заливала спящій городъ своимъ яркимъ зеленоватымъ свѣтомъ.

Отойдя нѣсколько шаговъ, лейтенантъ обернулся. «Надо же все таки взглянуть, какъ называется это шикарное учрежденіе,» — подумалъ онъ. Надъ крышей барака между двумя флагштоками съ неподвижно повисшими американскими флагами, была протянута полоса парусины. Отчетливо выступали въ яркомъ лунномъ свѣтѣ крупныя красныя буквы...

«THE LUCKY THIRTEEN*)» — прочель лейтенантъ.

Несмотря на теплую, немного душную калифорнійскую ночь, по его спинѣ пробѣжалъ легкій холодокъ.

II

Жаркій іюльскій полдень. Ревельскій рейдъ дремлетъ подъ палящими лучами солнца. Въ горячемъ воздухѣ дрожатъ очертанія города съ острыми шпицами старинныхъ кировъ и средневѣковыми башнями Вышгорода.

Двумя колоннами вытянулись суда Кадетскаго Отряда, отражая свой стройный, безукоризненно выравненный рангоутъ въ зеркальной глади. Мористѣе стоитъ ослѣпительно-бѣлый красавецъ «Герцогъ Эдинбургскій», готовящійся къ ежегодному заграничному плаванію. Ближе къ остроу Карлусу — представители новаго вѣка — броненосные фрегаты, — низкія двухбашенныя лодки, броненосныя батареи.

Вахтенный начальникъ «Кремля» въ согый разъ мѣряетъ пространство отъ праваго трапа до лѣваго и обратно. Подошвы бѣлыхъ парусиновыхъ туфель прилипаюгъ къ размякшей на пазахъ палубы смолѣ, Жарко, скучно... Хогъ бы скорѣе кончился огдыхъ, начались занягія, а то полуденная жара размариваетъ, клонить ко сну, а дѣлать не-

*) «Счастлирое Тринадцать.»

чего! Въ десятый разъ его испытующій взглядъ обыскиваетъ палубу, наружный бортъ... Все въ порядкѣ! Идеально свернуты въ якорныя бухты шлюпочныя тали, ни пылинки на палубѣ, сверкаетъ «мѣдяшка», безукоризненно выравнены шлюпки на выстрѣлахъ.

Но вотъ, кажись, флагъ, неподвижно повисшій на флагштокѣ, захлестнуло за фалы.

— Сигнальщики!.. Флагъ не чистъ!.. Воронъ считаете!

— Есть! — доносится съ мостика сонный голосъ, и сигнальщикъ, избѣгая ступать босыми ногами по раскленнымъ мѣднымъ планкамъ, бокомъ спускается съ трапа и направляется на ютъ.

— Очищенъ флагъ, Вашбродіе!

— Ладно!.. Не прозѣвайте сигнала адмирала о началѣ занятій!

— Никакъ нѣтъ! — и босыя ноги снова шлепаютъ по трапу.

Вахтенный начальникъ возобновляетъ прогулку отъ борта до борта...

— Вашбродіе, катеръ съ «Первенца» съ флагъ-офицеромъ!

Катеръ забурлилъ у трапа. Быстро взбѣжалъ наверхъ молодой «флажокъ».

— Здравствуйте, Эрнестъ Федоровичъ! Что у васъ случилось?! Адмиралъ прислалъ узнать...

— Что случилось?! Ничего — все въ порядкѣ.

— Но у васъ приспущенъ флагъ...

— Флагъ?!..

Дѣйствительно, достаточно одного взгляда на корму, чтобы убѣдиться, что флагъ не поднять «до мѣста».

— Сигнальщики...черти! Флагъ не до мѣста!.. Чтобъ васъ!.. Иванъ Ивановичъ, доложите адмиралу, что флагъ былъ не чистъ, и сигнальщики, очищая его, не подняли до мѣста...Я имъ пропишу ижицу!..

— Есть, есть... Я доложу... не беспокойтесь. Всего хорошаго!

Катеръ отвалилъ.

— Подвели черти! — ворчалъ про себя лейтенантъ, отходя отъ трапа.

За командирской рубкой слышались голоса, оживленно обсуждавшіе что-то. Лейтенантъ приблизился.

— ...Не къ добру это... — мрачно бурчалъ хриплый басъ старшаго боцмана, — самъ себѣ флагъ приспустилъ...

Въ два шага лейтенантъ очутился за рубкой:

— Кондратьичъ, какъ тебѣ — старому боцману — не стыдно нести такую чушь?!

— Виновать, Вашбродіе! — смутился старикъ, — точно, что заря брякнулъ — и, глядя вслѣдъ удалявшемуся офицеру, добавилъ вполголоса: — ... и надо же было ему услышать!.. А что не говори, братъ, — внушительно помахалъ онъ

закорузлымъ пальцемъ передъ носомъ вахтеннаго, — примѣта остается примѣтой. Жаль ихъ благородіе...душа человѣкъ. Но вспомни мое слово... не къ добру это...быть бѣдѣ... — И боцманъ, сокрушенно качая головой и бормоча что-то подъ носъ, двинулся развалистой походкой на бакъ.

III.

Солнце все еще стояло высоко. Въ батареяхъ и палубахъ нестерпимая духота. Даже въ каютъ-компаніи, несмотря на широко раскрытые полупортики, — «пекло». Офицеры, урывая минутку отъ занятій, опрокидывали быстро — и въ зависимости отъ личныхъ теорій утоленія жажды — кто стаканъ холоднаго лимонада, кто-наоборотъ горячаго чая.

— Эрнестъ Федоровичъ, — вкрадчивымъ голосомъ окликнулъ молодой мичманъ лейтенанта, удобно устроившагося въ глубокомъ креслѣ съ иллюстрированнымъ журналомъ въ рукахъ.

— Въ чемъ дѣло?

— Вы какъ сегодня...собираетесь на берегъ?

— Не хитрите, Васенька, — разсмѣялся лейтенантъ, опуская журналъ, — вамъ вовсе не интересно, собираюсь ли я, а вотъ вамъ очень хочется, и что то мѣшаетъ...Такъ?..

Васенька покраснѣлъ:

— Да...то есть, нѣтъ... Я свободенъ... Только мнѣ еще осталось дострѣлять со смѣной... и я не успѣю попасть на шестичасовой катеръ...

— А надо съѣхать обязательно съ нимъ? Обѣщали...а розовый зонтикъ не любитъ ждать и не простить?! — добродушно мучилъ лейтенантъ свою жертву.

Васенька покраснѣлъ еще больше отъ такого проникновенія въ его «тайну».

— Ну ладно, ладно. Поѣзжайте съ Богомъ! Ступайте красоту наводить!.. Гдѣ ваша смѣна?

— Въ носовомъ плутонгѣ...Эрнестъ Федоровичъ, голубчикъ, ужъ такое вамъ спасибо!..

— Нечего, нечего! Вотъ будетъ какъ нибудь лѣнь на «собаку» выходить, такъ я васъ и погяну.

— Я съ восторгомъ, Эрнестъ Федоровичъ, — крикнулъ мичманъ, перепрыгивая порогъ каютъ-компаніи, — Сорокинъ!.. чистый китель...живо!

Лейтенантъ бросилъ на столъ журналъ, взялъ лежавшую рядомъ съ нимъ фуражку и вышелъ изъ каютъ-компаніи. Въ коридорѣ его чуть не сбилъ съ ногъ несшійся на катеръ [сіяющій Васенька.

— Еще разъ спасибо, Эрнестъ Федоровичъ! Вѣкъ не забуду... — крикнулъ онъ, взлетая по трапу.

— Вы куда?! — остановилъ лейтенанта выходящій изъ канцелярій ревизоръ, — а на берегъ?! —

— Подсмѣнилъ Васеньку...влюбленъ по-уши... а его смѣна стрѣляетъ.

— А — а...Ну, можетъ быть, послѣ ужина

соберемся, посидѣть на «Горкѣ»? ... Матвѣевъ! — крикнулъ ревизоръ, — на какое число вѣдомости?

— Къ двадцатому, Вашбродіе! — раздался изъ канцеляріи голосъ писаря.

— Къ двадцатому? А сегодня только тринадцатое... Успѣемъ! — и ревизоръ, насвистывая, направился къ своей каютѣ.

«Тринадцатое...» Лейтенантъ улыбнулся: «бѣдная мама, вѣроятно, сегодня весь день трепещетъ за меня. А я, свинья этакая, — уже недѣлю не писалъ... Нѣтъ, никакой «Горки» — послѣ ужина сяду за длинное письмо...»

— Батарей, — къ встрѣчѣ!.. Сми-рно! — рявкнулъ артиллерійскій унтеръ-офицеръ.

Прислуга двухъ шестидюймовыхъ орудій сдѣлала «полуоборотъ налѣво» и замерла.

— Все готово, Лядовъ?

— Такъ точно, Вашбродіе!

— Продолжай!

Унтеръ-офицеръ взялъ дальномѣръ Люжоля, навелъ его на виднѣвшійся на берегу острова Карлуса большой щитъ и провѣрилъ отсчетъ.

— Прицѣлъ — восемь кабельтовыхъ ... Цѣликъ — два влѣво... Замокъ!... Трубку!... товсь!... Иванцовъ, наводить, какъ слѣдуетъ, а то опять въ небо попадешь!... Не торопись!... Самую верхушку мушки...

— Пли!

Тяжело ухнуло орудіе. Клубъ дыма ворвался въ открытый портикъ.

— Замокъ!... Банникъ!... Ать — два — три — четыре!...

Унтеръ-офицеръ поставилъ палочку въ обтрепанной записной книжкѣ:

— Хорошо, Иванцовъ!.. Слѣдующій ... Михѣевъ!.. Орудіе № 13...Къ заряду!.. Снарядъ!..

«Номеръ тринадцать...опять! —» мелькнуло въ головѣ лейтенанта: «...нѣтъ, глупости...нельзя поддаваться этому!..»

— Лядовъ, — спросилъ онъ, чтобы дать другое направленіе мыслямъ, — много еще осталось не стрѣлявшихъ?

— Никакъ нѣтъ, Вашбродіе, почти вся смѣна кончила. Всего шестнадцать человѣкъ, а сейчасъ Михѣевъ — тринадцатый...

Лейтенантъ передернулъ плечами, подавляя невольную нервную дрожь: «Что это, я, кажется, становлюсь истеричной старой дѣвой?!... Надо будетъ попросить у эскулапа чего-нибудь бромистаго на ночь»...

— Лядовъ, поздно уже, пора кончать!

— Есть...Товсь!...

— Пли! — скомандовалъ Михѣевъ!

«Стрѣляющій номеръ» съ силой дернулъ шнуръ...Выстрѣла не послѣдовало.

— Осѣчка, — спокойно отмѣтилъ унтеръ-офицеръ...

Но въ тоже мгновеніе лицо его исказилось и, очутившись однимъ прыжкомъ рядомъ съ замоч-

нымъ, съ безмятежнымъ видомъ начавшимъ вращать рукоятку затвора, — онъ заревѣлъ:

— Лисицынъ...Балда!.. Закрывай!!..

Оглушительный ударъ...Длинное желтое пламя вырывается изъ полуоткрытаго замка. Густой дымъ наполнилъ батарею...

...Суетились фельдшера и санитары, укладывая на носилки глухо стонавшаго Лядова съ оторванной начисто лѣвой рукой и потерявшаго сознаніе Лисицына съ раздробленнымъ плечомъ. Въ углу докторъ, стоя на колѣняхъ въ лужѣ крови, — накладывалъ жгуты на изорванныя осколками замка ноги двухъ подносчиковъ...

— Да, вѣдь, вы тоже ранены, Эрнестъ Федоровичъ! — спохватился младшій врачъ, указывая на раплывавшееся красное пятно на лѣвомъ колѣнѣ его бѣлыхъ брюкъ.

— Пустяки. Я, какъ видите, держусь на ногахъ...Нѣтъ, нѣтъ, — отстранилъ онъ подоспѣвшаго фельдшера, — потомъ...Я зайду въ лазаретъ, а сейчасъ отправляйте скорѣе этихъ бѣднягъ въ госпиталь!

Нога немного болѣла, но боль заглушалась какимъ-то нарастающимъ въ душѣ радостнымъ чувствомъ: «Пронесло»...

... ..
... ..

Группа офицеровъ, бесѣдовавшая на ютѣ,

устремилась къ трапу при видѣ возвращавшагося съ берега катера.

— Ну какъ?! Что?!.. Всѣ благополучны?!... — посыпались вопросы, — Эрнестъ Федоровичъ скоро выпишется, докторъ?!..

Спрашивавшіе вназাপно замолкли... Не добродушномъ, всегда улыбающемся лицѣ весельчака — доктора появилось какое-то необычайно серьезное, грустное выраженіе,

— Въ чемъ дѣло? — спросилъ старшій офицеръ, — неужели со вчерашняго вечера стало хуже?!.. Вѣдь говорили...

— Эрнестъ Федоровичъ скончался сегодня угромъ... зараженіе крови... гангрена... спасти нельзя было, — тихо отвѣтилъ докторъ, снимая и протирая свой очки, — тѣ всѣ... съ оторванными руками и ногами — выживутъ... А тутъ, казалось, пустякъ — царапина... и вогъ... Эхъ, наша наука!..

Докторъ махнулъ рукой и направился къ трапу. Офицеры, — тихо разговаривая, послѣдовали за нимъ.

— Вотъ, смотрите, — горячился толстый старшій механикъ — убѣжденный спиритъ, — тринадцатое число, тринадцатое орудіе, тринадцатый стрѣлокъ... А опишите такой случай, — всѣ завопятъ, что преувеличено, подобрано!

Старшій офицеръ слушалъ его разсѣяннo, стараясь не упустить изъ памяти всего, что надо сдѣлать: сговориться съ батюшкой насчетъ панихидъ,

опечатать съ ревизоромъ каюту покойнаго, составить телеграмму...

Послѣднимъ незамѣтно проскользнулъ въ свою каюту Васенька, кусая носовой платокъ, чтобы не разревѣться при другихъ.

На палубѣ остался наблюдавшій за окраской командирскаго вельбота старшій боцманъ.

— Царство ему Небесное... — пробормоталъ старикъ, снимая фуражку и крестясь, — небось не скажешь теперь, что примѣты такъ себѣ — здря?! обратился онъ къ невидимому собесѣднику, — умны больно стали нонче. Всѣ подъ Богомъ ходимъ...

III

Въ мирные дни

ПИРАТЬ

Тишина, теплые лучи августовского солнца и сытный объѣдъ располагали къ дремотѣ. Сигнальщикъ Митяевъ въ третій разъ клюнулъ носомъ въ парусиновый обвѣсъ мостика... встрепенулся, покосился на крупную фигуру командира на другомъ крылѣ и, приставивъ къ глазамъ бинокль, началъ ревностно оглядывать голубую гладь сверкавшего на солнцѣ залива.

— Вашбродіе! Парусъ на лѣвую крамболу!

— Давно вижу его простымъ глазомъ, — усмѣхнулся командиръ, закуривая папиросу, — вздремнулъ, Митяевъ?!

Покраснѣвшій до ушей Митяевъ не успѣлъ ничего соврать. На мостикъ бомбой влетѣлъ боцманъ Антипычъ:

— Вашбродіе!.. онъ самый! Который, значитъ, удралъ! — выпалилъ онъ, еле переводя духъ.

— Кто? Что?!...

— Лайба, Вашбродіе, что на позапрошлой недѣлѣ подъ Вульфомъ проскочила.

— Ага!.. — оживился командиръ, — ты увѣренъ, Антипычъ?

— Такъ точно! Безъ сумлѣнія — «онъ»! Тотъ

же зеленый буртикъ — и латка на гротѣ... я ужъ тогда примѣтилъ.

Командиръ переставилъ ручку телеграфа на «полный»:

— Подъ носъ лайбѣ!

— Есть, подъ носъ лайбѣ, — эхомъ отозвалась рулевой, ворочая штурвалъ.

За кормой забурлила полоса бѣлой пѣны, и крейсеръ пограничной стражи «Лебедь» ринулся впередъ самымъ «параднымъ» ходомъ, какой только могла дать его игрушечная машина.

— Да, пожалуй Антипычъ былъ правъ... Это могла быть та самая двухмачтовая шхуна, что не огвѣчая на сигналы и не спуская запрещеннаго бѣло-голубого финляндскаго флага, воспользовалась налетѣвшимъ грозovýmъ шкваломъ со скрывшимъ ее проливнымъ дождемъ, чтобы проскочить въ усѣянный камнями фарватеръ. Крейсеръ, сидѣвшій къ тому же глубже нея, не могъ рисковать своей тонкой обшивкой, и пришлось бросить преслѣдованіе.

— Контрабандистъ — это, какъ пить дать, но — лихой морякъ, — рассуждалъ вполголоса командиръ, самъ парусникъ до мозга костей, — ну — сегодня онъ въ большомъ грузу и, какой бы ходокъ ни былъ, отъ насъ не уйдетъ!

Разстояніе быстро уменьшалось.

— Пушку!

Рѣзко тявкнулъ на бакѣ бронзовый «однофун-

товый единорогъ».

Лайба привела къ вѣтру и легла въ дрейфъ. Одновременно на гафелѣ развернулся трехцвѣтный русскій флагъ.

«Подозрительно», подумалъ командиръ, «это чрезмѣрное усердіе. Такъ же подозрительно, какъ и бѣгство въ прошлый разъ... Ну, увидимъ!»

— Самый малый... лѣво руля!.. Такъ держать! Кранцы съ лѣваго борта!..

Но Антипычъ уже угадалъ маневръ и, спустивъ за бортъ плетеные изъ толстаго троса кранцы, стоялъ наготовѣ съ наиболѣе расторопными «ребятами».

— Стопъ!.. Назадъ!.. Стопъ!..

Безъ малѣйшаго толчка крейсеровъ ошвартовился къ борту лайбы. Командиръ въ сопровожденіи боцмана и двухъ матросовъ перескочилъ на ея палубу. Изъ маленькой рубки вышелъ коренастый мужчина съ темнорыжими волосами подъ финской шапкой, въ вязаной фуфайкѣ неопредѣленнаго цвѣта и высокихъ сапогахъ. Въ углу рта дымилась короткая трубка.

— Вы капитанъ?.. Покажите свои судовыя бумаги.

Шкиперъ вынулъ трубку изо рта, выколотилъ ее объ подошву и жестомъ пригласилъ въ рубку.

Представленныя бумаги оказались въ полномъ порядкѣ. Отходное свидѣтельство порта Гангэ, выданное капитану шхуны «Вилпасъ», идущей съ гру-

зомъ дровъ въ Кашпервикъ, расписка объ уплатѣ портовыхъ сборовъ, коносаментъ на 265 сажень сосновыхъ дровъ и письмо владѣльца дровяного склада съ заказомъ на эти дрова.

Быстро просмотрѣвъ бумаги, лейтенантъ обратился къ шкиперу, посасывавшему пустую трубку:

— Это все?.. Другого груза нѣтъ?

— Нѣтъ... отинъ трова... — процѣдилъ финнъ.

— Вашбродіе, — шепнулъ Антипычъ, — не нравится мнѣ евонная рожа. Пока вы бумаги читали, онъ, чортъ, про себя ухмылялся!

— Осмотри судно, Антипычъ!

Черезъ двѣ минуты боцманъ вернулся:

— Въ кубрикѣ ничего, Вашбродіе, нѣту, а трюма не осмотрѣть, — все завалено дровами!

— Я прикажу разгрузить — и, если что либо найдется...

— Нѣтъ нишево... рюмъ — трова, палюба — трова... только трова... — упрямо твердилъ шкиперъ.

Лейтенантъ заколебался... Но въ этотъ моментъ ему показалось, что въ холодныхъ сѣрыхъ глазахъ финна на мгновенье вспыхнуло — и сейчасъ же погасло — какое то странное выраженіе.

— Антипычъ! Всю команду на лайбу! Перегрузить дрова на крейсеръ!

Работа закипѣла. Часъ — другой, летѣли полѣнья съ палубы лайбы на палубу крейсера, по-

ка... маленькое суденышко не оказалось заваленным до отказа, а трюмъ еще только на половину очищенъ.

Что дѣлать?! Взять его на буксиръ и вести въ Ревель? Но, во первыхъ, — нельзя покидать своего района — особенно сейчасъ, когда по «секретнымъ свѣдѣніямъ» таможни ожидается большая партія контрабанды, — а за тѣмъ... если дѣйствительно ничего не окажется, то не оберешься исторій! Сколько разъ просили, чтобы крейсера выслались попарно... Нѣтъ! Экономія не позволяетъ!

— Грузи обратно, ребята! — и лейтенантъ вернулся на свой мостикъ.

— Кончили, Вашбродіе!

— По мѣстамъ!.. Отваливай!

Шкиперъ подошелъ къ борту:

— Пошалуста, саписка фахтенни шурналь... нишево не нашоль...

Лейтенантъ готовъ былъ вспылить отъ этого спокойнаго и, какъ ему казалось, ироническаго взгляда шкипера, но, закусивъ губу, удержался... Формально финнъ былъ правъ! И неровнымъ отъ сдержанной злости почеркомъ онъ набросалъ въ прогянутой ему клеенчатой тетрадкѣ:

«5-го августа 1886 года при частичномъ осмогрѣ шхуны «Вилпасъ» никакихъ контрабандныхъ грузовъ не обнаружено»...

... ..
— Чортъ знаетъ, что такое! — кляпгился за завтракомъ на верандѣ Ревельскаго Морского Соб-

ранія, бравый ротмистръ пограничной стражи свирѣпо теребя свои длинные усы, — опять подъ носомъ проскользнули проклятые черти! По всей губерніи ихъ слѣды: финскія спички, безбандерольный табакъ... мелочь всякая! Что поцѣннѣе, давно уже прошло дальше! Коней загоняли, шатаясь ночью по побережью... Ничего! Нашли было одинъ слѣдъ: в Кашпервикѣ финская лайба выгрузила кучу дровъ, — а тамъ своихъ хогъ отбавляй! Подо-зри-тельно!.. Разузнали ея примѣты... нашли... положительно все перерыли... ничего! А шкиперъ еще тычетъ свой вахтенный журналъ — съ вашей отмѣткой, — обратился онъ къ сидѣвшему противъ него лейтенанту, — объ осмотрѣ груза, дѣлать нечего, пришлось отпустить съ миромъ!.. Но почему вы отмѣтили: «...частичный осмотръ»?..

Выслушавъ рассказъ, ротмистръ хватилъ кулакомъ по столу:

— Всегда такъ! Дѣлай чудеса — а средства то для этого даютъ намъ въ руки?!.. Правъ былъ вашъ Антипычъ, что не нравилась ему эта рожа... Ну, да не горюйте! Вамъ - то это вновѣ — ну и обидно, конечно. А мы уже навидались этихъ номеровъ. Когда нибудь будетъ и на нашей улицѣ праздникъ!.. Федотычъ, еще рюмку! — философски-спокойнымъ тономъ закончилъ онъ, обращаясь къ буфетчику:

II

Задрезжавшій въ передней звонокъ заставилъ вздрогнуть молодую женщину, прильнувшую къ

окну маленькаго домика на Нарвской улицѣ. Въ передней слышались голоса:

— Вотъ какъ? Барина дома нѣтъ? Барыня? ... да, нѣтъ... не стоитъ беспокоить... Простите, — прервалъ самъ себя молодой мичманъ, увидѣвъ хозяйку дома, — я на минутку забѣжалъ... книжку одну хотѣлъ попросить... думалъ, что Освальдъ Петровичъ уже дома... — мичманъ покраснѣлъ и путался, — да, значить его еще нѣтъ?.. Ну, я попозже опягъ забѣгу... Простите за беспокойство!

Проводивъ гостя, молодая женщина вернулась на свой наблюдательный постъ и снова прильнула къ холодному стеклу, по которому сбѣгали крупныя капли проливнаго дождя.

На пустынной улицѣ стояли большія лужи, подергивавшіяся мелкой рябью подъ порывами осенняго вѣтра. Башни и шпицы церквей на Вышгородѣ исчезли за густой сѣрой завѣсой. Сквозь деревья парка смутно угадывалась дамба гавани, черезъ которую должна была перелетать пѣна бьющихся объ нее крутыхъ сѣрыхъ волнъ.

Темнѣло... Въ трубѣ глухо завывалъ вѣтеръ. Гдѣ-то скрипѣла и хлопала ставня. Въ сосѣдней комнатѣ заплакалъ ребенокъ. Стиснувъ руки, она не слышала, поглощенная одной мучительной мыслью.

Два дня тому назадъ онъ ушелъ въ море, обѣщавъ вернуться къ вечеру. Это было въ сре-

ду... да... Сегодня суббота — и ничего! А тутъ, съ утра, то одинъ, то другой изъ его товарищей забѣжитъ «случайно». Это уже пятый... Супруга командира порта, — преважная дама, — вдругъ заѣхала въ такую-то погоду! — «вглянуть на бэбэ»... И всѣ они какъ-то подчеркнуто беззаботны и веселы, какъ то дѣлanno удивляются, что не застали хозяина дома.

Господи Боже, что съ нимъ?!..

Вѣдь это ради нея, ради ребенка, онъ отказался отъ страстно любимой службы на красавцахъ-фрегатахъ и корветахъ, отъ дальнихъ плаваній, чтобы временно принять командованіе пограничнымъ крейсеромъ — болѣе выгодное въ матеріальномъ отношеніи, болѣе спокойное... «Болѣе спокойное!» Она горько улыбнулась.

Снова звонокъ! Она выбѣжала въ переднюю... Вѣстовой снималъ пальто съ капитана I ранга съ обвѣтреннымъ лицомъ и сѣдѣющей бородой, въ которой блестѣли капли дождя.

— Ну, какъ поживаетъ мой крестникъ? — привѣтствовалъ онъ хозяйку.

Она не обратила вниманія на вопросъ.

— Что вы знаете? Есть отвѣтъ?!.. — задыхаясь спросила она въ свою очередь.

— Нѣтъ. Я прямо съ телеграфа. Опросили всѣ, посты... ничего... — и, спохватившись: — не надо тревожиться! Отстаивается въ какой-нибудь Богомъ забытой бухточкѣ... Завтра утромъ навѣр-

ное узнаемъ! Ну, покажите же, наконецъ, вашего наслѣднаго принца!

Спустилась осенняя ночь... Не затихая вылъ вѣтеръ, барабанилъ по стекламъ дождь. За чайнымъ столомъ, у поющаго самовара, разговоръ не ладился. Мысли обоихъ собесѣдниковъ были далеко... тамъ... тамъ, гдѣ на просторѣ злился и вылъ осенній ураганъ. Старый морякъ сосредоточенно курилъ папиросу за папиросой. Остывалъ въ стаканѣ давно налитый чай. Молодая мать машинально покачивала на колѣняхъ заснувшаго ребенка и смотрѣла неподвижнымъ взглядомъ въ темное окно. Оба напряженно вслушивались, ловя шумъ шаговъ на улицѣ... Но только вой вѣтра, мелкая дробь дождя и мѣрное постукиваніе стѣнныхъ часовъ нарушали мертвую, полную то ки и скрытой угрозы тишину...

Маленькій крейсерокъ вторыя сутки борется съ встрѣчнымъ штормомъ, еле выгребая противъ короткой, крутой волны, обрушивающейся на палубу съ какимъ то злобнымъ шипѣніемъ и свистомъ. Косые паруса кое какъ помогаютъ держаться на курсѣ... Впрочемъ, можетъ ли быть и рѣчь о курсѣ?! Все сводится къ тому, чтобы какъ-то держаться противъ все свѣжѣющаго шторма.

На мостикѣ, вцѣпившись коченѣющими пальцами въ поручни, ежеминутно обдаваемые ледяной волной, — командиръ, сигнальщикъ и старикъ-боцманъ, по какому то смутному чутью рѣшившій,

что его мѣсто въ этой борьбѣ за жизнь — рядомъ съ командиромъ.

Митяевъ сегодня не дремлетъ. Отбросивъ бесполезный бинокль, онъ впивается зоркими молодыми глазами въ густую завѣсу дождя и сѣро-зеленую, взбаламученную водную массу, сливающуюся со свинцовымъ небомъ.

— Лайба!.. Двѣ лайбы справа по носу, Вашбродіе!

— Здорово ихъ раздѣлало... У одной гротъ начисто срѣзанъ...Сигналь о бѣдствіи держитъ!.. — кричалъ сквозь вой вѣтра боцманъ, вглядываясь въ неясные силуэты двухъ парусниковъ. — Вашбродіе, да вѣдь это опять онъ!.. Чухна проклятый!

Командиръ вздрогнулъ... Вспомнилась насмѣшливая улыбка шхипера, протягивавшаго свой «фахтенни шурналь», вспыхнуло снова чувство жгучей обиды и досады, вызванное рассказомъ ротмистра.

Положеніе лайбы отчаянное... но никто... никто не сможетъ его упрекнуть въ томъ, что онъ не подалъ помощи, когда собственному кораблю грозила ежеминутная гибель... Никто ни товарищи, ни начальство!

— Онъ, онъ! — твердилъ Антипычъ: — Бѣдствуешь?! Туда тебѣ и дорога, дьяволь!

Рѣзкимъ движеніемъ лейтенантъ перегнулся къ штурвалу:

— Поль-румба лѣво!

— Есть, поль-румба лѣво, — хрипло зарычалъ привязанный къ штурвалу рулевой.

Крейсеръ вздрогнулъ подѣ ударомъ прокатившейся черезъ бакъ волны.

— Бросательные концы приготовить! Антипычъ, посмотри на ютѣ, чтобы буксиръ какъ слѣдуетъ завернули!

Антипычъ молча вытаращилъ глаза.

— Ну?!.. Не понялъ?!

Только продѣлавъ сложную гимнастику спуска съ мостика на палубу, Антипычъ раскрылъ ротъ: «...Ей-Богу жѣ, чудной командиръ! Самимъ бы дай Богъ ноги унести, а тутъ другихъ спасать!.. Добро бы еще хрестьянскія души какія, а то эдакую сволочь желтоглазую!» Ворча все это себѣ подносъ, онъ объяснялъ въ то же время командѣ — жестами и подзатыльниками — нужную работу. Высказать (про себя!) свое мнѣніе онъ считалъ себя безспорно въ правѣ, — но приказаніе оставалось приказаніемъ!

Черезъ полчаса «Лебедь» «танцевалъ», какъ выражался Антипычъ, на вѣтрѣ у первой лайбы. Понявъ задачу, машина и руль схватывали на лету отрывистыя команды и исполняли ихъ мгновенно. Десять разъ казалось, что обломокъ бушприта лайбы вонзится въ хрупкій бортъ крейсера... но нѣтъ! Десятокъ разъ бросательные концы «про-

мазывали», или выскальзывали изъ окоченѣвшхъ рукъ, пытавшихъ ихъ схватить.

Наконецъ!..

«Слава Те, Господи!..» вздохнулъ Антипычъ, когда брошенный имъ самимъ конецъ былъ схваченъ, и буксиръ, выползая изъ пѣны, появился на борту лайбы. Финны ожили. Дюжия руки вцѣпились въ мокрый, скользящій тросъ и поволокли его на шпиль.

— Завернуть!

— Самый малый впередъ!

Антипычъ суетится на ютѣ, вытравливая понемногу буксиръ. Лайба тронулась, тяжело качаясь на неутихающей еще волнѣ. Еще добрый часъ возни со второй. Раза три рвутся поданные концы... Наконецъ и она, медленно разворачиваясь, ложится въ кильватеръ первой. Пыхтитъ и шипитъ слабенькая машина крейсера, таща черезъ силу этотъ необычный грузъ...

— Милостивъ Господь, — бормоталъ Антипычъ, накладывая собственноручно стопора на канатъ.

Крейсеръ стоялъ въ глухой бухточкѣ подъ защитой поросшей сосновымъ лѣсомъ песчаной косы. Гдѣ-то далеко вспыхивалъ и погасалъ проблесковый огонь маяка. Въ двухъ кабельтовыхъ качались на заходившей въ бухту крупной зыби обѣ лайбы.

— Ну — и должонъ же этотъ рыжій чортъ поставить пудовую свѣчку своему чухонскому Миколѣ-Угоднику! Быгъ ему сегодня на днѣ, кабы не нашъ командёръ.. Чудной ... а все-таки орелъ! — закончиъ Антипычъ свой внутренній монологъ, направляясь на шканцы.

Въ камбузѣ — впервые за двое сутокъ — весело трещалъ огонь. У ендозы оживленно толпилась команда въ ожиданіи экстренной «чарки».

... ..

— Барыня! — бомбой влетѣлъ въсеговой Лаптевъ, — «Лебедь» въ гавань входитъ! Двѣ лайбы на буксирѣ приволокъ!.. На «Кречетѣ» и «Ныркъ» команду во фронтъ вызвали — уру кричать!

Молодая женщина порывисто поднялась, прижимая къ себѣ заплакавшаго отъ испуга ребенка:

— А... баринъ?! — сорвалось съ ея побѣлѣвшихъ губъ.

— На мостикъ... швартуюся. Мокрешеньки, — а смѣются! Крикнули, что сейчасъ будутъ... Ту-журку почистить надо. Самоваръ прикажете поставить?! — тараторилъ сіяющей Лаптевъ. Господи, — спохватился онъ, — лимона то, кажись-больше нѣту! Дозвольте, барыня, я чичасъ слетаю въ лавочку!

III

Іюльское солнце пекло немилосердно. Все живое попряталось. Даже куры, рывшіяся въ тонкой

пыли единственной улицы Балтійскаго Порта, залегли въ тѣни трехъ чахлыхъ березокъ, лишь изрѣдка открывая одинъ круглый, глупо-удивленный глазъ. На зеркальной поверхности рейда дремали «исполняющія обязанности нѣмецкихъ броненосцевъ» (по случаю большихъ маневровъ) «старыя калоши» учебныхъ отрядовъ.

Мѣшая послѣобѣденному отдыху куръ, шагаль — въ тѣни тѣхъ же трехъ березокъ — мичманъ, нетерпѣливо поглядывавшій на свои часы. Изъ-за угла показалась фигура кондуктора съ потертымъ потфелемъ подъ мышкой.

— Ну что, Григорьевъ?! — крикнулъ, едва увидя его, мичманъ.

— Ничего нѣтъ! — докладывалъ кондукторъ, снимая фуражку и вытирая клѣтчатымъ платкомъ мокрый лобъ, — все обѣгалъ... Вездѣ — хоть шаромъ покати! Позавчера Кадетскій Отрядъ начисто все забралъ! Ни капусты, ни картошки — ну ровно ничего!

Мичманъ нахмурился:

— Конечно, не наша съ вами вина, Григорьевъ, что вмѣсто трехъ дней похода седьмая сутки бродимъ... но все же...

— Да ужъ, конечно, командиръ не похвалятъ, если обѣдъ не по расписанію будетъ, — закончилъ за него баталеръ, посмѣиваясь своими умными, темными глазами.

— Ну какъ же быть?!.. Неужели такъ уже рѣ-

шително нигдѣ нѣтъ? Подальше, можетъ быть... на фермахъ?

— Спрашивалъ. Нѣтъ да нѣтъ!.. Вотъ, развѣ...

— Что?! — нетерпѣливо перебилъ мичманъ,

— Лавочникъ въ мелочной сказывалъ, что есть тутъ одинъ человѣкъ... У него, пожалуй, можно найти...

— Ну?!..

— Да неладно только съ нимъ... Не всѣ у него дома, говорягъ. Сидитъ сычемъ въ своемъ домѣ и никого на порогъ не пускаетъ. Богатый... Болтаютъ тоже, что неладными путями сколотилъ деньгу. Чуть ли не морскимъ разбойникомъ въ молодости былъ. Извѣстно — народъ необразованный — всякимъ баснямъ готовъ вѣрить, — снисходительнымъ тономъ закончилъ баталеръ въ сознаніи своего превосходства надъ «народомъ».

— Такъ въ немъ же дѣло?! Айда къ морскому разбойнику за картошкой! — крикнулъ повесѣлѣвшій мичманъ, — гдѣ онъ живетъ?!

— За городомъ... по пути къ маяку. Надъ самымъ обрывомъ домикъ.

.....

— Уфъ! — вздохнулъ мичманъ, преодолевая послѣдній уступъ крутой тропинки, — добрались, наконецъ, до пирата и картошки!.. Но, посмотрите, Григорьевъ, — перебилъ онъ самъ себя, — на этотъ заборъ.

— Я ужъ гляжу, господинъ ревизоръ... кажись, все со старыхъ кораблей набрано.

— Ну да! Вотъ даже съ названіемъ; «Magi...пе...» D...pi... — нѣмецкая... изъ Данцига, повидимому. А вотъ — ясно видно; «New castle»... — англичанинъ... А это! — указаль онъ на дверь домика.

«Это» оказалось частью кормового балкона со стараго паруснаго корабля начала прошлаго вѣка: тяжелую дубовую дверь окаймляли вычурныя точеныя колонки, а надъ нею два льва со скудными слѣдами позолоты поддерживали какой то расщепленный и совершенно вылинявшій гербъ.

Раздавшійся внезапно, надъ самымъ ухомъ, яростный лай заставиль невольно вздрогнуть обоихъ посѣтителей. За заборомъ бѣсновалась пара громадныхъ псовъ — помѣсь волкодавовъ съ какой-то другой крупной породой.

— Дверь открыта... Не войти ли лучше? — предложиль баталеръ, косясь на собакъ, дѣлавшихъ отчаянныя усилія, чтобы протиснуться между планками. Вошли... За домомъ раздался голосъ, очевидно окликаувшій собакъ: лай перешель въ глухой ворчанье.

На другомъ концѣ прихожей, лишенной какой либо мебели, отворилась дверь, и на порогѣ появилась крупная, сугуловатая фигура старика. Рыжіе съ сильной просѣдью волосы были всклокочены, изъ подъ густыхъ сѣдыхъ бровей смотрѣла пара холодныхъ сѣрыхъ глазъ, недружелюбно оглядывая непрошенныхъ гостей.

— Я ревизоръ съ военнаго корабля. Намъ нужна зелень, и мнѣ сказали... — началъ мичманъ.

— Нэ понимай... Забилъ русски, — буркнулъ хозяинъ.

— Sprechen Sie Deutsch?... Speak you English? — попытался мичманъ.

— Deutsch?... Wenig... schlecht... English?! As much as you like, — отозвалась странная фигура: — An officer of the Navy... It's long ago... — бормогалъ онъ себѣ подъ носъ, оглядывая мичмана.

— Come in, Sir, — рѣшился онъ вдругъ, отворяя другую дверь.

Мичманъ вытаращилъ глаза... Небольшая квадратная комната, выходящая двумя окнами прямо на море, привела бы въ восторгъ художника, задавашагося цѣлью нарисовать кабинетъ Плюшкина. Съ той только разницей, что безчисленные «коробочки, баночки и скляночки» дополнялись здѣсь коллекціей самыхъ разношерстныхъ предметовъ, каковыхъ, навѣрное, не было въ жилищѣ голлевскаго героя. На стѣнѣ виднѣлось заржавленное старинное оружіе — абордажные палаши, топоръ, двѣ или три пары допотопныхъ пистолетовъ. Висѣло нѣсколько исчерченныхъ карандашомъ и засиженныхъ мухами морскихъ картъ. На колченогомъ верстакѣ, у окна, рядомъ съ грудой коробокъ изъ подъ гильзъ и килечныхъ жестянокъ, лежала безпорядочная куча книгъ. Любопытный взглядъ мичмана успѣлъ размограть нѣсколько, случайно не

покрытыхъ густой пылью, корешковъ: англійскія лоціи, истрепанный, какого то невѣдомаго года, «Nautical Almanach», нѣсколько разрозненныхъ томиковъ Диккенса.

По всей комнатѣ, по полу и по мебели, бродило дюжины двѣ желтыхъ, черныхъ и бѣлыхъ цыплятъ, рывшихся съ пискомъ въ покрывавшемъ всю обстановку густомъ слоѣ пыли. Между окнами стояла очаровательная колонка красного дерева — чистѣйшаго стиля Амфиръ, — на ней обшарпанный спасательный кругъ съ полустертой надписью «Держава» «какъ его занесло сюда... съ Императорской яхты?!...» подумалъ мичманъ». Изъ этой импровизированной рамки выглядывалъ ослабившійся, пожелтѣвшій человѣческой черепъ, державшій въ зубахъ сиреневый дамскій чулокъ.

Обводя взглядомъ комнату, мичманъ вдругъ замеръ отъ удивленія... Въ нишѣ большой глинобитной печи красовался — набросанный крупными штрихами, углемъ, — типичный шхерный видъ: скалы, сосны и вода — точная копія маленькаго рисунка углемъ же, висѣвшаго у него дома надъ письменнымъ столомъ

— Откуда у васъ это?!..

— Знакомый одинъ рисовалъ... Давно... Да вамъ что? Вы не знали его.

— Ну, такъ я вамъ скажу!... Это рисовалъ — лѣтъ двадцать пять тому назадъ — капитанъ I ранга Леонардъ фонъ Шаренбергъ!

— Вы знали стараго Шаренберга?!.. — Жесткое выраженіе сѣрыхъ глазъ нѣсколько смягчилось.

— Я его не помню, но онъ былъ моимъ крестнымъ отцомъ...

— Кто же вы такой? Ваше имя?!

Мичманъ назвалъ себя. Старикъ оживился:

— Родственникъ лейтенанта, друга Шаренберга?!

— Сынъ...

— Сынъ... Зналъ я его... хорошо, очень хорошо... Живъ, здоровъ?

— Умеръ давно... Десять лѣтъ тому назадъ...

На лицо старика набѣжала тѣнь. Бормоча что то подъ носъ, онъ подошелъ къ стѣнному шкафу, досталъ пыльную бутылку и курьезныя, старинныя рюмки.

— Присаживайтесь. Не откажите выпить рюмку. Хорошій, старый Порто... Умеръ... Да, давно это было. Хорошій былъ человѣкъ, ...золотое сердце... настоящій морякъ... — говорилъ онъ, наливая густое вино. — Бывали они у меня со старымъ Шаренбергомъ... вотъ здѣсь сидѣли, — показалъ онъ на старый диванъ.

Мичманъ задумался... Что могло быть общаго между отцомъ и этимъ страннымъ старикомъ?!

Тотъ какъ бы прочелъ его мысль. Въ сѣрыхъ глазахъ мелькнула насмѣшливая искорка:

— Вы спрашиваете себя, что могло привести вашего отца — офицера — въ берлогу стараго кон-

трабандиста... Такъ? — Мичманъ смутился. — Да, да... Я занимался этимъ дѣломъ... возилъ контрабанду. А вашъ отецъ ловилъ ее. Встрѣчались мы... и не всегда хорошо... Но разъ — въ самый скверный день моей жизни — онъ забылъ, что имѣетъ дѣло съ врагомъ и оказалъ мнѣ самую, великую услугу, какую можно сдѣлать человѣку. А позже — отстаиваясь здѣсь со своимъ крейсеромъ въ осенніе шторма — не отказывался заглянуть въ мою берлогу и выпить рюмку этого самаго стараго вина... Будьте спокойны — онъ заходилъ только къ старому моряку, — подчеркнул старикъ послѣднее слово. — Я обѣщаль бросить свое ремесло...

— И дѣйствительно бросили?! — сорвалось у мичмана.

Сѣрые глаза опять усмѣхнулись.

— Я сдержалъ свое слово и больше ни разу не выходилъ въ море... по крайней мѣрѣ на его дежурствахъ, — закончилъ онъ неожиданно послѣ маленькой паузы и, протягивая рюмку: — За его память!

— Но какое дѣло привело васъ ко мнѣ? — перемѣнилъ онъ тему разговора, — если могу чѣмъ нибудь служить, рассчитывайте на меня. Для его сына я сдѣлаю все!

.....

Вереница людей вахтеннаго отдѣленія таскала по трапу мѣшки съ картофелемъ, капустой и прочей снѣдью. Суетился и распоряжался баталеръ, улыбаясь при воспоминаніи о кислой физиономіи

своего коллеги съ сосѣдняго корабля, съ завистью наблюдавшаго на пристани за погрузкой всѣхъ этихъ богатствъ.

А въ командирскомъ помѣщеніи довольный удачей «капитанъ» говорилъ командиру флагманскаго корабля, съ которымъ они всегда «цапались»:

— Да... провизіи у насъ теперь хватитъ! Молодцомъ развернулся мой ревизоръ... не въ примѣръ нѣкоторымъ старшимъ товарищамъ. Молодъ, правда, еще, надо немного подтягивать. Но, надѣюсь, выйдетъ толкъ, пойдетъ въ отца... Я еще мичманомъ плавалъ съ его батюшкой заграницей-на старомъ «Баянѣ», — и, наливая свѣжую рюмку марсалы, командиръ пустился въ безконечныя воспоминанія о давно прошедшихъ дняхъ.

ЭКОНОМІЯ

— Изъ правой бухты вонь!.. Отдать якорь!
Всплескъ воды, грохотъ каната.

— Восемнадцатъ сажень на клюзѣ! — доложилъ артиллерійскій офицеръ, оборачиваясь въ мостику.

— Стопора положить!.. Подвахтенные внизъ!

Канонерка начала медленно разворачиваться по вѣтру. Съ обоихъ бортовъ тянулся обычный шхерный пейзажъ: сосны и скалы, скалы и сосны... Кое гдѣ темно-зеленая стѣна лѣса прерывалась бѣлыми черточками березокъ. Ни жилья, ни души.

Офицеры сошлись на ютѣ. На спускавшася съ мостика, со сверткомъ картъ подъ мышкой, штурмана посыпались вопросы:

— Эта дыра упоминается въ географіи? — язвительно спрашивалъ артиллеристъ.

— Куда ты насъ завелъ, Сусанинъ?! — пропѣлъ дѣланнымъ басомъ молодой докторъ.

— Послушайте, молодой, — пробурчалъ старшій офицеръ, — вы плохо выспались сегодня, что ли, что поставили насъ опять къ чорту на кулички?!

Штурманъ — безусый молодой мичманъ — поднялъ плечи и скорчилъ презабавную гримасу, долженствовавшую изображать полнѣйшую невинность и безпомощность:

— Вы же знаете, Константинъ Владиміровичъ, принципъ капитана: Не ближе шести миль отъ населеннаго мѣста!.. Да, впрочемъ, поговорите съ нимъ самимъ! — и мичманъ, лукаво мигнувъ въ сторону приближавшагося командира, скрылся въ каютъ-компанейскомъ люкѣ.

— Хорошо, господа, неправда-ли?! — произнесъ командиръ, потягиваясь на солнцѣ, — а, воздухъ-то какой!

— Да... воздухъ... такъ точно... прекрасный... — слышались голоса, въ которыхъ трудно было уловить нотку искренняго убѣжденія.

— Куда лучше, — продолжалъ командиръ, не замѣчая весьма слабаго энтузіазма своихъ слушателей, — стоятъ здѣсь, чѣмъ у грязной пристани какого нибудь городишки... И команда будетъ довольна — вмѣсто кабаковъ — лѣсъ, чистый воздухъ! Прикажите, Константинъ Владиміровичъ, — послѣ обѣда спустить барказъ и шестерку и отправьте свободную команду въ лѣсъ. Здѣсь грибовъ, навѣрное, уйма! — и, не дождавшись мрачнаго «есть!» старшаго офицера, командиръ спустился въ свое помѣщеніе,

Обѣдъ прошелъ подъ знакомъ общаго будированія. Особенно ворчали мичмана.

— Недѣля отдыха! — Меланхолически вздыхалъ штурманъ, — поднимайся ни свѣтъ-ни заря, торчи цѣлый день на мостикѣ, считай вѣшки и примѣтныя пятна, а къ вечеру — извольте стоять, чортъ знаетъ, гдѣ!.. Константинъ Владиміровичъ,

неужели такъ и не будетъ сообщенія съ берегомъ?!

— На берегъ? Пожалуйста, сколько угодно... за грибами! — кисло-сладко отозвался «старшой», — а гонять катеръ за семь миль въ Ловизу командиръ признаетъ излишнимъ.

— Да, ужъ отдыхъ!.. Пятая сѣтки нѣтъ свѣжихъ булокъ къ чаю! — поддержалъ ревизоръ, выдавая свою слабую сторону — «чревоугодіе», которымъ изводилъ его докторъ.

— Ну, господа, веселитесь, какъ хотите, а я пошелъ спать! — заключилъ старшій офицеръ, поднимаясь изъ-за стола. Офицеры разбрелись по каютамъ.

Въ два часа, за чаемъ, собрались тѣ же кистля и къ тому еще и заспанная физиономія; не хватало лишь браваго поручика Сорина, добродушно согласившагося съѣхать съ командой, вмѣсто подвахтеннаго мичмана.

— Ну, что носы повѣсили?! — заговорилъ «каютъ-компаньонъ» — старшій (и единственный) механикъ лодки, помогли бы лучше мнѣ справиться съ трудной задачей — накормить этихъ живоготовъ, — широкій жестъ въ сторону мичмановъ, — да еще и «вкусно», да «поэкономнѣе», чтобы не беспокоить пустыхъ кармановъ... Нечего, нечего! — остановилъ оцъ нахохлившагося ревизора, — вы, ревизоръ, всегда лопаете за двоихъ, а молодой, — когда онъ въ любовномъ горѣ, — по разсѣянности, и за троихъ!.. Поѣхали бы на берегъ, набрали бы черники — сейчасъ ея здѣсь непчатый уголъ! — и завтра вамъ будетъ такой пирогъ...

— Оно, пожалуй, дѣло, — согласился старшій офицеръ, — кто ѣдетъ.. Подадите хорошій примѣръ, отецъ-кормилецъ?

— Конечно!

— Артиллерія?

— Съ удовольствіемъ! — отозвался артиллеристъ, набивая портсигаръ на дорогу.

— Ревизоръ вступаетъ на вахту... Молодой?!

— А?.. — томно отозвался штурманъ, взгромоздившійся на свою койку и тщетно пытавшійся подобрать на гитарѣ второй аккордъ «сердцеципательнаго» романса, — что то не хочется!..

— Ну, ладно, ладно! Оставьте томные вздохи и вашу проклятую балалайку до Кронштадта!.. Ѣдемъ!

Черезъ десять минутъ четверо офицеровъ высаживались съ вельбота на гряду плоскихъ камней, у которыхъ стояли уже барказъ и шестерка.

— А капитанъ правъ. Дѣйствительно хорошо! — произнесъ старшій офицеръ, продѣлывая нѣсколько гимнастическихъ движеній, — воздухъ хоть куда!

Въ самомъ дѣлѣ было хорошо. Отъ нагрѣтаго лѣтнимъ солнцемъ сосноваго лѣса шелъ бодрящій смолистый запахъ. Темныя верхушки четко вырисовывались на блѣдно-голубомъ, безоблачномъ небѣ. Сквозь темно-зеленый коверъ мха проступали розовыя, сѣрыя, темно-красныя глыбы гранита. Тамъ и сямъ, алыми пятнами, врѣзывались зарос-

ли цвѣтущаго вереска. Въ лѣсу мелькали бѣлыя рубахи команды,

— Полюбовались — и будетъ!.. За работу, молодцы! — весело крикнулъ механикъ, раздавая привезенныя корзины.

Черники, дѣйствительно, оказалась «уйма». Корзинки быстро наполнялись, но впереди открывались все болѣе богатыя «поля». Время летѣло незамѣтно.

II

Вдали прозвучалъ горнъ. Сборъ!

— Уже?!.. Быстро прошло время, — сказалъ механикъ, разгибая спину, — ну, да и набрали достаточно! Куда же итти?!

— Туда! — указалъ впередъ мичманъ.

— Нѣтъ, горнъ былъ оттуда! — отозвался старшій офицеръ, указывая направо.

— Ни туда, — ни сюда! — вмѣшался артиллеристъ — а назадъ! — Впереди береза и ольха — болото, а мы высадились на камняхъ, среди сосенъ и болотомъ не шли.

— На барка-а-а-зѣ! — крикнулъ старшой. Изъ за густой чаши кустарника справа раздался какой то крикъ. — Ну, вотъ, видите! — и старшій офицеръ рѣшительно зашагалъ въ этомъ направленіи.

Остальные послѣдовали. Отвѣтный крикъ повторился нѣсколько разъ, все приближаясь, и черезъ пять минутъ показался матросъ, отмахивавшійся отъ назойливыхъ комаровъ цѣлой молодой березкой, вырванной съ корнемъ.

— Терентьевъ! — крикнулъ механикъ, узнавъ одного изъ своихъ кочегаровъ, — гдѣ шляпки?

— Не могу знать, Вашбродіе...такъ что заплутамши.

Офицеры переглянулись,

— Ну, иди за нами! — рѣшилъ старшій офицеръ, продолжая путь. — Крикнемъ всѣ сразу авось услышатъ эти глухія тетери!

— На барка-а-а-зѣ!...—рявкнуло пять голосовъ. Прислушались...Гдѣ то впереди послышался крикъ.

— Идемъ, скорѣе! — заторопилъ старшій офицеръ.

Черезъ пять минутъ вышли на прогалину. На другомъ концѣ ея сидѣли на большомъ валунѣ двѣ фигуры. Одна матросъ, какъ матросъ, но другая!.. Не то негръ, не то чортъ! При видѣ офицеровъ обѣ фигуры вскочили и неистово замахали на нихъ руками. Офицеры въ недоумѣній остановились...Тѣмъ временемъ бѣлая фигура бросилась куда-то въ сторону, въ кусты. Черезъ минуту она вынырнула изъ-за густой заросли и оказалась въ-стовымъ Пантелѣевымъ.

— Ваш-бродіе! — кричалъ онъ на бѣгу, — не ходите впередъ...топъ!

— Въ чемъ дѣло? Что это за черномазый? Гдѣ шляпки?! — засыпалъ его вопросами старшій офицеръ.

— Энто ... Сидоровъ, Вашбродіе, — переводя духъ докладывалъ Пантелѣевъ, — такъ что чуть.

не втопъ въ этомъ проклятомъ омутѣ...еле вы-
волокъ его. Шлюпки?!...не могу знать. Мы съ до-
роги сбимшись.

— Часъ огъ часу не легче! — пробормоталь
мичманъ и прикусилъ языкъ отъ свирѣлаго взгля-
да «старшого».

Тѣмъ временемъ появился и Сидоровъ, — съ
ногъ до головы покрытый липкой, черно-зеленой,
испускавшей сильный запахъ гнили, болотной
грязью.

— Хорошъ красавецъ!

— Такъ точно, Вашбродіе, — виновато улыб-
нулся Сидоровъ, — совсѣмъ было затянуло, да,
спасибо Пантелѣеву, — выволокъ за воротъ!

— Все это хорошо...но куда же итти? — обра-
тился старшій офицеръ къ своимъ спутникамъ, —
штурманъ, опредѣляйтесь!

— Мы высадились на восточный берегъ, —
соображалъ вслухъ мичманъ, — сейчасъ солнце на
западѣ...Слѣдовательно, надо итти туда! — и онъ
указаль въ сторону лѣса, гдѣ на верхушкахъ
березъ задерживались еще послѣдніе косые лучи
солнца.

— Правильно!...Впередъ!

Послѣ десяти минутъ продиранія сквозь гу-
стую заросль ольхи, осины и молодого березняка
внезапно вышли на проселокъ, аккуратно и плот-
но укатанный, какъ всѣ финскія дороги.

— Ура! — съ гордостью воскликнулъ мич-

манъ, — такъ и есть! Дорога насъ прямо выведеть на берегъ!

Зашагали...Сумерки погасли. Стемнѣло. Черезъ дорогу потянулись бѣлыя полосы тумана. Наконецъ, слѣва блеснула вода.

— Ну вотъ, я говорилъ же! — торжествовалъ мичманъ, — Айда, наперерѣзъ! — и, соскочивъ на поляну, побѣжалъ въ сторону воды. Но черезъ два-три прыжка — увязъ по колѣна въ предательской, прикрытой густой травой, почвѣ...Болото!

А дорога, — какъ на зло, — поворачивала въ противоположную сторону! Остановились...

— Стрѣляютъ! — крикнулъ вдругъ мичманъ, прислушавшись.

— Ракеты... — поправилъ артиллеристъ.

Ракетъ не было видно за лѣсомъ, но звукъ ихъ разрывовъ ясно доносился со стороны воды. Очевидно на лодкѣ беспокоятся о пропавшихъ и показываютъ дорогу.

Послѣ ряда попытокъ, закончившихся увязаніемъ въ болотѣ, нашли, наконецъ, твердую почву — опять сосны да камни, — но какіе! Беспорядочно нагроможденные другъ на друга валуны, обросшіе кустами цѣлкой ежевики, можжевелькомъ и папоротниками...Дѣлать нечего — взяли курсъ, и впередъ! Карабкались, скользя и падая, упорно продвигаясь къ цѣли — водѣ.

Солидная фигура механика, шагавшаго впереди, вдругъ исчезла подъ аккомпаниментъ крѣпка-

го словечка. Пришлось общими усилиями вытаскивать его из предательской щели между двумя камнями. Но, какъ бы въ утѣшеніе, сейчасъ же вслѣдъ за этимъ инцидентомъ, вышли на тропинку, шедшую въ нужномъ направленіи.

— Ну, какъ... всѣ цѣлы? — спрашивалъ старшій офицеръ, отдирая прицѣпившіяся къ кителю колючія вѣтки.

— Нога ободрана, но цѣла... Вотъ только здѣсь что то дуетъ — отозвался механикъ, ощупывая свою «корму».

На тропинкѣ было свѣтло — взошедшая луна заливали лѣсъ своимъ зеленоватымъ сіяніемъ. Дружный взрывъ хохота отвѣтилъ несчастной жертвѣ «финскихъ хладныхъ скалъ»: при каждомъ его шагѣ за кормой забавно разлетались два бѣлыхъ треугольника, выдранныхъ при паденіи изъ брюкъ. Передавъ свою корзинку одному изъ матросовъ, бравый капитанъ двинулся дальше, сгидливо придерживая эти «клапана», неприятно пропускавшие сырой ночной воздухъ.

Черезъ четверть часа ходу подошли къ темной, поблескивавшей при лунномъ свѣтѣ водной поверхности.

— А вотъ и избушка Бабы-Яги! — крикнулъ мичманъ, направляясь къ спрятавшемуся подъ соснами, у самой воды, домику.

Постучали... Неистовый лай нѣсколькихъ собакъ отвѣтилъ нарушителямъ ночного покоя. Про-

шло не мало времени, пока появился заспанный, бѣлобрысый «чухна».

— Ловиза...гдѣ Ловиза?! — надрывался «старшой».

— Lovisa?!?... — Парень наконецъ проснулся и ткнулъ пальцемъ въ сторону воды.

— А на что намъ Ловиза? — вмѣшался механикъ, — у него есть шлюпка, пусть вывезетъ насъ на рейдъ, а тамъ уже увидимъ лодку.

Кое-какъ объяснились знаками. Чухна кивнулъ головой и спустился къ водѣ, гдѣ стояла пара плоскодонныхъ «душегубокъ». Не безъ труда размѣстились въ этихъ валкихъ посудинахъ, сѣвшихъ подъ такимъ грузомъ по самый буртикъ.

— Вотъ сейчасъ обогнемъ мысъ, и слѣва должна быть лодка! — увѣрялъ штурманъ.

— Едва ли... — флегматично отозвался артиллеристъ.

— Почему?!

— Потому, что лодка стоитъ въ морѣ а мы плывемъ по озеру.

— По озеру?!?...

— Да...посмотрите кругомъ. Видали вы уже, чтобы въ морѣ росли кувшинки? И попробуйте воду...прѣсная, да вотъ и берегъ.

Дѣйствительно по носу показался лѣсъ. Черезъ пять минутъ чухна жестомъ пригласилъ высаживаться...пріѣхали!

— Господа, у кого деньги съ собой, надо же

расплатиться! — говорилъ старшій офицеръ обшаривая свои карманы.

Тотъ же жестъ, трижды повторенный, далъ въ конечномъ результатѣ — двадцать двѣ копейки! Но «старшой» не смутился. Величественнымъ жестомъ, которому позавидовалъ бы любой казифъ изъ «Тысячи и одной ночи», привыкшій швырять цехины не только пригоршнями, но и мѣшками, — онъ высыпалъ въ довѣрчиво протянутую лапу «туземца» всѣ мѣдяки, добавивъ еще половину содержимаго своего портсигара. «Туземецъ» остался повидимому очень довольнымъ, закивалъ головой, вывелъ компанію на проходившую въ десяткѣ шаговъ широкую шоссеиную дорогу и, ткнувъ пальцемъ въ темную массу лѣса, нѣсколько разъ повторилъ:

— Lovisa...Lovisa!

— Идемъ въ Ловизу...Больше ничего не остается. Но сколько до нея?! Вы же лингвистъ, артиллерія, допросите его толкомъ!

— Что толку въ моей лингвистикѣ, если онъ то ни по каковски, кромѣ своего?! — огозвался артиллеристъ, но все же — для очистки совѣсти — попытался: — Deutsch?.. English?.. Svenska??!...

— Ja so...ja so...! — закивалъ «туземецъ»

— Прекрасно!...но я-то по шведски ни въ зубъ ногой! — пробормоталъ артиллеристъ, но, не унывая, храбро попробовалъ спросить о числѣ километровъ, компенсируя-болѣе, чѣмъ сомнитель-

ный, — «шведскій» языкъ выразительными жестами.

— Тьо километерь, — отозвался наконецъ чухонецъ.

— Тьо?!?...Похоже на англійское «two» и на нѣмецкое «zwei». Два километра, господа! — закончилъ артиллеристъ свои этимологическія умозаключенія.

— Два километра?!... Пустяки!... Ну-ка, ходу, господа! — скомандовалъ старшій офицеръ, кивнувъ головой «туземцу», закурившему съ видимымъ наслажденіемъ «барскую» папиросу. Зашагали. — Девять часовъ...Къ десяти будемъ въ Ловизѣ!

— Темно, хоть глазъ выколи! — ворчалъ мичманъ — ... чо-ортъ! — споткнулся онъ объ корень сосны, предательск! протянувшійся на дороге.

— А, въ самомъ дѣлѣ, куда дѣлась луна?!

Какъ бы въ отвѣтъ послышался глухой рокотъ, и верхушки сосенъ зашумѣли подъ внезапнымъ порывомъ вѣтра. Гроза! Нѣсколько крупныхъ капель...На секунду лѣсъ освѣтился молніей, долгими раскатами прогремѣлъ громъ — и хляби небесныя разверзлись! Черезъ десять минутъ всѣ промокли до костей. Дорога, шедшая подъ гору, превратилась въ потокъ. Выбирать въ темнотѣ не приходилось, оставалось стоически «шлепать».

— Десять часовъ—констатироваль механикъ,— а Ловизы и въ поминѣ нѣтъ! Что-то длинные километры...

— Совралъ проклятый чухна, — пробурчалъ артиллеристъ, встряхивая намокшую фуражку.

— Молодой, не отставать!

— Не могу, Константинъ Владиміровичъ, нога болить... здорово ударилъ!

Механикъ и артиллеристъ, замедливъ шагъ, подхватили мичмана подъ руки.

— Вотъ такъ...опирайтесь покрѣпче...доведемъ.

Снова молчаніе...Слышно лишь журчаніе воды по невидимымъ канавамъ, равномѣрный шумъ неослабѣвающаго дождя и мѣрное шлепанье четырнадцати ногъ по размякшей дорогѣ. Половина одиннадцатаго...одиннадцать...половина двѣнадцатаго. Все тотъ же темный, какъ бы враждебный лѣсъ, двумя глухими стѣнами стиснувшій дорогу, все тотъ же непрекращающійся, пронизывающій дождь. Никто не говоритъ, но каждый задаетъ собѣ вопросъ: «куда же мы идемъ?!?...»

— Вашбродіе, огонь по носу! — раздается голосъ одного изъ матросовъ.

Вѣрно! Впереди, сквозь тьму лѣса мелькнулъ огонекъ...два...три! Бодрѣе шагъ. Даже мичманъ, преодолевая боль, старается не задерживать своихъ поводырей. Еще минутъ двадцать, и по обѣимъ сторонамъ дороги вырастаютъ дома, сперва разбросанные, затѣмъ переходящіе въ улицу — съ фонарями!

На улицѣ — ни души. Наконецъ замѣтили одинокую фигуру подъ зонтикомъ. Рѣшительно направились къ ней. Фигура замерла отъ удивленія при видѣ фантастическихъ существъ, вынырнувшихъ внезапно изъ темноты и, казалось, не прочь была обратиться въ паническое бѣгство. На этотъ разъ лингвистическія способности артиллериста оказались на должной высотѣ. Испуганный обыватель шведъ — свободно изъяснялся по нѣмецки и, убѣдившись въ безобидности своихъ неожиданныхъ собесѣдниковъ, проявилъ самое горячее участіе. Энергично взмахнувъ зонтикомъ, онъ пригласилъ «потерпѣвшихъ кораблекрушеніе» слѣдовать за нимъ.

— Господа, — да онъ привелъ насъ въ участокъ!.. — шепнулъ старшій офицеръ своимъ спутникамъ, когда ихъ провожатый остановился у освѣщеннаго подъѣзда, у котораго дежурилъ бравый финнъ в полицейской каскѣ.

Тревога оказалась напрасной: любезный шведъ зашелъ лишь, чтобы вызвать по телефону извозчиковъ.

Черезъ нѣсколько минутъ подкатилъ единственный бодрствовавшій еще в спящемъ городѣ извозчикъ. Худо ли, хорошо ли, но на его пролетку взгромоздились всѣ семь человѣкъ плюсъ корзины съ черникой и молодая березка, съ которой такъ и не разгавался Терентьевъ. Шведъ далъ извозчику какой то адресъ.

— Куда вы насъ отправляете? — полюбопытствовалъ артиллеристъ.

— Въ кургаузъ, гдѣ вы поужинаете въ ожиданіи моторой шлюпки, которая доставитъ васъ домой.

— Вы крайне любезны, но... — замялся артиллеристъ — мы, собственно говоря, не собирались ужинать...

— Понимаю, понимаю, — закивалъ шведъ, — не безпокойтесь, — я предупредилъ своего пріятеля-хозяина ресторана — ... все будетъ сдѣлано ... а тамъ вы рассчитесь по возвращеніи на корабль.

Оставалось только поблагодарить своего спасителя. Любезный аптекаръ (онъ оказался такимъ) съ чувствомъ пожималъ протянутыя ему руки, увѣряя, что онъ чрезвычайно радъ и польщенъ. Извозчикъ тронулся.

— Стопъ! — крикнулъ вдругъ артиллеристъ и, обращаясь къ шведу: — Скажите, пожалуйста, сколько будетъ «тьо километерь»?

— Тьо?.. Тьо??... — повторилъ аптекаръ, — А!... Тіо — это десять...

— Благодаю васъ... — и, ткнувъ въ спину извозчика, артиллеристъ пробормототалъ: — такъ вогъ почему они были такими длинными!..

.....

У дверей ресторана поджидалъ радушный хозяинъ. Матросовъ оставили въ темномъ уголкѣ

подъ верандой, куда имъ выслали по солидной рюмкѣ коньяку и обильную финскую закуску. Охотно остались бы и сами скромно въ тѣни, но пришлось съ уступить настояніямъ хозяина и продефилировать черезъ ярко освѣщенную веранду, подъ удивленными взорами эlegantныхъ яхтсменовъ и ихъ дамъ. Шествіе открывалъ «старшой», съ грустью поглядывавшій на свои «бывшія» лакированныя ботинки. За нимъ двигался механикъ, придерживая свои «клапана» и прикрываемый «съ тыла» штурманомъ, вымазаннымъ до колѣнъ черно-зеленой грязью, и артиллеристомъ, не подозрѣвавшимъ, что въ тѣсотѣ пролетки на спинѣ его кителя отпечаталось содержимое корзинки съ черникой.

Въ уютномъ уголкѣ противъ стойки за хорошимъ ужиномъ, бодрость и веселое настроеніе быстро вернулись къ «изгнанникамъ лѣсовъ». Черезъ полчаса хозяинъ сообщилъ, что моторъ ждетъ у пристани. Еще разъ пришлось выступить «лингвисту» — съ деликатной миссіей, занять у самого же хозяина десятокъ марокъ на чаевыя! «Старшой» съ побѣдоноснымъ видомъ высыпалъ ихъ въ руку потрясенной такой щедростью, миловидной «фрекенъ», и вся компанія двинулась на пристань черезъ опустѣвшую тѣмъ временемъ веранду.

Еще три четверти часа на открытой шлюпкѣ подъ проливнымъ дождемъ... Мелькнули въ темнотѣ якорные огни лодки, раздался охрипшій отъ

ночной сырости, но показавшійся изумительно пріятнымъ и мелодичнымъ, голосъ часового: «... Кто гребеть?!..»

Не взирая на свои внушительные размѣры, знаменитый пирогъ быстро таялъ, временно избавляя своей гибелью «путешественниковъ» отъ остротъ и притворнаго сочувствія остальныхъ соплавателей.

— А скажите все-таки, — заговорилъ ревизоръ, накладывая себѣ новый, основательный кусокъ, — въ какой цифрѣ выразилась экономія?

— Довольно вамъ острить, — проворчалъ старшій офицеръ.

— Да я ничего, Константинъ Владиміровичъ ... я съ цѣлью самообразованія спрашиваю. Командиръ вотъ все меня пилитъ, что я не умѣю экономить — и ревизоръ придалъ своей круглой, смѣющейся физиономіи самое невинное выраженіе.

— Экономія?!... Сейчасъ скажу вамъ точно, — отозвался, смѣясь, механикъ, неспособный долго оставаться въ плохомъ настроеніи, и быстро началъ что-то подсчитывать на оборотной сторонѣ меню. — Вотъ!.. Съ точностью до копейки! Не считая, такъ сказать, «индивидуальныхъ» потерь, — обращаясь къ старшему офицеру: — ваши лакишки...

— Выкинулъ за бортъ!

— Мои брюки... кажется, парусиновые башмаки артиллеріи...

— Ни къ чорту!

— ... и, пожалуй, всѣ фуражки, — нашъ пирогъ обходится намъ... — онъ выдержалъ паузу, лукаво обводя глазами своихъ слушателей, — ... въ восемнадцать рублей семьдесятъ пять копеекъ съ... чуть было не сказалъ «рыла»!.. съ уважаемой фізіономіи. Запишите, ревизоръ, къ вычету изъ морского довольствія!

О Х О Т А

Все усиливающійся NW гналъ тяжелыя, низко нависшія тучи, періодически разражавшіяся крупнымъ, косымъ дождемъ. Черезъ дамбу гавани хлестала бѣлая пѣна разбивавшейся объ нее корогкой, крутой волны. Тускло мерцали сквозь пелену дождя далекіе огоньки города. На опустѣвшемъ въ это позднее осеннее время рейдѣ виднѣлось лишь нѣсколько силуэтовъ кораблей, тяжело поднимавшихся и опускавшихся на вытравленныхъ во всю канатахъ. Въ котлахъ разведены пары, вторые якоря готовы къ отдачѣ, трапы подняты, сообщеніе съ берегомъ прервано.

Въ громадномъ адмиральскомъ помѣщеніи «Юанна Грознаго», когда то знаменитаго на всю Европу броненосца, а нынѣ доживающаго свой вѣкъ въ учебномъ Отрядѣ, — холодно и неуютно. За однимъ концомъ длиннаго стола — адмиралъ, погруженный въ мрачныя размышленія. Проклятая погода разбила вдребезги его, такъ тщательно разработанный, планъ вечера на берегу, — но на этотъ разъ не за семейнымъ чайнымъ столомъ, какъ то приходилось неуклоно дѣлать въ теченіе долгихъ мѣсяцевъ, пока строгая адмиральша пребывала въ своей лѣтней резиденціи... Но вчера, не выдержавъ непрекращающихся дождей и холода, она категорически заявила о своемъ намѣреніи вернуться въ

Кронштадтъ, въ хорошо отапливаемую казенную квартиру во флигеляхъ. И сегодня утромъ адмиралъ, проводивъ глазами исчезающій за поворотомъ поѣздъ, облегченно расправилъ свои широкія плечи, на когорыхъ блестяли совѣмъ еще новенькіе контръ-адмиральскіе погоны, и насвистывая какой-то веселый мотивъ, вернулся на ожидающій его катеръ. Даже зазѣвавшійся и не успѣвшій вызвать караула вахтенный начальникъ отдѣлался однимъ шутливымъ замѣчаніемъ, вернувшемъ мичманскую душу изъ пятокъ въ установленное для нея мѣстопробываніе. Это было утромъ... А съ полдня задуло, потомъ заревѣло.

Вотъ и сиди тутъ въ одиночествѣ!.. Адмиралъ мрачно налилъ себѣ полный стаканъ изъ стоявшей передъ нимъ «утвержденнаго флотскаго образца» бутылки Марсалы Флоріо. «Конечно, въ одиночествѣ!..» мысленно повторилъ онъ, окидывая полунасмѣшливымъ, полу-презрительнымъ, взглядомъ другой конецъ стола, гдѣ виднѣлась худая, немного сугуловатая фигура командира, осторожно макавшего въ жиденъкій чай какой-то «режимный» сухарь. «Тоже — компанія!..» Адмиралъ отпилъ добрый глоток: «...воображаю эту фигуру гдѣнибудь на Высокой горѣ!..» На минуту воспоминанія объ артурскихъ подвигахъ отвлекли его мысль. Но затѣмъ гнетущая тишина и скука взяли опять свое. Адмиралъ позвонилъ. У дверей выросла фигура вахтеннаго въ блестящемъ мокромъ дождевикѣ.

— Какъ погода?

— Реветъ, Ваше Превосходительство!

— Какъ канать, не дергаетъ?

— Дергаетъ, Ваше Превосходительство! Два
раза травмили... Сто десять сажень на клюзѣ...

— Ладно... Если еще засвѣжѣетъ — доложить!

— Есть, Ваше Превосходительство! — Мокрый
дождевикъ исчезаетъ.

«Собственно, это его дѣло!» начинаетъ «взвин-
чивать» себя адмираль, бросая сердитый взглядъ
на командира. Съ бака доносятся заглушенные вѣ-
тромъ удары склянокъ. Одинъ — два — три —
четыре... Только десять часовъ! Не ложиться же
спать въ самомъ дѣлѣ! Адмираль со вздохомъ
опускается въ свое кресло. Зеленая скука!.. Еще
рюмка Марсалы.

Въ углу раздается какой-то шорохъ. Сомкнув-
шіяся было вѣки адмирала приподнимаются... На
спинкѣ дивана появляется силуэтъ большой кры-
сы, осторожно продвигающейся впередъ. Двумя
шагами адмираль въ своемъ кабинетѣ и срываетъ
со стѣны мелкокалиберную «Франкотку». «Нако-
нецъ-то развлеченіе!»

Но опытная старая крыса ужа учуяла грозя-
щую ей опасность. Мелькнулъ длинный, голый
хвостъ — и поминай, какъ звали!

Адмираль весь охваченъ охотничьимъ азар-
томъ:

— Николай Евгеньевичъ, мы сейчасъ устроимъ
настоящую охоту! Гоните ее!

Командиръ, не чувствуящій ни малѣйшаго призванія къ какому либо виду спорта, нехотя поднимается и подходитъ съ опаской къ дивану, неловко хлопая въ ладоши:

— Кш, кш!..

— Такъ вы ее никогда не выгоните! Какая ж изъ васъ выйдетъ охотничья собака?!.. Становитесь на четвереньки! Лѣзьте подъ диванъ и гоните ее на меня!

— Кш, кш!..

Крыса не двигается.

— Вотъ вамъ линейка. Гоните ее на свободное мѣсто!.. Да не отсюда! Слѣва!.. Слѣва, говорю я вамъ!

Прижатая въ уголъ, между бортомъ и приближающимся къ ней концомъ линейки, крыса принимаетъ отчаянное рѣшеніе и бросается въ сторону импровизированной «гончей». Капитанъ даетъ стремительно «полный назадъ». Крыса, проскользнувъ по его рукамъ, вылетаетъ изъ подъ дивана.

Сухо щелкаетъ затворъ франкотки. И одновременно раздается отчаянный вопль, но... не крысы, удирающей во всѣ лопатки въ родную дыру, за трубами парового отопленія...

— Ой, ой, ой!..

— Молчите!.. Тише!.. Вы такъ всѣхъ вѣстовыхъ взбудоражите! Задѣло?.. Пустяки! Царапина!

— Хороши пустяки! — бормочетъ себѣ подъ носъ капитанъ, со стономъ поднимаясь на ноги и

держась обѣими руками за раненую, «неудобоупоминаемую» часть тѣла.

— Пустяки, говорю я вамъ! Въ Артурѣ мы не то видали!.. Идите сюда, въ кабинетъ! Мы это сейчасъ... Подумаешь — велико дѣло! Пулька!.. Я вамъ сейчасъ ее выну. Скидывайте штаны... Ну?!.. Нечего стѣсняться, дамъ здѣсь нѣтъ! — И адмиралъ раскрылъ взятыи со стола большой англійскій перочинный ножъ.

Командиръ недовѣрчиво покосился на блеснувшій кличокъ.

— Не лучше ли все-таки доктора, Ваше Превосходительство?.. — предложилъ онъ нервнѣйшимъ тономъ.

— Доктора?!.. Чтобы онъ повсюду раззвонилъ?!.. Говорю вамъ — это пустяки. На Высокой Горѣ я осколки одиннадцатидюймовыхъ гранатъ вынималъ, — не то, что такую ерунду!.. Ложитесь на дивачь!

— Ай!!..

Остріе клинка углубилось въ «мягкія части», какъ выражаются медики.

— Странно... Не нахожу. А она должна быть на самой поверхности... Придется ковырнуть поглубже... — разговаривалъ самъ съ собой «операторъ»,

— У—у—у... — стоналъ пациентъ, грызя носовой платокъ.

— Молчите! Терпите немножко!

— Ой, больно!..

— Чортъ знаетъ, что такое! Не могу найти!.. Придется все таки звать доктора! — и адмираль нажалъ кнопку электрическаго звонка.

Черезъ полчаса капитанъ лежалъ въ своей кровати — блѣдный и страдающій, но успокоенный. Пуля была извлечена, рана перевязана.

Адмираль провожалъ доктора, собиравшаго свои инструменты:

— Ну, смотрите, докторъ, ни слова никому! Я бы самъ справился, да онъ не можетъ немного потерпѣть... Помните, какъ у насъ въ Артурѣ?!... Рюмочку Марсалы?...

— Благодарю покорно!... Не беспокойтесь, Ваше Превосходительство, — я, какъ могила, ни гугу! — А сѣрые глаза доктора такъ и искрились за круглыми стеклами очковъ.

.....

«Парадный» воскресный обѣдъ. По обыкновенію, адмираль и командиръ приглашены въ каютъ-компанію. У послѣдняго видъ еще блѣдный и утомленный — это его первый выходъ послѣ «остраго припадка ревматизма».

Покончили съ неизбѣжными цыплятами, которымъ докторъ по долгу службы и медицинской этикѣ долженъ былъ бы отказать въ разрѣшеніи на погребеніе, — не будь онъ только въ составѣ «хозяйственной комиссіи»! Въ ожиданіи незамысловатаго «сладкаго» закурили. Старшій минеръ съ увлеченіемъ рассказываетъ всѣ перипетіи испыта-

нія новыхъ итальянскихъ телефоновъ. Но слушатели его разсѣянны: адмиралъ хмурится, командиры безпокойно двигаются на своемъ стулѣ.. Ихъ вниманіе привлечено разгорающимся на «баковомъ концѣ», преувеличенно громкимъ разговоромъ.

— Въ моей завѣдуемой части — около вашего провизіоннаго люка, ревизоръ, — начинаетъ одинъ изъ мичмановъ, — развелась масса крысъ... Вы не думаете предпринять что либо противъ нихъ?

— Надо бы купить крысоловки, но... не знаю, позволяютъ ли наши скромныя средства такой расходъ... — отзывается ревизоръ, стѣсненный во всемъ, доходящей до скудости, страстью командира къ «экономіи».

— Никакого толку отъ нихъ нѣтъ... Лучше завести кота, — вставляетъ другой.

— Кошки дохнутъ отъ бокового сообщенія... Не такъ ли, Иванъ Павловичъ? — пускаетъ шпильку въ больное мѣсто старшаго минера третій мичманъ.

— Лучше всего стрѣлять ихъ, — вмѣшивается первый, — у насъ, на «Богатырѣ» старшій артиллеристъ билъ ихъ изъ монтекристро — что ни выстрѣлъ, то крыса!...

— Надо будетъ купить для каютъ-компаніи! — раздается нѣсколько голосовъ сразу.

Командиръ опускаетъ поднесенную было ко рту ложку съ мороженымъ.

— Надо только быть крайне осторожнымъ съ

огнестрѣльнымъ оружіемъ, — невольно срывается у него «крикъ уязвленной души».

Три мичмана сразу исчезаютъ подъ столомъ, поднимая оброненныя «случайно» салфетки или ложки.

Адмиралъ колеблется минуту. Брови его сдвинуты... Но, вотъ, около глазъ появляется сѣть мелкихъ морщинокъ. Лучше «faire bonne mine au mauvais jeu». Быстрый, испытующій взглядъ на сидящаго противъ него старшаго доктора... Но глаза того смотрятъ съ выраженіемъ невиннаго младенца поверхъ сдвинутыхъ на конецъ носа очковъ.

А мичманскій «бенефисъ» разыгрывается во всю.

— Зачѣмъ монтекристо?!... — звенитъ голосъ одного изъ вынурнувшихъ изъ подъ стола, — Франкотка бьетъ гораздо вѣрнѣе!... Неправда ли, Николай Федоровичъ? — храбро обращается онъ къ авторитету пользующагося общей симпатіей старшаго артиллериста.

— Мм... да... — съ трудомъ выдавлиываетъ послѣдній, еле удерживаясь, глядя на внезапно поднявшагося командира.

— Вы меня извините, Александръ Ивановичъ, — бормочетъ капитанъ, обращаясь къ старшему офицеру, мнѣ еще нездоровится... надо прилечь, — и онъ стремительно скрывается за дверью, успѣвъ еще услышать задорный голосъ съ самага «бака»:— А скажите, докторъ, бѣшенныя крысы бросаются на

людей, когда ихъ дразнятъ?!»—и дружный взрывъ хохота.

— Александръ Ивановичъ, — надо дать вашимъ мичманамъ возможность напрактиковаться... Такъ вотъ: съ завтрашняго утра — по одному-въ 7 часовъ утра на берегъ съ очередной смѣной учениковъ — для прохожденія курса стрѣльбы изъ винтовки... согласно Устава, — заканчиваетъ адмиралъ, довольный своей «мestью» и, откинувшись на спинку стула, закуриваетъ свѣжую папиросу.

IV

Гардемарины

АДЬЮТАНТЪ МИНИСТРА

— Ну и адовая же, дѣйствительно, жарница!...

Вытирая мокрый лобъ, гардемаринъ Араповъ подкрѣпилъ эту непреложную истину самымъ артистическимъ «трехъ этажнымъ» выраженіемъ, подслушаннымъ на утреннемъ авралѣ у старшаго офицера. Надѣтый тайкомъ, за стѣнкой килечнаго сарая, крахмальный ворогничокъ съ непривычки рѣзалъ шею и грѣлъ, какъ лазаретный компрессъ. Черный мундиръ немилосердно поглощалъ всѣ лучи палящаго августовскаго солнца. Хотѣлось сбросить все это и растянуться гдѣ-нибудь въ тѣни, подъ кустомъ.

Но, нѣтъ! Морякъ, собирающійся не разъ пересѣкать экваторъ, не можетъ сдать предъ какимъ то блѣднымъ сѣвернымъ солнцемъ! Гардемаринъ выпрямился во весь свой небольшой ростъ, гордо закинулъ голову и зашагалъ по пустынной, въ этотъ послѣобѣденный часъ, улицѣ Балтійскаго Порта, поднимая цѣлыя облака тонкой бѣлой пыли.

Что бы такое предпринять?...

Сѣхалъ онъ на берегъ — «изъ принципа!» Не дарить же начальству отпускной день! Достаточно того, что отпускаютъ «по одѣвленіямъ» какъ простыхъ матросовъ, когда, по существу, нѣтъ ни-

какого разумнаго основанія препятствовать съѣзду каждый вечеръ!... Рутина, мелочность! Пришлось еще придумывать какую-то тетку-именинницу, чтобы разрѣшили надѣть мундиръ, а то извольте шататься въ матросской рубахѣ!

Но куда же, дѣйствительно, дѣться?!... Товарищи, шумной и веселой толпой, пошли на ферму, пить молоко и купаться на песчаномъ пляжѣ. А вечеромъ соберутся въ единственномъ ресторанчикѣ — танцовать съ мѣстными барышнями подъ корпусный оркестръ. Гардемаринъ скорчилъ презрительную гримасу. Плескаться въ водѣ, какъ ребяташки... танцовать съ какими-то дѣвченками!.. — Конечно, — всякій морякъ немного Донь-Жуанъ. Но... другое дѣло — какія нибудь тамъ жгучія испанки, или таинственныя затворницы восточныхъ гаремовъ, или, наконецъ, стройныя, смуглыя таитянки въ юбкахъ изъ пальмовыхъ листьевъ, — словомъ, настоящія женщины... А здѣсь?... Ни одной! Впрочемъ... Пожалуй... Эта *belle-soeur* старшаго механика говорятъ, вдова, — съ томными черными глазами и полными бѣлыми плечами, просвѣчивающими сквозь кружевную блузку... Недурна собой, бестія! (гардемаринъ даже причмокнулъ)... но глупа! Когда онъ ее пригласилъ на вальсъ — «устала!» (онъ передразнилъ про себя низкій грудной голосъ очаровательной вдовушки). А, небось, потомъ добрыхъ полчаса кружилась, томно склонивъ голову на плечо лейтенанта Новикова (того самаго, что вчера зря посадилъ его на салингъ на

цѣлыхъ два часа!)... И чего она нашла въ этомъ хлыщѣ?!

Гардемаринъ дошелъ до конца улицы. Направо, окаймленная густыми кустами орѣшника, уходила песчаная дорога на ферму. На минуту потянуло, въ свѣжую, прохладную зелень. Но... пить молоко, какъ сосунку какому то?!.. Нѣтъ!!... Парарюмокъ стараго коньяку — чтобы освѣжиться, — затѣмъ можно сыграть партію на биллиардѣ (есть ли у нихъ только биллиардъ въ этой дырѣ?!), а вечеромъ можно будетъ, пожалуй, и заглянуть въ «танцульку».

Гардемаринъ рѣшительно повернулъ и, разсѣвая имъ же поднятое облако пыли, зашагалъ обратно. У калитки спрятанной въ кустахъ сирени дачки показались двѣ прехорошенькія барышни въ свѣтлыхъ лѣтнихъ платьяхъ. Гардемаринъ снисходительно козырнулъ двумя пальцами.

— Поджидаютъ своихъ кавалеровъ! — презрительно фыркнулъ онъ себѣ подъ носъ, продолжая путь.

Въ маленькой комнатѣ «ресторана» было жарко и душно. Тишина нарушалась лишь назойливымъ жужжаніемъ двухъ десятковъ мухъ всѣхъ величинъ, бившихся объ мутное стекло. Хозяинъ — полу-нѣмецъ, полу-эстонецъ — лѣниво досталъ бутылку, на этикеткѣ которой красовалось не то четыре, не то пять звѣздочекъ, налилъ рюмку и

снова погрузился въ какія-то сложныя вычисленія мѣломъ на стойкѣ. На попытки завязать разговоръ онъ отвѣчалъ только неопредѣленнымъ мычаніемъ. Не поразился даже способности пить своего одинокаго кліента и такъ же лѣниво и безучастно налилъ еще двѣ рюмки и потомъ еще чего то... «Чухонская дубина!» вынесъ ему гардемаринъ уничтожающій внутренній приговоръ, «шикарно» бросилъ на стойку серебряную мелочь и вышелъ.

Солнце палило попрежнему. До вечера еще далеко. Странно, что коньякъ не освѣжаетъ... и то... другое... зеленое... какъ его?! Но, въ общемъ, ничего!... Въ горлѣ жжетъ, а въ головѣ роятся какія то мысли, мечты.

Два года корпуса пролетятъ быстро... Онъ мичманъ... Не дуракъ онъ, чтобы снова сѣсть на школьную скамью, зубрить какой нибудь тамъ станокъ Дуброва-Вавассера, — или мину образца 1905 года. Достаточно отъ нихъ тошнить на палубныхъ занятіяхъ! Нѣтъ! Его ждетъ другая — блестящая карьера! Изящнаго молодого чсловѣка нельзя не замѣтить, и его несомнѣнно попросить къ себѣ флагъ-офицеромъ какой нибудь начальникъ отряда или эскадры... ну, конечно, заграничной!

... Бѣлый городъ, надъ которымъ качаются верхушки стройныхъ пальмъ. Флагманскій корабль горитъ сотнями огней. Балъ въ полномъ разгарѣ. Блестящій флагъ-офицеръ (гардемаринъ

передернулъ правымъ плечомъ, поправляя воображаемый аксельбантъ) кружится въ вальсѣ съ очаровательной, жгучей испанкой. Она влюбленно, заискивающе смотритъ ему въ глаза. Свиданіе?! ... Да! Завтра, въ полночь, въ паркѣ... Она не первая — и не послѣдняя! Съ женщинами надо обращаться умѣючи, — тогда ничего не стоитъ обмотать ихъ вокругъ пальца!

Гмъ... А какъ же вдовушка?!... Ну, это — недоразумѣніе! Глуповата, хотя совсѣмъ недурна! Посмотримъ еще сегодня вечеромъ! Надо будетъ сѣсть рядомъ съ ней... въ полоборота... ноль вниманія — пускай скучаетъ! А тамъ, вдругъ — обжечь ее взглядомъ — вотъ такъ... Гардемаринъ выпучилъ во всю свои маленькіе, безцвѣтные глаза и скорчилъ — побѣдоносную, по его глубокому убѣжденію — физиономію. Небось, не выдержитъ!... И во время вальса сама попроситъ, прижавшись къ нему плечомъ, проводить ее домой. Дача далеко... въ темнотѣ страшно. Ну, а тамъ... Смѣлость города...

— Что-бъ тебя чортъ! ... — гардемаринъ чуть не растянулся, споткнувшись объ протянутый черезъ дорогу тросъ, — Откуда онъ взялся?!.. А-а, да это уже гавань.

Въ маленькомъ ковшѣ стояло три-четыре груженныхъ дровами лайбы, съ полдюжины рыбацкихъ лодокъ и — прямо передъ нимъ — ошвартовившись къ пристани, небольшой крейсеровъ пограничной стражи.

— ... Таможенный... То же моряки, — съ позволенія сказать! Армейщина, нарядившаяся моряками! Сѣрые... ничего не понимаютъ. Я мичманъ, а знаю больше ихъ командировъ! Да!... Мичманъ?! То есть... Ну, да!..

Гардемаринъ прислонился къ периламъ пристани. Смутно мелькали обрывки мыслей. Заграничное плаваніе... Адмиралъ обходитъ крейсеръ. Всѣ дрожатъ передъ его смотрами. Строгій, требовательный... «Запишите, Иванъ Сергѣевичъ! ...» Адмиралъ любитъ и уважаетъ его... И карандашъ изящнаго флагъ-офицера быстро скользитъ по записной книжкѣ...

Вмѣсто адмиралькаго погона съ черными орлами вдругъ опять мерещится круглое, бѣлое плечо, дразнящее и манящее подъ легкимъ кружежомъ.

— Постой! ... — грозитъ пальцемъ гардемаринъ промелькнувшему видѣнію, — у насъ разговоръ еще впереди!.. О чемъ я, бишь?!.. Ахъ, да... смогрь...

Смыкавшіеся было глаза раскрываются. Мечтательное настроеніе — безъ всякаго перехода — смѣняется нахлынувшей неизвѣстно откуда волной энергіи. Хочется дѣйствовать, шевелиться, выкинуть какую нибудь небывалую штуку!.. Взглядъ упалъ на мирно дремавшій крейсеракъ. И мгновенно туманная мысль вылилась въ конкретную форму:

Произвести ему смотръ!... Во-ображаю, какіе тамъ порядки! ... Ну, держись! ... — и гардемаринъ бодро зашагалъ къ сходнѣ.

— Здорово, молодецъ!..

— Здравія желаю, Ваше... — гаркнулъ изумленный вахтенный, отъ нечего дѣлать протиравшій рукавомъ и безъ того сверкавшую ручку каютной двери.

— Съ кѣмъ имѣю честь!..

Изъ за рубки показалась солидная фигура въ защитномъ кителѣ. Капитанскіе погоны съ зеленымъ просвѣтомъ вызвали въ гардемаринской душѣ какую то смутную реакцію. Но невѣдомая энергія взяла верхъ... Два пальца къ околышу фуражки:

— Флагманскій гардемаринъ Канифасовъ — адъютантъ Морского Министра... (Здорово!... и откуда оно такъ бодро выскочило?!... и фамилія — самая марсафлогская!)...

— Очень пріятно... Капитанъ Ивановъ, — командиръ крейсера... чѣмъ могу служить?

— ... Э ... э ... случайно проходилъ... э ... воспользоваться случаемъ... осмотрѣть... доложить его Высокопревосходительству!..

Капитанъ какъ то странно прикусилъ свои рыжіе, слегка сѣдѣющіе усы. Около глазъ легли какія то мелкія складки.

— Понимаю... Прикажете вызвать команду во фронтъ?

— Э... нѣтъ ... не стоитъ ... Я такъ ... общій взглядъ...

— Слушаюсь!.. Разрѣшите начать съ команднаго мостика?.. И командиръ сдѣлалъ шагъ въ сторону, пропуская «инспектирующаго» къ трапу.

.....

— Вотъ и весь нашъ корабль. Не броненосецъ — много времени на осмотръ не требуетъ... Смѣю попросить въ каютъ-компанію — отдохнуть немного?!

— Съ удовольствіемъ ... — Энергія начала смѣняться какой то странной тяжестью въ ногахъ. «Вѣроятно эти крутые трапы!..» думалъ гардемаринъ, спускаясь въ крохотную каютъ-компанію.

— Позвольте представить — поручикъ Петровскій — мой помощникъ!.. Извините на минутку — служебное дѣло... Иванъ Ивановичъ, побудьте на палубѣ пока... — дальше гардемаринъ не слышалъ. Не то командиръ понизилъ голосъ, не то помѣшалъ какой то странный шумъ въ ушахъ.

— Еще разъ прошу извинить... служба... Не откажете рюмочку?!.. Сидоренко, бутылку Марсалы!.. Морское винцо... Изволили остаться довольны?

— Отлично!.. За ваше здоровье... за процвѣтаніе вашего лихого крейсера! — протянулъ свою рюмку повеселѣвшій снова гардемаринъ, — непременно доложу. Министръ будетъ доволенъ узнать, въ какомъ образцовомъ порядкѣ...

— Очень польщенъ!.. Радъ стараться!.. Еще рюмочку?!.. Вино легкое... какъ разъ въ эту жару!

... ..

Въ каютъ-компаніи было прохладно и уютно. Синія занавѣски подъ свѣтовымъ люкомъ создавали пріятный полумракъ. Разстегнувъ мундиръ и развалившись на кожаномъ диванѣ, гардемаринъ чувствовалъ, какъ какое то блаженное состояніе охватывало все его существо... Вино — прекрасное, капитанъ — милѣйшій собесѣдникъ...

— Вы не бываете по вечерамъ въ здѣшней танцулькѣ, капитанъ? Напрасно.. Есть совсѣмъ недурныя штучки. Вотъ, напримѣръ, одна... ждетъ меня сегодня... такъ скажу вамъ — пальчики облизать мало!..

— А а... д-дайте ка па-а-сма-трѣть н-на адъ-юта-анта м-ми-нистра!.. — раздался вдругъ рѣзкій, сухой голосъ.

Въ дверяхъ каютъ компаніи стоялъ пожилой человѣкъ небольшого роста, въ охотничьемъ костюмѣ, съ двухстволкой и ягташемъ черезъ плечо.

— Га-аспадинъ К-ка - анифа-асовъ, к-к-аа-жется?!..

Гардемаринъ вскочилъ. Гдѣ и когда слышалъ онъ этотъ голосъ, видѣлъ этотъ острый, пронизывающій взглядъ!?. Въ памяти, толпясь въ хаотическомъ безпорядкѣ, вставало множество образовъ, — кромѣ того, который онъ искалъ, напрягая до боли затуманенный мозгъ... И вдругъ — яркимъ видѣніемъ вспыхнула картина... Шестое ноября. Черезъ всю громадную залу Корпуса протянулся безукоризненнымъ фронтомъ батальонъ «Къ встрѣчѣ слѣва! Батальонъ, слушай, на кра-улъ!» Гремить маршъ. Изъ картинной галереи выходитъ группа офицеровъ. Впереди невысокая фигура адмирала съ лентой черезъ плечо... Министръ медленно обходитъ фронтъ... Острый взглядъ пронизываетъ насквозь... Раздается немного рѣзкій заикающійся голосъ...

Передъ глазами Арапова закружилось вдругъ въ бѣшеной пляскѣ аксельбанты, пальмы, испанки, вдовушка, рыжеусый капитанъ... Затѣмъ все потемнѣло — и гардемаринская душа полетѣла въ какую то бездонную пропасть, успѣвъ еще только тихо прстонать:

— Господи... да, вѣдь, это... Онъ!!!

НЕ СГОВОРИЛИСЬ

Въ одну повозку впречь не можно
Коня и трепетную лань...

Экзамень закончился. Послѣдній гардемаринъ вынырнулъ изъ помѣщенія подводныхъ минныхъ аппаратовъ и остановился на палубѣ, вытирая вспотѣвшій лобъ. Уфъ!.. Было вдвойнѣ жарко — и отъ «тропической» температуры чуднаго іюльскаго полдня, и отъ огня перекрестныхъ вопросовъ не въ мѣру любознательной экзаменаціонной комиссіи!

Ну, слава Богу, пронесло! Не сказалъ, что второй проводникъ у лампочки — «запасный» и не опредѣлилъ вѣса подрывныхъ патроновъ въ «фунтъ, полфунта и четверть фунта», словомъ — благополучно избѣгъ всѣ, уже ставшія классическими, «гафы»! Подъ самый конецъ только дѣло чуть было не испортилось: какой то особенно назойливый экзаменаторъ присталъ съ вопросомъ, почему-де прожектора на крейсерѣ называются «девятидесятиметровыми»? А бисъ ихъ знае! Не то длина углей, не то высота тумбы?!... Положеніе становилось щекотливымъ, а тутъ еще вся комиссія, за неимѣніемъ другихъ жертвъ, уставилась на злополучнаго «послѣдняго»! Къ счастью предсѣдатель взглянулъ на часы, изрекъ: «однако!» и всѣ забывъ о прожекторахъ, заторопились завтракать...

Дѣйствительно, было отъ чего облегченно вздохнуть!

Правда, впереди еще экзамены, и ближайшій по органически ненавистному для всякаго уважающаго себя «строевика» машинному дѣлу, — но это еще далеко, черезъ цѣлыхъ три недѣли, — а сейчасъ свобода!

Въ «каютъ-компаніи», какъ она именуется въ торжественныхъ случаяхъ, въ повседневномъ же обиходѣ — «гардемаринской дырѣ», стоитъ невообразимый шумъ. Все ея населеніе говоритъ сразу и — какъ ни странно — единодушно восхваляетъ начальство, являющееся обычно предметомъ «строгой, но справедливой» критики... Но на этотъ разъ, дѣйствительно, нельзя не одобрить его мудраго рѣшенія покинуть опостылѣвшую всѣмъ бухту Тагалахта, промѣнявъ ее — на цѣлую недѣлю! — на Гангэ со со всѣми его развлеченіями и увеселеніями!

Въ зависимости отъ вкусовъ, темперамента и — далеко не на послѣднемъ мѣстѣ — состоянія финансовъ, возникаютъ самые разнообразные проекты, самыя радужныя мечты... Тутъ и «практическіе умы», рассчитывающіе на «дополнительное пиганіе» дешевой и обильной закуской мѣстныхъ буфетовъ — знаменитой финской «секста», и «спортсмены» — любители купанія на пляжѣ и катанія на байдаркахъ, есть и мечтающіе о балахъ на освѣщенной китайскими фонариками верандѣ кургауза и мимолетныхъ флиртахъ съ курортными барыш-

нями, и предвкушающіе менѣе платоническіе романы съ хорошенькими и — по увѣреніямъ знатоковъ — далеко не чопорными «фрекенъ» изъ мѣстныхъ ресторановъ... Словомъ, программа обрисовывается самая разнообразная — на всѣ вкусы и возможности!

Для начала сегодня въ каютъ-компаніи намѣчается торжественный «файфъ-э-клокъ» съ пирожными, мороженымъ и даже виномъ! Надо же отпраздновать благополучно сошедшій экзаменъ, а заодно и создать себѣ рекламу на берегу! Вчера уже всѣ носились по городку, приглашая родныхъ и знакомыхъ. Ну, конечно, только дамъ (мѣста мало, да и очень они нужны всѣ эти курортныя франты — лицеисты, правовѣды и прочіе «шгрюки»)!

Разрѣшеніе на «фестиваль» добыто, благодаря любезному содѣйствію добродушнѣйшаго лейтенанта, — «завѣдывающего гардемаринами». Правда, командиръ поставилъ ограничительный срокъ — шесть часовъ вечера, но зато предоставилъ въ полное распоряженіе паровой катеръ № 1 съ парадными уборами, чѣмъ и искупилъ въ нѣкоторой мѣрѣ свой «неумѣстный педантизмъ» по первой части вопроса.

На дамбѣ гавани растеть пестрое пятно лѣтнихъ платьевъ, шляпъ и раскрытыхъ разноцвѣтныхъ зонтиковъ. Катеръ отваливаетъ. На рулѣ — сіяющій «Снобъ» (по офиціальному списку - гардемаринъ Маіорскій), глубокой знатокъ лихого управ-

ленія катерами. Своимъ «псевдонимомъ» онъ обязанъ исповѣдываемому имъ полному презрѣнію къ гребню, бритвѣ, чистымъ воротничкамъ, полному комплекту пуговицъ на мундирѣ и прочимъ излишнимъ утонченностямъ нашей развращенной цивилизаціи... Но сегодня «Снобъ» неузнаваемъ: общій подъемъ духа и энергичная помощь товарищей привели къ тому, что онъ причесанъ, выбритъ и безукоризненно одѣтъ съ ногъ до головы!

Въ послѣдній моментъ чуть было не разыгрывается «драма ревности»... Изъ люка гардемаринской дыры вылетаетъ, со сдвинутой на затылокъ фуражкой, непримиримый соперникъ «Сноба» по управленію катеромъ — гардемаринъ Сумцовъ — и съ боевымъ кличемъ: «Га! Це же мой чередъ!» устремляется къ трапу... Но уже въ него вцѣпился десятокъ дюжихъ рукъ, и Сумцовъ, отчаянно барахтаясь, проваливается обратно въ люкъ, подобно балаганному Петрушкѣ, увлекаемому чертомъ. «Снобъ», пользуясь моментомъ, командуетъ: «отваливай!» и катеръ, описавъ, изяшную дугу, направляется къ дамбѣ.

Внизу съ трудомъ успокаиваютъ разбушевававшегося Сумцова, доказывая ему, что отъ него ожидается сегодня гораздо большее: вѣдь онъ — «бальный оркестръ» и необходимо до пріѣзда гостей «подрепетить» всѣ модные танцы. Упрямый хохоль сдается наконецъ и, издавъ свое неизбѣжное «га!», садится за піанино. Но — по неискоренимой привычкѣ — изъ подъ его пальцевъ вырываются осточертѣвшіе всѣмъ звуки его лейбъ-мотива:

«...Ой мамо, мамо...» вызывая цѣлую бурю негодующихъ возгласовъ: «Къ чорту! Заткнись! Три мѣсяца уже слышимъ твою «маму»! Въ поднятыхъ рукахъ мелькаютъ угрожающе сапоги и прочіе «тяжелые предметы». Артистъ уступаетъ неразумной толпѣ и переходитъ на лихую мазурку.

— Катеръ подходитъ, господа!.. — и вся компанія, толкаясь на узкомъ трапѣ, устремляется наверхъ. Забурливъ на заднемъ ходу винтомъ, катеръ останавливается «въ точку» у трапа: «Снобъ» превзошелъ самого себя!

Сыновья, внуки и племянники суетятся, бережно высаживая подъ руки породныхъ адмиральшъ и генеральшъ, полныхъ величія тайныхъ совѣтницъ и даже — подлинную статсъ-даму (предыдущаго царствованія!) съ брилліантовымъ шифромъ. Хлопочутъ, разсыпаются въ любезностяхъ — и завистливо ксятся въ сторону своихъ болѣе счастливыхъ, «не обремененныхъ семьею» товарищей, которые, пользуясь обстановкой, съ неменьшимъ рвеніемъ поддерживаютъ загорѣлые локотки ихъ «собственныхъ» барышень!

...Въ каюгъ-компаніи пиръ горой! Все пользуется успѣхомъ: и чай (не кизенный), и пирожныя (не рестораторскіе!), и особенно мороженое, тающее какъ вешній снѣгъ на солнцѣ. Весело, шумно Бабушки и тетушки восхищаются убранствомъ помѣщенія (запасный комплектъ сигнальных флаговъ!), охаютъ и сокрушаются по поводу тягостей и опасностей морской жизни. Бары-

шни засыпаютъ своихъ кавалеровъ наивными вопросами, вызывая обстоятельно и съ жаромъ излагаемая техническія объясненія. Захватывающая тема — это морское дѣло! Иной разъ тетушка, насторожившись, направитъ лорнетъ въ сторону своей Зизи или Мими: ужъ очень усердно нашептываетъ ей что-то ея сосѣдъ...Прислушается...Нѣтъ онъ всего только разъясняетъ дѣйствіе какой-то тамъ «стрѣлы Темперлея», а слушательница такъ поглощена, какъ будто ей завтра же предстоитъ руководить рекордной погрузкой угля на линейномъ кораблѣ. Тетушка успокаивается и, вздохнувъ, придвигаетъ себѣ новый кусокъ этого соблазнительнаго торта.

«Дневальные» — въ безупречно бѣлыхъ фартукахъ — стараются изо всѣхъ силъ походить на лакеевъ «изъ хорошаго дома». Нелегко это съ непривычки и на напряженно-испуганныхъ, красныхъ физиономіяхъ блестятъ уже мелкія розинки пота. А тугъ еще поминутно грозношипѣніе не въ мѣру придирчивыхъ сегодня «господъ»...«Абрамовъ! Легче, старая перечница!...Чугъ было не ошпарилъ кипяткомъ ея превосходительство! ... Левченко! Сколько разъ еще гозорить тебѣ?! Съ лѣвой стороны надо подавать... съ лѣвой! Глухая тетеря эдакая!...Терентьевъ!! не лѣзь пальцами въ мороженое! Снизу держи блюдо!!...»

На дальномъ концѣ стола царитъ особенно шумное веселье. Громкій, оживленный разговоръ, взрывы звонкаго, женскаго смѣха...Лорнеты тету-

шекъ направляются въ ту сторону. Группа изъ четырехъ молодыхъ дамъ или барышень, окруженныхъ полудюжиной ухаживающихъ «на полный ходъ» гардемаринъ. Свѣтло лѣтніе туалеты. Всѣ хорошенькія, одна — брюнетка съ прической «а ля Клео де Меродъ» — почти красавица. Чуть чуть подведенные глаза, чуть чуть слишкомъ яркія губы. Въ остальномъ — ничего «предосудительнаго», — и тетушки успокаиваются. Но...онѣ заинтригованы: кто эти незнакомки, пользующіяся такимъ шумнымъ успѣхомъ?!

Гости наотрѣзъ отказываются отъ дальнѣйшаго угощенія...Нѣтъ, нѣтъ — ни чаю, ни пирожныхъ, ни даже мороженаго!

Остается перейти къ второй части программы — танцамъ. Мигомъ освобожденные столы поднимаются, скамейки и табуреты придвигаются къ борту, и Сумцовъ, окинувъ побѣдоноснымъ взглядомъ публику, — обрушивается обѣими пятернями на застонавшія клавиши. Старое казенное піанино то взвизгнетъ невпопадъ, то упорно обходитъ молчаніемъ какую нибудь ноту, но аудиторія нетребовательна — танцевать можно! Щелкаютъ каблуки, томно склоняются головки, и на узкомъ пространствѣ, ловко избѣгая пиллерсы, углы рундуковъ и прочія препятствія, поставленныя непредусмотрительными корабельными инженерами, — закружились пары.

Размѣстившіяся вдоль борта мамы и тетушки въ благодушно-созерцательномъ настроеніи

слѣдятъ за успѣхами своихъ питомицъ. Танцы слѣдуютъ непрерывно одинъ за другимъ. Медленно замерли звуки вальса... Сумцовъ, энергично тряхнувъ головой, набрасывается съ новой энергіей на многострадальное піанино, извлекая изъ него задорные звуки венгерки. Палуба задрожала подъ усердно притаптывающими каблуками.

Въ первой парѣ съ рослымъ, красивымъ гардемариномъ — природнымъ танцоромъ-полякомъ-идетъ одна изъ «тайесственныхъ» дамъ. Красивая, стройная и гибкая брюнетка съ громадными черными глазами, въ красномъ шелковомъ платьѣ съ глубокимъ вырѣзомъ.

Лорнеты приводятся въ «боевую готовность». Поворотъ въ концѣ «залы»...

— Марья Антоновна, ... — шепчетъ статсъ-дама своей сосѣдкѣ адмиральшѣ, — вы видѣли!... Она же прямо неприлично льнетъ къ своему кавалеру! Это же Богъ знаетъ что за поведеніе!

— И замѣтите, Олимпиада Федоровна, — голосъ адмиральши понижается до трагическаго шопота, — она — безъ корсета!!

— Безъ корсета?!? ... Что вы говорите?! Не можетъ быть!!...

— Посмотрите внимательнѣе...

— Въ самомъ дѣлѣ!... Ну-у знаете!

Второй поворотъ...

— Нѣтъ, вы посмотрите только!...

Дама въ красномъ, показывая въ веселой

улыбкѣ прекрасные бѣлые зубы, перегибается на рукѣ кавалера почти до земли.

— Это же акробатка какая-то!

— А кто она такая?... Кто вогъ эти, это съ ними?!?... — пробѣгаютъ зловѣщимъ шопотомъ вопросы по рядамъ тетушекъ.

— Ахъ!!... — статсъ-дама чуть не выронила изъ рукъ лорнета.

«Дама въ зеленомъ» — хорошенькая, полная блондинка, — войдя въ азартъ, такъ закружилась, что легкое платьѣ высоко взлетѣло, открывая обтянутыя тонкими шелковыми чулками ножки и волны кружевныхъ, — «не подлежащихъ оглашенію», — принадлежностей дамскаго туалета.

Взвизгнувъ на послѣдней нотѣ, піанино умолкло. Дамы, обмахиваясь вѣерами и платочками, разсаживаются. Рядомъ съ адмиральшей опускается на табуретку раскраснѣвшаяся, запыхавшаяся «дама въ зеленомъ»... На ловца и звѣрь бѣжитъ! Было бы непростительно не воспользоваться такимъ случаемъ для удовлетворенія вполнѣ законнаго любопытства!

— Жарко, неправда ли?:... Помѣщеніе все-таки маленькое... Танцовать трудно... — начинаетъ издалека адмиральша и переходитъ затѣмъ въ рѣшительное наступленіе, — вамъ нравится Гангэ?... Танцуете много?... Веселитесь, отдыхаете?...

Глаза ея собесѣдницы широко раскрываются, и съ дѣтски пухлыхъ губъ срѣвается искренній, звонкій смѣхъ:

— Отдыхать?!...Веселиться?!...Да намъ некогда, мы работаемъ съ утра до вечера!

«Работаемъ?!?...» Адмиральша сбита съ толку... Какая работа лѣтомъ, на курортѣ?!...И вдругъ — ужасная мысль: неужели эти молодые люди настолько забыли всякое приличіе, что пригласили какую нибудь бѣлошвейку или портниху?!... Съ усиліемъ сохраняя свѣтски-равнодушный тонъ, она задаетъ критическій вопросъ:

— Работаете? Что же — шьете?...

— Нѣтъ, нѣтъ, — еле справляясь съ душащимъ ее смѣхомъ, отвѣчаетъ «зеленая», — мы работаемъ на аренѣ...

????!!!

— Погги и Мадъ, — киваетъ она въ сторону двухъ «розовыхъ», — работаютъ на трапедии, я выѣзжаю на старомъ «Томѣ» — обручи и все прочее, — а Долоресъ... Да вы, навѣрное, уже бывали въ циркѣ?! Неправда ли, она хороша въ амазонкѣ?! Мужчины съ ума сходятъ...Что съ вами?!...— испуганно прерываетъ она свою болтовню, взглянувъ на неестественно покраснѣвшее лицо своей сосѣдки, — вамъ нехорошо?! Отъ жары?...Я принесу вамъ воды...

— Нѣтъ, нѣтъ...оставьте меня!...Зизи! Мими!...

— Что съ тобою, тетя?! Тебѣ дурно?!... — подлетѣли встревоженные барышни.

— Ъдемъ! сейчасъ же, — немедленно! — задыхается тетушка, — куда мы попали!...Одѣвай-

теть!... Какой ужасъ! — обращается она къ под-
нявшейся уже статсъ-дамѣ, слышали?!... Цир-
качки!!!...

— Намъ остается только покинуть это болѣе
чѣмъ странное общество! — величественно отзы-
вается та, поджимая тонкія губы.

Страшная вѣсть о «неслыханномъ скандалѣ» съ
быстрой степного пожара обѣжала ряды тету-
шекъ. При видѣ внезапной «съемки съ якоря» — всѣ
вдругъ встревоженные хозяева бросаются разспра-
шивать, уговаривать... Все тщетно! Охваченныя
священнымъ негодованіемъ, тетушки глухи ко всѣмъ
мольбамъ.

— Бѣдная Мари... — шепчетъ трагическимъ то-
номъ статсъ-дама, — какой ударъ для... нея!

— Тетя, да причемъ здѣсь мама?!... вѣдь мы...

— Надѣюсь, что у тебя еще хватитъ воспи-
танности, чтобы не перебивать меня!.. — обрѣ-
заетъ она ледянымъ тономъ смущеннаго и расте-
рявагося племянника, — мой свягой долгъ, от-
крыть глаза моей несчастной сестрѣ...

— Тетя, ты...

— Да, я сейчасъ же пишу твоей бѣдной мате-
ри!... Она не хотѣла слушать... я ее всегда преду-
преждала, что море и развратная жизнь — одно и
то же... опиумъ, гейши...

— Полоди... напишу отцу! — горячится пол-
ная генеральша, не попадая въ рукавъ своего ман-
то, — вогъ на что, на какія «учебныя пособія»
нужно двадцать рублей въ мѣсяцъ?!... Полоди!

Узнаетъ, вернетъ тебя да опредѣлитъ въ Чугуевское... Тамъ тебѣ пропишутъ, какъ со всякими «артистками» путаться!...

— Вѣрочка, да скажи же, ради Бога, что это значить?!... — твердитъ съ отчаяніемъ высокій гардемаринъ, ловя руку хорошенькой кузины — подруги дѣтства...

— Оставьте меня! Не трогайте мою руку!... — еле сдерживая слезы, отмахивается Вѣрочка — идите къ своимъ... этимъ... Со мной совсѣмъ не интересно... Я не умѣю... не у-мѣю... танцовать... на неосѣдланномъ ка-на-тѣ!... Вѣрочка прячетъ въ грудь пальто свое предательски покраснѣвшее лицо, по которому начинаютъ скатываться крупныя слезы,

— Между нами все кончено! — говоритъ, надменно закидывая хорошенькую голову («съ достоинствомъ оскорбленной королевы») институтка Зизи своему опѣшившему поклоннику, — вы вернете мнѣ мой голубой бантикъ... и карандашикъ... и мою карточку, что вы взяли изъ тетинаго альбома...

— И совсѣмъ мнѣ не жаль! — быстро добавляетъ она, смутно почувствовавъ, что гдѣ то — въ глубинѣ — дрогнуло королевское достоинство, — я буду очень весело танцовать сегодня весь вечеръ въ курзалѣ, а потомъ... а потомъ.... выйду замужъ за рыжаго правовѣда съ веснушками... да!...

Ничего не подозрѣвающей Сумцовъ начинаетъ Шопеновскій вальсъ.

— Сержикъ, — весело кричитъ «зеленая,» — первый туръ за вами... я жду!...

— Посмѣй только, на моихъ глазахъ!... — грозно шипитъ мамаша.

Тетушки, ограждая, какъ встревоженные насѣдки, своихъ питомицъ, устремляются къ трапу.

— Мими! Зизи поднимайтесь! Можете не прощаться... въ такомъ обществѣ... Ты, Жоржъ, можешь на безпокоиться приходить завтра къ обѣду, насъ дома нѣтъ... и послѣзавтра тоже... Господи что это за шумъ?!...

На верхней налубѣ слышится топотъ босыхъ ногъ, рѣзкіе звуки унтеръ-офицерскихъ дудокъ.

Съ трапа «скатывается» вахтенный:

— Господа гардемарины! Вахтенный начальникъ приказали доложить, что катеръ у трапа, и просятъ скорѣе... такъ что здорово засвѣжѣло и шлюпки приказано подымать...

— Что?!... Уѣзжать?!... Мнѣ еще хочется танцевать! — волнуется развеселившаяся «зеленая» и внезапно устремляется къ трапу, — я поговорю съ вашимъ капитаномъ, онъ навѣрное душка...

За ней толкая другъ друга, вылетаютъ Сержикъ и Жоржъ. Этого еще не хватало, чтобы эта шальная дѣвчонка устроила скандалъ на шканцахъ!

.....,.....

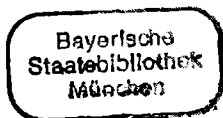
Катеръ тяжело ныряетъ на разведенной внезапно засвѣжѣвшимъ зюйдъ вестомъ, крупной волнѣ. Тетушки охаютъ и крестятся. Вѣрочка уткнулась лицомъ въ плечо матери и тихо всхлипы-

ваетъ. Зизи, выдерживая королевское достоинство, демонстративно отодвигается отъ оказавшейся рядомъ съ ней Пегги. Статсъ-дама «обливаетъ» презрѣніемъ «Долоресъ.» — нахально пускающую колыца дыма изъ тоненькой папироски.

На палубѣ старшій офицеръ разноситъ гардемарина, забравшагося, вопреки категорическому запрещенію, на катеръ, чтобы проводить овладѣвшую сердцемъ «зеленую» даму.

— ...Двѣ недѣли-безъ берега... Ступайте!...

А въ каютъ-компаніи, ставшей снова «дырой», идетъ гомерическая перебранка «семейныхъ, и холостыхъ», взаимно обвинявшихъ другъ друга, сыплятся «кислыя слова», рвутся узы старой дружбы. — И все потому, что не сговорились.

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

Съ полуночи случаи

**Морские рассказы. Прага 1932. 70 Стр.
цѣна 7 франковъ.**